

П.Амнуэль

ДЕЖА ВЮ

Площадь была маленькая, а церковь выглядела заброшенной. Сложенное из красных кирпичей, не везде плотно подогнанных друг к другу, здание, если смотреть на него издали, напоминало севший на мель старый корабль, мачты которого переломились у основания.

Антон обошел церковь и присел на скамью под деревом, которое могло быть липой, а могло – осиной. Антону хотелось, чтобы дерево оказалось плакучей ивой, тогда он дотянулся бы до ее ветвей и сказал про себя: «Все хорошо». Гуляя по Амстердаму третий день, Антон не нашел ни одной ивы, хотя выбрал этот город по той, для него самого не очень ясной, причине, что на берегах знаменитых каналов растут большие плакучие ивы, которых не найти ни в одной другой европейской столице. Никто ему об этом не говорил, и ни в одном из путеводителей ни слова не было об амстердамских ивах, но Антон помнил, что как-то сидел под плакучей ивой именно в Амстердаме. Больше ничего он вспомнить не мог, но картинка, возникшая в голове, когда он в конце семестра принялся изучать туристические проспекты, была такой яркой, что у него и тени сомнения не возникло – придя в турагентство, он точно знал, куда хочет ехать.

В Амстердаме ив не оказалось. У дерева, под которым стояла скамья, была редкая крона, будто парик с выпадавшими волосами, и солнечные лучи, почти не застревая в ветвях, падали на плечи и голову. Вход в церквушку был закрыт, дверь выглядела такой же старой, как вся кладка, местами покрывшаяся плесенью. Впечатление было таким, будто лет двести назад последний прихожанин, а может, сам приходский священник, уходя, закрыл дверь навсегда, и за многие годы она выросла в кирпичи, превратив бывший храм в запечатанный склеп.

Посидев несколько минут и дав ногам отдохнуть от долгого хождения по улицам, Антон поднялся, чтобы продолжить прогулку, и, похоже, это его движение что-то переключило в сложном устройстве мироздания – над площадью, над небом вознеслась печальная, с взволнованными придыханиями, мелодия, которую небрежно, то ускоряя темп, то вдруг останавливаясь, будто забывая ноты, наигрывал невидимый органист.

Неожиданно раскрылась дверь – сама собой, будто от ветра, которого сегодня не было в помине, – и из глубины церкви звук органа пролился на брусчатку площади, как густой сироп из опрокинувшейся бутылки. Играли Баха – седьмую инвенцию. Антон не был ни знатоком, ни даже активным любителем классики, органа в особенности, но эту вещь знал наизусть, она звучала в его любимом фильме, который с некоторых пор ему и пересматривать было не нужно – он знал каждый кадр «Соляриса», каждую режиссерскую задумку, каждый жест и взгляд актеров.

Органист играл плохо, а может, всего лишь репетировал, но знакомая мелодия все равно притягивала, будто порыв ветра, распахнувший дверь,

толкнул Антона в спину по направлению к церкви, куда он, вообще-то, и без приглашения собирался войти, раз уж представилась возможность.

Антон медленно пересек площадь и вошел в гулкую темноту храма, изнутри оказавшегося огромным. Купол витал где-то над застывшим в удивлении небом, узкие окна с калейдоскопическим нагромождением витражей почти не пропускали свет, на алтаре под большим позолоченным крестом с распятым Иисусом горел ряд высоких тонких свечей, и кто-то там, кажется, молился – Антону показалось, что он видит согбенную спину в белом облачении священника. А может, это висело на решетке чье-то белое, похожее на полотенце, одеяние – издали не разобрать.

Орган перестал звучать на середине музыкальной фразы, и тишина проявила звуки, существовавшие здесь и раньше, – медленные шаги на хорах, кряхтение, тяжелое дыхание. Органист, видимо, спускался, Антон не хотел ни с кем встречаться; может, сюда вообще нельзя было входить, и он нарушил правила? Повернувшись, чтобы уйти, Антон бросил взгляд на стоявшую в углублении статую девы Марии, почти невидимую, но все равно четко очерченную полутенями от колонн. Дева Мария держала на руках младенца и смотрела на Антона, будто хотела сказать: «Помнишь?»

Он вспомнил. Он здесь был. Однажды. Не так давно. Просто выпало из памяти. С ним это часто случалось – в последнее время, впрочем, чуть реже обычного. Дежа вю. Вдруг вспоминаешь, что с тобой это уже происходило. Антон знал, что, обернувшись, увидит в центре зала на полу сложную мозаику – круг с множеством лучей, похожих на пики, перевязанные тонкими лентами. И в центре круга...

Антон медленно обернулся, ему показалось, что дева Мария посмотрела на него укоризненно, а младенец вздрогнул и приник к материнской груди.

В центре зала было чуть светлее, и мозаичный круг со стрелами-пиками виден был совершенно отчетливо, а еще...

Он вспомнил. В тот день здесь было гораздо светлее, горели две яркие лампы на треножниках, в центре круга стоял мольберт, и художник – импозантный мужчина в длинном зеленом пиджаке, больше похожем на плащ, – широкими мазками рисовал, откидывая голову, наклоняясь то влево, то вправо, чтобы оценить сделанное. Антон видел лицо художника и не мог видеть картину, не знал, близка ли она к завершению, и что пытался изобразить на холсте живописец.

И еще он вспомнил, как из темноты возникла тень, сформировавшаяся затем в человека, мужчину, ступавшего медленно и тихо. Антону показалось знакомым лицо, но разве можно узнать кого-нибудь при таком неверном освещении? Художник застыл на мгновение с поднятой рукой, а потом уронил кисть, покачнулся, обхватил обеими руками невидимую колонну и завалился навзничь. Мужчина почти скрылся во тьме, но что-то привлекло его внимание, и внимание Антона тоже обратилось к первой колонне у входа.

Там стояла девушка, выглядевшая тенью на тени. У девушки были длинные светлые волосы, и это все, что смог увидеть Антон. Разглядеть лицо с того места, где он стоял, было невозможно, но почему-то Антон был

уверен, что девушка очень красива. Это было страстное убеждение, мгновенная вспышка безотчетного желания. И еще: девушка боялась. Она подняла руки, прикрылась ими, будто крыльями, и в следующую секунду исчезла – скорее всего, отступила за колонну, во мрак.

Антон хотел пойти за девушкой, но мертвое тело художника притягивало, он подошел ближе, и что-то показалось ему знакомым, что-то уже виденное где-то...

Где?

Антон не помнил. С памятью у него всегда были проблемы. Вдруг вспоминался эпизод, о котором он не мог сказать точно, происходило ли это в его жизни на самом деле. Возникало странное знание о чем-то, чего он знать не мог. Как сейчас.

Он никогда прежде не был в этой церкви. Он никогда прежде не был в этом городе. Он никогда прежде не был в Голландии, разве что пролетал несколько раз по пути в Лондон и обратно, вглядываясь в проплывавшие внизу прямоугольники домов, причудливые дуги амстердамских каналов, зеленые кляксы городских парков.

На негнущихся ногах Антон сделал несколько неуверенных шагов и оказался в центре мозаичного круга со стрелами-пиками. Здесь стоял мольберт, а вполоборота к проходу между скамьями художник рассматривал собственное творение. И сзади...

Антон обернулся в испуге – конечно, там никого не было, и у алтаря не было никого, и у первой колонны от входа. С хоров доносились все те же слабые шаркающие звуки – невидимый органист устраивался удобнее или, может быть, протирал тряпочкой клавиши...

Медленные звуки органа спустились с хоров и растворились в воздухе. Воздух стал музыкой, Антон протянул ладонь, и в нее легло ощущение спокойного доброжелательства, смыв ощущение страха, неуверенности, беды. Художник, убийца, девушка, мольберт... Это было, но этого не было, и быть не могло. Еще одна причуда его сумасшедшей памяти. Только и всего.

Антон направился к выходу, глядя прямо перед собой, но боковым зрением ожидая увидеть тень на тени и побежать... от чего?

От себя не убежишь, – произнес Антон банальную фразу, выйдя в ослепляющую после храмовой темноты цветную реальность амстердамского утра. Скамейку, на которой он сидел несколько минут назад, успели занять – юная мама склонилась над коляской и шептала нежности ребенку, девочке со светлыми курчавыми волосами.

Антон шел, не оглядываясь, – он не хотел знать, открыта ли еще дверь в церковную темноту, кто там стоит на пороге и смотрит ему вслед. Никто не стоял, скорее всего, но он чувствовал упершийся в спину взгляд и не мог избавиться от этого ощущения, пока не миновал несколько кварталов и не вышел на шумную улицу Дамрак, где как раз подкатил к остановке двадцатый номер трамвая и тренькнул звонком, напомнив московскую десятку его детства, на которой он каждый день ездил по утрам в школу и обратно.

У поворота на Спуй он вышел. Направо – к гостинице, где он снял маленький номер с видом на Амстель. Вперед – к серому и невзрачному на первый взгляд дому, где еще вчера он увидел рядом с красной, будто выкрашенной бычьей кровью, дверью среди прочих табличек серебряный квадрат с именем человека, о котором ему рассказывали еще дома, в Израиле.

Он не выбирал направления – ноги решили за него. Не в первый раз.

* * *

Приемная частного детектива больше была похожа на студию художника, во всяком случае – в представлении Антона. Огромное, в два человеческих роста, окно, в котором можно было бы увидеть весь центр города, если бы прекрасный вид не загораживал дом напротив. На покатоном склоне черепичной крыши вольготно, будто на картине старинного голландского мастера, расположились два огромных кота, подозрительно глядевших друг на друга, но пока не предпринимавших попыток выяснить отношения. Поодаль грелась на солнце, вытянув лапы, изящная черная кошечка, местный вариант пантеры. Кошечка вяло помахивала хвостом, ожидая начала представления.

– Забавляет? – сказал Манн, возвратив Антона из мира кошачьих грез в будничную атмосферу, куда клиент собирался внести немного криминального разнообразия. – Садитесь. Эдит сказала, что ваше имя Антон Симак. Из России?

Разговор велся по-английски. Антон попытался построить в уме простенькую фразу на голландском, понял, что объяснить толком не сумеет, и ответил на английском, который знал с детства:

– Из Израиля. Когда я уезжал... я здесь в отпуске, турист... мне порекомендовали, если что, обратиться в агентство Манна.

– Неужели обо мне рассказывают в Израиле? – поразился Манн.

– Линда Штраус, слышали о такой? – вопросом на вопрос ответил Антон.

– О, – улыбнулся Манн. Хорошая у него была улыбка, открытая, добрая, Антон подумал, что все теперь будет в порядке: человек, умеющий так улыбаться, по крайней мере, не способен отвергать без рассмотрения самые странные рассказы клиентов – собственно, так о Манне и сказала Линда, репортер «Маарива», приезжавшая полгода назад в Ариэль, чтобы взять интервью у кого-нибудь из сотрудников недавно открывшейся лаборатории космической физики. Они тогда проговорили весь день, это и не интервью было, а дружеская беседа, и об амстердамском частном сыщике Линда вспомнила, когда зашла речь о неразрешенных загадках дальнего космоса – о темной энергии, например, и о струях межгалактического вещества, протянувшихся на такие огромные расстояния, что никакой закон тяготения, даже модифицированный современными ниспровергателями Эйнштейна, не мог объяснить их движения. «Удивительно, – сказала тогда Линда, – человек будто притягивает к себе загадки, которые, как другим кажется, не имеют

решения, разве что мистические, но Манн извлекает из них реальную суть, совсем, как вы из ваших темных сил и потоков»...

– Линда Штраус, – Манн повторил имя с видимым удовольствием. – Нас познакомила Кристина, иначе я бы не согласился на интервью, не любитель, знаете...

– Кристина...

– Моя жена, – пояснил Манн. – Садитесь в кресло, и на вас не будут падать прямые лучи солнца, я вижу, вы щуритесь. А я люблю сидеть, чтобы солнце светило в глаза.

– Тогда вам...

– Ничего не видно, да! Но зато я гораздо лучше слышу. Когда – и если – будет нужно, я вас рассмотрю очень внимательно, поверьте. А пока... Вам удобно? Будете пить кофе? Эспрессо? Черный? С сахаром?

– Черный, если можно, – пробормотал Антон. – С сахаром, да, одну ложечку. И без молока, а то в местных кофейнях...

– Только без молока! – твердо сказал Манн. – Молоко отбивает вкус. Рассказывайте.

– Послушайте, – неуверенно сказал Антон. Он всегда говорил неуверенно, когда задавал свой стандартный вопрос, пытаясь для начала понять, что можно произнести вслух, а что надо оставить в себе, хотя это и трудно, потому что память была, как включенный мотор, – если не дашь возможности разогнаться, то перегреется, и начнет болеть голова, придется доставать пакетик с таблетками... – Послушайте, мне кажется... Мы с вами не встречались раньше? Я не бывал здесь? В этой комнате?

– Нет, – с удивлением и интересом сказал Манн. – Уверен, что вижу вас впервые. Вам... – он помедлил, – кажется, что вы здесь уже бывали?

– Дежа вю, – пробормотал Антон. Обычно он не признавался сразу в своей особенности воспринимать мир, как вторичную проекцию чего-то, что уже было, но стерлось из памяти.

– Дежа вю, – повторил он. – С этим, собственно, все и связано.

Манн молчал и слушал.

* * *

Чтобы вам было понятно произошедшее... Вы можете решить, что у меня с головой не в порядке... Поэтому я расскажу сначала о своем детстве. Не подумайте, что это приступ словесного недержания. Наоборот, я никому... то есть, почти ни с кем об этом не говорю, зачем людей напрягать... Но сейчас... Вы правы, это лишние слова, а суть...

У меня странная память, знаете ли. Я попадаю в незнакомое место и вспоминаю, что уже был здесь. Это случается спонтанно, я не умею управлять процессом, хотя за многие годы пытался, конечно; иногда мне казалось, что получается, но всякий раз убеждался, что, если вызываю воспоминание намеренно, оно получается ложным, не таким, каким должно было бы быть... В общем, я давно не пытаюсь управлять...

Вы правы. Я нервничаю, да. Значит, сначала.

Мне было три года, когда я впервые с этим столкнулся. Мама привела меня в детский сад, я должен был остаться один... не один, конечно, среди детей, но без нее. Я вцепился обеими руками в мамину ногу, обтянутую джинсами, приготовился реветь и не отпускать штанину ни при каких обстоятельствах. Но получилось иначе – мы вошли в большую комнату, где было много незнакомых детей, столиков, игрушек, и две молодые женщины... я их сразу узнал, только имен не помнил, и в комнате этой я уже был много раз, и в игрушки эти играл, а мальчику, уныло сидевшему в углу, я как-то вlepил затрещину, просто так, чтобы под ногами не путался.

Понимаете? Я отпустил мамину штанину. Я прошел к своему столику, кивнув по пути воспитательнице. Я не помнил, как ее звали, меня это не интересовало, я хотел достать из круглой зеленой коробки игру-змейку, которую вчера собирал сам. Правда, в моей памяти коробка была синей, но на эту мелочь я обратил внимание позже, а тогда просто засунул внутрь руку, вытащил странное сооружение, несколько на змейку не похожее, и только тогда перепугался насмерть, потому что вдруг понял, что никогда я на самом деле здесь не был, не мог здесь ни с кем играть и никому не давал по шее, и воспитательницу видел впервые в жизни. Глаза наполнились слезами, но мама уже ушла, удивленная и обрадованная моей реакцией на незнакомое. По дороге на работу она, подозреваю, размышляла о том, что очень плохо знала собственного сына.

В тот день я еще не понимал, что такое дежа вю, но странный момент узнавания позволил пережить стресс, и на другой день я шел в сад с ощущением, будто хожу туда целый год, я даже маму за руку не держал, бежал впереди, это я хорошо помню.

Я был ребенком, мне в голову не приходило отслеживать, классифицировать, сводить в систему. Единственное, что могу сейчас сказать, – странные приступы дежа вю происходили все чаще... или я стал их лучше помнить. Вам знакомо это ощущение, всем знакомо, каждый человек хотя бы раз испытал чувство беспричинного узнавания – места, человека, ситуации. Когда дежа вю случается раз или два, к этому относишься, как к курьезу, взбрыку памяти. Но если дежа вю наступает с регулярностью появления на вашей улице мусороуборочной машины... Не знаю, почему в голову пришло именно это сравнение. Наверно, потому что, когда я действительно впервые увидел машину, в которую сваливали мусор из огромных (так мне казалось) контейнеров, мне было очевидно, что именно эту машину, именно этого водителя я уже много раз видел, но не здесь, не на нашей короткой улице, соединявшей два широких городских проспекта. Я видел эту машину при совсем других обстоятельствах, и водитель этот, темнокожий и лысый, как глобус, помог мне... в чем? Этого я припомнить не мог, как ни старался, а подойти и спросить мне, конечно, в голову не приходило, я был ребенком, не помню сейчас, сколько мне было точно – шесть или семь, ходил я уже в школу или только готовился...

А когда, набравшись храбрости, я решил подойти и независимым тоном спросить у водителя: «Мы знакомы?»... тот же вопрос, который я потом

задавал множеству людей при самых разных обстоятельствах, вам тоже, да... Так вот, когда я, наконец, решился, машина перестала приезжать. Мусор, конечно, убирали, но приезжала теперь другая машина, и водитель был другой – белобрысый парень с тяжелым взглядом.

Стационарное состояние моей психики оформилось лет в тринадцать. Просыпаясь утром, я смотрел в потолок своей давным-давно знакомой комнаты, и мне казалось, что я здесь уже бывал – странное ощущение: конечно, я здесь бывал, я здесь жил, я проводил в своей комнате много часов, я знал расположение всех трещин в штукатурке и всех чернильных пятен на дереве секретера, но все равно, просыпаясь, я вдруг (всякий раз вдруг) понимал, что я уже бывал в этой комнате, но, в том-то и дело, что не совсем в этой – я вспоминал, что на потолке должен быть желтый след от брызнувшего как-то шампанского, но его не было, и это меня смущало минуту-другую, будто я проснулся не в своей постели. А потом я вспоминал, конечно, что в моей комнате никогда не было на потолке следа от шампанского, но я точно помнил, что в моей комнате такой след был... ужасное ощущение раздвоенности сознания и, в то же время, общности, единственности мира, в котором все мои дежа вю не отдельные и не случайны, а составляют незыблемую систему.

Я знал уже, что так происходит не со всеми, точнее – ни с кем, кого я знал и с кем мог поделиться сокровенным. Вначале-то я рассказывал всем и каждому – маме с папой, прежде всего. Мама слушала не то чтобы без интереса, но с интересом, на который я не рассчитывал, – она испугалась, с ее сыном происходило что-то такое, чего не случалось с другими детьми. Как-то она повела меня к детскому психиатру. Тот, выслушав мои сбивчивые истории, сказал, что у меня гиперактивное сознание, и прописал таблетки, которые я наотрез отказался глотать – видимо, организм инстинктивно понимал, что это не нужно. Знаете, как я сопротивлялся! Я выбрасывал таблетки, я их прятал в рукаве, закладывал за щеку и выплевывал – в конце концов, заявил, что пить не буду, пусть меня из дома выгоняют, пусть запирают в темной комнате на весь день, пусть не позволяют читать книги – не буду, и все. Мама смирилась, а я перестал рассказывать о своих дежа вю, которые не только не становились реже, но, напротив, к четырнадцати годам стали такой же неотъемлемой частью моей жизни, как еда, сон и душ по утрам.

Когда нам начинали в школе объяснять новую теорему, я вспоминал, что уже слышал это объяснение, не совсем такое, не совсем теми словами, но слышал, хотя и не мог воспроизвести доказательство сам. Знаете, как это бывает – помнишь сам факт, помнишь обстановку, в которой было сказано нечто, помнишь даже слова, но вспоминаешь их именно в тот момент, когда эти слова произносятся в реальности – в памяти они сразу отражаются, и кажется, что они уже были там раньше, а в реальности возникли только сейчас. Обратное отражение, если вы понимаете, что я имею в виду...

Конечно, это не ясновидение, как вы сначала подумали. Ничего общего. Я никогда не вспоминал ничего такого, что со мной еще не происходило.

Никогда не было, скажем, случая, когда я шел бы по улице, вдруг понимал, что из-за угла вылетит автомобиль, я упаду... а через секунду или минуту из-за угла действительно вылетает машина, но я уже готов и бросаюсь в сторону вовремя, чтобы не попасть под колеса. Это было бы ясновидением, да, но такого со мной никогда не происходило. Было все наоборот: я видел вылетающий из-за угла автомобиль, делал шаг назад и вспоминал – улицу (именно эту), автомобиль (этот самый, хотя в памяти он мог быть другого цвета или даже другой марки).

Со временем я научился использовать свои дежа вю для принятия решений. Это произошло, когда я уже учился в колледже в Ариэле. Я ездил сначала каждый день автобусом из Тель-Авива, а потом снял комнату... Эта история тоже интересна, потому что дежа вю как-то спасло меня от смерти, расскажу потом, если захотите. Тогда я понял, что собственную память просто обязан, раз уж так получилось, использовать для того, чтобы принимать правильные решения. Скажем, подавать ли документы в фирму «Эксель». Мне нужна была подработка, денег не хватало, мама (отец к тому времени умер) не могла помогать мне так, чтобы я удовлетворял свои молодые потребности... Прихожу в офис для собеседования, вспоминаю, естественно, что я здесь уже был, только столы стояли не так, и девушка-секретарша была не блондинкой, а жгучей брюнеткой, и руку за моим удостоверением протянула нехотя... И я начинал тянуть за эту нить, пытаться понять, что было дальше – в памяти, не в реальности. В реальности я протягивал документ (в памяти тоже), меня приглашали пройти в кабинет (я помнил, что вошел не в кабинет, хозяин фирмы – да-да, в точности такой же, как в реальности, – вышел в приемную, и мы беседовали, сидя в низких креслах у журнального столика), мне задавали вопросы, но слушал я не хозяина, а всматривался и вслушивался в то, что происходило в памяти, ловил момент... вот! Мне не нравились условия, я понимал, что работать придется больше, чем позволял студенческий график... дальше вспомнить не мог, потому что внимание переключалось на реальность, нужно было реагировать на голос, и я говорил: «Извините, меня это не устраивает», хотя ни слова в тот момент не помнил из того, что только что объяснял хозяин фирмы. Память вытесняла на какое-то время...

Вам надоело слушать, извините, сейчас перейду к делу, я только хотел, чтобы вы отнеслись к моим дежа вю серьезно. Это не игра фантазии, не ясновидение... Дежа вю, ничего больше.

* * *

– Значит, вы вспомнили... – протянул Манн, намеренно не закончив фразу.

– Как убили художника, – сказал Антон, прислушиваясь к собственному голосу и каждое следующее слово произнося все более уверенно. – А потом убийца заметил девушку и направился к ней, но она успела спрятаться... или выбежать из церкви.

– Этот человек... убийца... видел вас?

– Не могу сказать точно. Полумрак...

- Вы стояли за колонной?
- Нет. Рядом.
- На расстоянии...
- Сейчас я не могу вспомнить, какое расстояние нас разделяло. Метра три? Я... или звук шагов... отвлек его от девушки, и...
- Она скрылась, – закончил Манн.
- Не знаю. – Антон пытался вызвать воспоминания, вспомнить каждую деталь, но по заказу не получалось. По заказу не получалось никогда – какие-то детали пропадали, какие-то память присочиняла сама, так ему, во всяком случае, казалось, и он переставал понимать, чему должен верить, чему нет, а что подвергать сомнению и анализу.
- Когда я нервничаю, – попытался объяснить он, – память расплывается.
- Ничего этого не происходило на самом деле, – сказал Манн с полувопросительной интонацией. – Я хочу сказать: если бы вы сейчас давали показания в полиции, то не могли бы ручаться, что все, вами рассказанное, происходило на самом деле?
- Нет. То есть... Происходило, конечно. Иначе я бы этого не помнил.
- Но как же...
- Не знаю. То есть... У меня есть объяснение. Для себя. Иначе трудно было бы жить. Себе я все объяснил. Собственно... Профессию я выбрал именно такую, какая позволяла... Но это другой вопрос. Не думаю, что должен забивать вам голову гипотезами, которые, скорее всего, не имеют никакого отношения к реальности. Ad hoc¹. Знаете, что это означает?
- Да, – коротко сказал Манн.
- Типичная гипотеза ad hoc. Лично для меня. Чтобы я смог себе что-то объяснить. Ни один физик... Да я и не пытался... Послушайте, – взмолился Антон, – я не для того к вам пришел, чтобы теоретизировать по поводу...
- А зачем же? – с интересом спросил Манн.
- Я же сказал! То, что я вспомнил... Убит человек! Жизнь другого человека – девушки – в опасности.
- Ваша тоже, – заметил Манн, внимательно наблюдая за реакцией Антона.
- Да... может быть, – смутился тот, но поднял глаза и сказал твердо:
- Нет, моя жизнь ни при чем. Он меня не видел. Даже... Уверен, что убийца и не мог меня увидеть, иначе я бы почувствовал. Я всегда чувствую какое-то, если хотите, последствие. Вспомнить не могу, воспоминание обрывается, если я начинаю нервничать, но эмоция... Как бы точнее объяснить.
- Не надо, – мягко проговорил Манн. – Я понимаю, что вы имеете в виду.
- Значит...
- Манн покачал головой.
- Вы хотите, чтобы я разобрался в хитросплетениях вашей памяти? Но я не психоаналитик.
- Нет! Я хочу, чтобы вы... Человек убит, понимаете?
- В вашем воображении.

¹ Для данного случая (лат.)

– Память – не воображение, – сухо произнес Антон. – Вижу, я не сумел объяснить вам разницу.

– Я прекрасно понимаю разницу между воображением и памятью. Я только не представляю, как вы... – Манн замолчал, споткнувшись о неожиданно злой взгляд Антона. – Хорошо, – сказал детектив, помолчав, – вы это помните, вы это видели, вы там были. Но под присягой вы ни одного своего слова подтвердить не можете.

– Нет.

– Вы хотите, чтобы я...

– Для начала надо выяснить: может, в церкви действительно произошло убийство.

– О котором я не знаю? Вряд ли. Амстердам – город большой, но здесь очень редко убивают. И о каждом убийстве пишут в газетах. Полиции у нас трудно работать – под пристальным вниманием прессы.

– У нас тоже. Иногда смотришь новости, и возникает ощущение, что в стране ничего не происходит, кроме преступлений.

– Я знал бы о том, что в церкви святого Юлиана убили человека, – твердо произнес Манн. – Не было такого. Значит, это не память, а фантазия.

– То есть, вы не беретесь...

– Расследовать то, что не произошло?

– Но вы можете навести справки, – продолжал Антон, игнорируя вопрос. – Художник, наверно, не первый раз работал в церкви. Портрет может существовать реально. Девушка... Натурщица, по-видимому. Она тоже может быть реальна. И тот человек... убийца. Я ощутил его присутствие, как самого себя. Да, я помню то, чего не происходило. Еще не произошло.

– Стоп, – прервал Манн своего визави. – Вы недавно сказали, что ваша память – не ясновидение. Вы не можете вспомнить то, что ЕЩЕ не случилось.

– Не могу. Человеку не дано помнить будущее.

– Вы противоречите сами себе.

– Нет, – сказал Антон. – Но для того, чтобы вы это поняли, я должен рассказать о своих предположениях, а на это сейчас нет времени.

– Почему? У меня в два встреча. Жена на работе – поехала на вернисаж в Гаагу, она пишет для «Тага». Вернется не раньше семи. У меня есть время, чтобы выслушать...

* * *

Моя специальность – космология. Наука о том, как устроено мироздание. Не наш крошечный мир, какой мы видим вокруг, а вся Вселенная целиком. Как она устроена сейчас, какой была раньше, какой станет много миллиардов лет спустя. Как она возникла, наконец. Не «почему» – на этот вопрос сейчас никто не ответит, но – «как».

Вы киваете, вы привыкли слушать странные истории странных людей, но ваш взгляд дает мне понять, что вы удивлены: почему я выбрал эту специальность? Любой другой человек на моем месте стал бы

психоаналитиком, психологом – выбрал бы любую из профессий, связанных с изучением мозга и природы сознания. Собственно, я так и хотел еще в школе – понять, объяснить, что со мной происходит, что происходит с моей памятью, откуда берутся дежа вю, как их понимать, как с ними жить.

В Тель-Авивском университете сильное отделение психологии, я бывал на семинарах, сидел в уголке, ничего не понимая, мне нравилась атмосфера, нравилось, как студенты спорили с преподавателями и часто побеждали, я представлял: окончу школу, получу аттестат, поступлю... Чем мне еще нравились поездки – мне ни разу не показалось, что я там уже бывал. Все было для меня по-настоящему ново. Я говорил себе: конечно, я не мог здесь бывать, все нормально. Я даже сделал для себя определенные выводы: мне нужно выбирать для посещений такие места, о которых я точно знал, что окажусь там впервые. Если возникали сомнения... В общем, вы понимаете.

Но все это чушь. То есть, оказалось чушью, в конце концов. Как-то весной, незадолго до экзамена на аттестат зрелости – я готовился к математике, которую не любил по понятным причинам, – в университете профессор Штайнер читал лекцию о Юнге, о подсознательном, о синхронистичности. Мог я пропустить? Отложив вывод формулы, казавшейся мне беспробудно сложной, я поехал в Рамат-Авив. День был не жаркий, водитель не стал включать кондиционер, и в салон вливался через форточки свежий, будто только что созданный из запахов и чистых побуждений воздух, пахло цветами... Это было странно – цветы в Израиле не пахнут. Да, знаю, здесь тоже... Но тогда я ощутил запах и понял, что был здесь раньше, – именно в этом автобусе, именно на этом месте, впереди меня сидела девушка с пышными светлыми, будто соломенными, волосами, то есть... в памяти моей... на самом деле впереди сидел высокий старик, то и дело шумно сморкавшийся, из-за чего память рвалась пунктиром – я то возвращался в настоящее, то на мгновение проваливался в прошлое. Я знал, что с девушкой еду не на лекцию по психологии, мне нужно проехать еще три остановки и выйти у Музея диаспоры. Что мне там делать? Но я действительно проехал свою остановку, старик перестал сморкаться и вышел на следующей, а я продолжал сидеть, потому что помнил, как девушка встала и пошла к выходу, а я за ней, будто привязанный. Мы вышли у музея, и на улице я пришел в себя – не было, конечно, никакой девушки, эту остановку я и так знал, без всякого дежа вю, бывал здесь не раз, Музей диаспоры – место в Израиле популярное.

Я облегченно вздохнул и пошел в университет – в здание гуманитарного факультета можно было, конечно, пройти и через эти ворота, просто расстояние больше, и нужно было поторапливаться.

Самый короткий путь лежал через физический факультет, здание Каплан, – по коридору до конца, а потом через сквер направо. Я пошел, и, когда проходил мимо не приметной аудитории, ничем не отличавшейся от прочих... такая же синяя полураспахнутая дверь, такие же скамейки внутри, такое же возвышение, длинный стол, зеленая доска, проектор... Абсолютно не примечательная аудитория, но именно там меня вдруг настигло дежа вю,

такое сильное, какого я никогда не испытывал. Я вспомнил, что бывал здесь много раз. Вспомнил, что сидел во втором ряду с края. Я не мог сопротивляться, вошел, сел и увидел аудиторию с такого ракурса, с какого видел много раз, и вспомнил, что я здесь, собственно, делал: слушал лекции по космологии! Это слово было мне тогда знакомо не больше, чем сложная формула из не любимой математики. Космология? Я вспомнил имя профессора, чьи лекции я здесь слушал, восхищаясь их лапидарностью и силой доказательности. Майер. Он прохаживался вдоль доски, быстро писал фломастером знаки и числа, стирал и писал новые, объясняя именно то, что я с детства хотел знать. Объяснял, почему человек иногда вспоминает события, никогда с ним не происходившие.

Я ни слова не запомнил из той лекции. Я ни слова из лекции не понял – язык математики был для меня в то время сложнее китайской грамоты. Но ощущение восторга от того, что я все понимаю, и что именно это я так хотел знать... Я сидел в пустой аудитории, кто-то заглянул в дверь, что-то мне сказал и вышел, я не обратил внимания, такого долгого дежа вю со мной еще не было, я слушал непонятную мне лекцию не известного мне профессора, чью фамилию я почему-то знал, и в тот момент я был уверен, что слышу ответы на все мои вопросы.

Может, прошла минута, может час... Не час, конечно, гораздо меньше, но мне казалось... Я пришел в себя и не сразу понял, что здесь делаю, – в аудиторию входили студенты, переговаривались, девушки смеялись и бросали в мою сторону взгляды, они пришли на лекцию, которая вот-вот должна была начаться, и я подумал: может, сейчас войдет тот самый профессор Майер, возьмет фломастер... Мне нужно было уйти, но я не мог встать, только отодвинулся к краю, чтобы не мешать, и, когда прозвенел звонок, вошел... нет, конечно, не Майер – пожилой преподаватель, сутулый, со взглядом, от которого хотелось бежать на край света. Он заговорил о чем-то, совершенно мне не интересном, какие-то теоремы Вейерштрасса, признаки Коши... Я встал и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Я довольно часто принимал решения под влиянием дежа вю – неосознанно, просто мне казалось... Обычно это были простые житейские решения: пойти погулять или остаться дома – я не хотел никуда выходить, но, выйдя из комнаты в коридор, вдруг ощущал, что уже был здесь раньше. Что такого, в этом коридоре я бывал по сто раз на дню, но возникало совершенно новое ощущение – будто я здесь впервые, никогда прежде не видел эти стены... да, это не дежа вю, а что-то противоположное, вы правы, но по сути – то же самое, в моем восприятии... и меня неудержимо тянуло выйти из этого замкнутого пространства... ощущение проходило быстро, а желание оставалось, и я шел гулять, хотя минутой раньше не собирался этого делать.

А в тот раз, в университете, я понял, что должен – должен, понимаете, не могу подобрать другого слова! – стать не психоаналитиком, а непременно космологом. Я дошел, конечно, до того места, куда направлялся, но все, что было мне интересно еще вчера, показалось несущественным, в какой-то

степени даже глупым, хотя я и не мог оценить степень глупости или хотя бы доказать себе, что это глупость.

Больше я в университет не ездил. Ни на психологию, которая стала мне не интересна, ни на физфак, где читали лекции на темы, мне непонятные и, казалось, ненужные.

Я нашел в интернете все, что смог найти о космологии, – там не оказалось ни одного слова о том, что меня на самом деле интересовало. Дежа вю? Какое в космологии дежа вю? Космология изучает Вселенную от момента Большого взрыва до конца времен, когда распадутся атомы и не останется от нашего мира даже воспоминаний, потому что память – это всего лишь связи между атомами и молекулами в нашем мозгу.

Но вот что странно. Через несколько дней после того случая в университете я сдавал экзамен на аттестат по математике, был уверен, что получу низкий балл, и придется пересдавать, может, даже не один раз. Я честно просидел пару ночей над учебниками, попросил маму проверить мои знания и, когда она спросила что-то о синусах-косинусах, я неожиданно для себя ответил четко и точно. Мать посмотрела на меня с радостным удивлением, а я был поражен, потому что... это тоже было дежа вю, но совершенно другого рода, такого со мной еще не было. Услышав вопрос, я вспомнил ответ, вспомнил не картинку, как обычно, не то, что я здесь был и что-то такое читал. Я отчетливо вспомнил страницу учебника математики, лежавшего в моей сумке. Этот учебник я открывал тысячи раз, там были мои карандашные пометки, я и их вспомнил, хотя никогда не отличался хорошей зрительной памятью, и помнил одновременно, что на самом деле пометки, которые я оставил на полях, были не совсем такими, какие я вспомнил, но в тот момент для меня не существовало разницы, я просто прочитал маме то, что увидел, она поцеловала меня в щеку, сказала что-то вроде: «можешь ведь, когда хочешь» и задала следующий вопрос. Я с тревогой ждал, что ничего на этот раз не получится, дежа вю никогда не являлись по моему желанию, и я, конечно, не знал ответа, не вспомнил ни страницу учебника, ни то, что сам записывал в учебную тетрадь. Я так растерялся, что молча сидел и смотрел маме в глаза, дожидаясь, пока она поймет, что я не знаю, не готов, не смогу...

В тот момент я вспомнил другое. Взгляд упал на лежавший на краешке компьютерного столика диск, это был диск с какой-то игрой, я ее вчера переписал у приятеля и еще не успел инсталлировать. На диске было моей рукой написано название, и я вспомнил, что уже писал это название однажды. На диске, таком же, но не совсем, и название обозначало не игру, а... что? Что-то другое, это был другой диск, но тот самый в то же время. Ощущение было таким, будто я сам этот диск копировал из какой-то программы, которую не мог вспомнить, и на диске было записано многое – в том числе ответ на задачу, и я его тоже вспомнил и вспомнил, как зубрил нужный параграф из очень мне знакомого учебника...

Я больше не хотел заниматься психологией, мне стало не интересно разбираться в причинах человеческого поведения и тайнах характера, я был

убежден, что ответы на свои вопросы найду в физике – ненавистой, непонятной, необходимой, привлекательной, волнующей физике.

Кстати, экзамен я тогда сдал без проблем, получил оценку, позволившую подать документы в приличный колледж, и я выбрал Ариэль, давно претендовавший на звание университета. Там и физика была на достаточно высоком уровне, и космологию собирались вводить с третьего курса.

Простите, я слишком увлекся воспоминаниями... Конечно, надо бы досказать, чтобы вы понимали, откуда растут ноги...

* * *

– Интересно, – сказал Манн, поднимаясь, – и я с удовольствием вас послушаю. Дежа вю, говорите. Я человек наблюдательный – профессия обязывает, – и обратил внимание на ваше удивившее меня поведение. Войдя, вы посмотрели по сторонам, нахмурились, будто узнали что-то, и уверенно направились к этому креслу еще до того, как я предложил вам сесть именно туда.

– Иногда я привожу людей в смущение...

– Мне действительно нужно уходить, но вы меня заинтересовали. Давайте продолжим разговор вечером. Я освобожусь в шесть, почему бы нам не поужинать у Касыма? Это турецкий ресторанчик на Хартенстраат, там рыба лучшая в Амстердаме. И... вас не очень смутит, если моя жена будет присутствовать? Кристина, хотя и репортер, но никогда не использует в работе то, что узнает от меня, можете на этот счет не волноваться.

– Я не волнуюсь, – пробормотал Антон. – Это далеко от центра?

– Знаете Домскую площадь? Новую церковь? Обогнете ее слева, выйдете к каналу, перейдете мостик и на противоположной стороне увидите указатель. Оттуда метров двести. Найдете, это не проблема.

Манн говорил, распахивая по карманам мелочь, ключи, телефон, пейджер, что-то еще, зеркальце, кажется, или записную книжку. Он ходил по комнате, собирая вещи со стола, диванчика, с полок и даже с пола что-то поднимая, рассмотрев и тоже засунув в карман.

Антон ждал у двери. Попрощаться и уйти? Так было бы приличнее. Может, хозяину нужно сейчас остаться одному?

– Я пойду, – сказал Антон. – До вечера.

– Погодите, – задержал его Манн. – Скажите... Я еще не знаю, возьмусь ли за это дело. Но если истина, которую я обнаружу, не будет соответствовать вашим о ней представлениям...

– Неважно, – сказал Антон убежденно. – Это совершенно неважно, не думайте об этом.

Манн кивнул:

– Моя машина внизу, я могу отвезти вас до площади, если хотите.

Машина оказалась «пежо»-микролитражкой, на двоих, в салоне чувствовался терпкий запах духов, запах Кристины, с которой Антон еще не был знаком, но... Он узнал запах. Привычное ощущение. Он не ездил в этой машине, для его длинных ног здесь было недостаточно места. Он не помнил

машину, но вспомнил запах, и воспоминание потянулось нитью, оборвавшейся, когда Манн включил двигатель, и тихий плавающий звук смыл слабое дежа вю, воспоминание о женщине, которую Антон никогда не видел, но которая сыграла в его жизни важную роль...

Не здесь.

Он вышел на углу Домской площади, и Манн, прежде чем захлопнуть за ним дверцу, неожиданно спросил:

– Этот художник в церкви... У него длинные каштановые волосы с пробором посередине?

– Посередине? – Антон не помнил эту подробность. Он не разглядел, какими были у художника волосы, не обратил внимания, а сейчас не мог вспомнить. Длинные – да, но в полумраке трудно было понять, какого они цвета. Пробор... Пожалуй. Да, теперь Антон мог сказать точно: каштановые волосы с пробором посередине. И руки... Почему-то руки художника показались Антону очень длинными.

– Хорошо, – вздохнул Манн. – И еще... Вот моя карточка, здесь номер телефона, пейджера, электронный адрес. Если с вами случится что-то...

– Дежа вю, – подсказал Антон.

– Гм... Да. Звоните сразу.

Антон кивнул, Манн захлопнул дверцу и укатил по берегу канала в сторону Оперы. Оставшись один, Антон почувствовал незащищенность и желание спрятаться неизвестно от чего – укрыться куда угодно, посидеть в тишине, не думая. Знакомое ощущение, но обычно оно приходило дома, где он действительно мог забиться в свой угол, закрыть дверь, опустить жалюзи и сидеть в полумраке.

На людях с ним никогда не случалось ничего подобного – видимо, организм знал, когда можно прибегать к концентрированным средствам защиты, а когда не стоит.

Антон вошел в здание ратуши, купил билет в музей и минут пять спустя нашел в коридоре закуток, где стояла деревянная скамья, и можно было посидеть, подумать...

* * *

Он обогнул Новую церковь, вышел к каналу, перешел мостик и на противоположной стороне увидел указатель. Метров через двести случился переулок – нечаянно, будто возник только что, раздвинув собственным узким пространством два шестиэтажных дома. Переулок, похоже, еще кряхтел от неожиданного рождения, когда Антон свернул с улицы и оказался будто на дне глубокого оврага. Здесь он точно никогда не был, ощущение дежа вю не посетило его ни разу на пути к маленькому кафе с красивой зеленой дверью и ажурной вывеской на двух языках – голландском и арабском. Ни тот, ни другой язык не был Антону понятен. Может, это было не то кафе, что ему нужно, но углубляться в переулок не то чтобы не хотелось, но по ощущениям было и не нужно. Антон толкнул дверь и, переступив порог, понял, что пришел правильно. Знакомое чувство возникло, но быстро исчезло – он

бывал здесь, сомневаться не приходилось. Стоя в дверях и оглядывая низкий потолок, стены, выкрашенные в светло-зеленый цвет, длинную стойку сбоку узкого, уходящего в темную даль, зала, стоявшие в шахматном порядке столики с табуретами вместо стульев, он отмечал и отличия. Да, он был здесь, но тогда стены были белыми, столы – квадратными, а не круглыми, но за стойкой и в первый его приход стоял тот же парень – смуглый, с огромными черными глазами, лет двадцати пяти, и звали его... да, это он тоже вспомнил, звали парня Касым, и был он сыном хозяина, имя которого значилось на вывеске... как же его... не вспоминалось.

Заняты были только два столика в глубине зала. Манна Антон не увидел и направился к стойке.

– Касым? – спросил он.

Бармен широко улыбнулся и кивнул Антону, как старому знакомому:

– Добрый вечер, господин, – сказал он по-английски, признав в Антоне туриста. – Что будете заказывать? Пить? Спиртного не держим, но из безалкогольных напитков – все что угодно.

– Я был здесь, верно? – задал Антон традиционный вопрос. – Недавно. Дня два назад.

Касым с удивлением посмотрел на посетителя.

– Вам лучше знать, господин. Возможно.

– Вы меня не помните?

– Простите, – улыбнулся бармен. – Вечерами тут довольнолюдно...

– Это вы меня простите, – сказал Антон, приходя в себя. – Я просто... Да, стакан апельсинового сока и два кутаба с зеленью.

Он ел кутабы в прошлом году, когда приезжал в Иерусалим, чтобы поработать в библиотеке университета. В Старом городе, на виа-Долороза, куда он зашел специально, чтобы пройти несколько кварталов по пути Иисуса, мальчишка-араб буквально всучил ему пару свежайших кутабов. Он не хотел есть, но разве поспоришь с продавцом, готовым спустить цену чуть ли не до нуля, хотя, на самом деле, ровно до того значения, которое и было реальной стоимостью. Это было так вкусно... Здесь, в турецком кафе, должны быть кутабы.

– Садитесь, господин, – Касым кивнул на один из столиков, ближайший к выходившему в переулок окну. – Сейчас я все принесу.

Поразительно: когда Антон вошел, за столиком у окна не сидел никто, он мог в этом поклясться. Сейчас на него смотрел Манн, положив на столешницу свои длинные руки, а рядом с ним сидела женщина лет тридцати, с тонкими губами и классическими чертами лица, пышная копна рыжих волос была похожа на вспыхнувший утренним светом солнечный восход. Лицо женщины, естественно, показалось Антону знакомым, будто Манн уже представлял ему свою жену, и они даже будто немного говорили о чем-то нейтральном. Да, он вспомнил: о том, что в музее Ван Гога открылась новая выставка произведений художников-модернистов, и там есть несколько уникальных работ, которые непременно нужно посмотреть.

– Вы вошли так тихо, – сказал Антон, присаживаясь к столу. Женщина протянула ему руку, и он, не задумываясь, поцеловал тонкие пальцы, – я не заметил. Будто из ничего возникли.

– У Кристины есть такая особенность, – согласился Манн. – Я слышал, вы сказали Касыму, что бывали здесь раньше. Он удивился. Я хорошо знаю Касыма, память у парня фотографическая. Если бы он вас видел даже несколько лет назад, то непременно запомнил бы.

– Я знаю... – пробормотал Антон. – Всякий раз говорю себе: подумай, прежде чем задавать дурацкие вопросы, на которые сам знаешь ответ. Но это...

– Само спрашивается, да? – сказала Кристина, и Антон понял, что Манн уже рассказал жене о странном посетителе, и ему не придется повторять для нее свою историю – об убитом художнике, в том числе.

Касым принес на большом подносе высокий графин с апельсиновым соком, три тарелки – одну с кутабами для Антона и две с длинными поджаренными колбасками – люля-кебаб, как определил Антон, никогда это блюдо не пробовавший, но ощутивший сейчас послевкусие, будто только что проглотил аппетитный кусок. Должно быть, Касым знал, что обычно заказывал Манн, и принес, не спрашивая.

– Приятного аппетита, – пожелал он и отошел, бросив сначала на Антона внимательный изучающий взгляд. Запомнил. Теперь на вопрос «не виделись ли мы?» он и через полвека ответит положительно и даже назовет дату.

– Давайте, – сказал Манн, – сначала поедим, а потом закажем кофе – здесь, кстати, лучший кофе по-турецки во всем Амстердаме, хотя Кристина с этим не согласна. Закажем кофе и поговорим.

– Есть что... – начал Антон и замолчал, остановленный взглядом детектива.

Кутабы оказались восхитительны, сок обволакивал нёбо, Кристина медленно, выделяя каждое слово особой интонацией, рассказывала о том, как брала интервью у Макса Димайера, о котором Антон слышал впервые, но рассказ все равно показался ему знакомым.

– И мы расстались, очень довольные друг другом, – заключила Кристина, отправив в рот последний кусочек мяса.

– О ком бы Криста не говорила, – заметил Манн, положив ладонь на руку жены, – она всегда заканчивает повествование этой фразой. Не помню случая, когда бы она сказала: «Это был ужасный человек, и мы расстались, очень друг другом недовольные».

– Ах, – улыбнулась Кристина. – Ты никак не можешь удержаться от своей обычной реплики по этому поводу.

– Традиции надо соблюдать, – сказал Манн и, подняв руку, щелкнул пальцами – подал знак Касыму принести кофе.

– Так, – продолжал он, когда бармен поставил перед каждым из них по маленькой, с наперсток, чашечке, от которой исходил терпкий запах, меньше всего напоминавший о кофе, а больше – о заморских пряностях. – Теперь я вам кое-что скажу, господин Симак.

– Нет, сначала я, – вмешалась Кристина. – Антон, вы случайно не родственник Клиффорду Симаку, который...

– ...Писал фантастику, – подхватил Антон. К этому вопросу он тоже привык, ждал, когда его об этом спросят, но Манн не спросил; видимо, не был поклонником фантастики. – Нет, и даже не однофамилец.

– Как это? – удивилась Кристина. – Вы ведь...

– Симак, да. Но, понимаете, я из России, в Израиль переехали, когда мне было семь. На русский фамилию Симака, так повелось еще с советских времен, переводили, как Саймак. Русский читатель Симака с фантастикой не отождествляет, поверьте. Конечно, я читал и любил Саймака, но мне в голову не приходило, что мы с ним, оказывается, однофамильцы.

– А я так надеялась, что родственники, – с нарочитым разочарованием сказала Кристина, и Манн рассмеялся.

– Все, – сказал он. – Полагаю, мы покончили с традиционными вопросами и репликами, и можем перейти к делу.

– Да? – Антон поднес ко рту чашечку, но пить не стал, тяжелая черная жидкость показалась ему неприятной. – Вы что-то узнали?

– Есть в Амстердаме художник по фамилии Ван Барстен...

– Ты о Якобе? – вставила Кристина.

– Именно. Утром по вашему описанию я его узнал, оставалось выяснить подробности.

– Девушка...

– Погодите. Дойдем и до девушки. Итак, Ван Барстен. Лично мы не знакомы, хотя, спасибо Кристине, я знаю очень многих художников. Поэтому навести справки оказалось легко. Неплохой художник – из новых, которые предпочитают примитивизм и полагают этот стиль самым сложным в изобразительном искусстве. Это как бы высший виток спирали. Можно примитивно рисовать, ничего больше не умея. А можно уметь все – от классического портрета в стиле Рембрандта до кубических женщин Пикассо – и весь свой наработанный багаж положить на алтарь примитивизма, который, на мой взгляд, не становится от этого менее примитивным, а, по мнению Ван Барстена, смотрится совсем иначе.

– И это так, Тиль, – не удержалась от реплики Кристина. – Примитивисты разных школ отличаются так же...

– Да-да, – поспешил сдаться Манн, – не спору. Я только хочу сказать, что Ван Барстен очень не прост и далеко не так примитивен, как хочет казаться. В музее Ван-Гога есть несколько его работ – большая честь для художника, – но работы настолько разные, что, если не прочитать подписи, вы решите, что писали несколько живописцев. Но чего Ван Барстен никогда не делал, и это подтверждают все, с кем я успел переговорить, – он никогда не рисовал в церкви. У него нет ни одной выставленной работы, связанной с религиозной тематикой.

– И все это, – опять вмешалась в разговор Кристина, – я могла сказать сама, тебе не пришлось бы тратить время на опросы.

– Тебя не было в городе. Это раз. А во-вторых, я держал тебя на сладкое, как эксперта. Если бы кто-нибудь мне соврал, ты могла бы определить – кто, в чем и когда.

– Ты считаешь, кто-то сказал тебе неправду? – насторожилась Кристина.

Манн кивнул.

– Возможно... Я расспрашивал не только и не столько о том, хороший ли Ван Барстен художник, на этот вопрос я не получил бы объективного ответа. Я задавал вопросы о его знакомствах, видел ли его кто-нибудь с девушкой... вы не очень точно ее описали, Антон, и я боялся, что мне назовут с десятков имен. Но мне не назвали ни одного! Представляете? То есть... почти ни одного. Ван Барстен очень щепетилен относительно своей личной жизни. Это не означает, что он вообще чурается женщин. На вернисажах и приемах его всегда видят с разными женщинами, он никогда не появлялся дважды с одной и той же. Да, Кристина?

– Пожалуй...

– Но... – решился вставить слово и Антон. – У него должна быть натурщица... если, как вы говорите, он мастер писать классические портреты.

– Вот! – воскликнул Манн. – В точку. О его натурщицах известно только то, что они у него действительно были. Он никогда не выводил ни одну из них в свет. Никто из его знакомых никогда не встречал его натурщиц в студии. Натурщицы Амстердама – а это, позвольте сказать, закрытое общество, у них нечто вроде профсоюза, и они с большой неохотой допускают в свою компанию новеньких, – да, так они утверждают, что никогда для Ван Барстена не работали.

– Портретное сходство... – начал Антон.

– Вот! Ван Барстен писал фигуры своих натурщиц... неизвестно, откуда он их брал... но, похоже, лица писал другие. Может, по памяти. Может, по фотографиям. Но это его ранние работы, десятилетней давности, а сейчас, когда он достиг вершин в примитивизме, о каком портретном сходстве может быть речь? За последний год он не написал ни одного классического портрета.

– В общем, – с сожалением заключил Антон, – вам ничего не удалось обнаружить.

– Ну, как же!

– Ничего такого, – исправил свою ошибку Антон, – что могло бы помочь в расследовании убийства.

– Никого же не убили, – сказала Кристина. – Якоб жив-здоров.

– Допивайте кофе, – предложил Манн, – и я вам кое-что покажу.

Антон с удивлением обнаружил, что чашечка его пуста – видимо, он сделал из нее единственный глоток, в который уместилось все содержимое, и не обратил на это внимания. Во рту он ощущал незнакомый привкус чего-то терпкого, но это могло быть и ощущение от съеденного кутаба. Как бы то ни было, чашка опустела, от кофе осталась на доньшке густая, почти твердая, гуща, формой напоминавшая распластанную птицу, – Антону почему-то пришла на ум ассоциация с цыпленком-табака. Он понятия не имел, как

интерпретировать такую картинку, возможно, сулившую ожидание встречи, во время которой его так же распластают...

Он тряхнул головой, отгоняя нелепые мысли, и поднялся вслед за Манном и Кристиной. Манн отошел к стойке, чтобы расплатиться, Антон двинулся следом, но Кристина взяла его под руку и повела к выходу.

– Все это поразительно, – сказала она. – И похоже, Тиль увлекся. В последнее время с ним это случается редко. Да и дела попадаются простые – в основном, слежка за изменившими супругами, еще то занятие.

Они вышли в темноту переулка, здесь горели фонари – старинные, висевшие на стенах домов на ажурных кронштейнах, – но казалось почему-то, что свет от них поглощался воздухом, и освещенным оставалось очень небольшое пространство вокруг каждого фонаря, а уже в метре или двух мрак брал свое.

Манн вынырнул из светлого проема двери, будто дайвер после глубокого погружения.

– Машина за углом, – сказал он.

– Куда поедет? – спросила Кристина, взяв мужа под руку.

– В церковь святого Юлиана, естественно, – сказал Манн, не глядя на Антона.

У того защемило под ложечкой.

– Там... – он не мог закончить фразу. – Вы нашли...

– Идемте-идемте, – поторопил Манн. – Все увидите на месте.

* * *

Вечером площадь перед собором выглядела совсем иначе. Утреннее дерево протянуло ветви вверх, будто гребцы подняли весла для просушки. Стоявшие по периметру площади фонари на низких столбиках, похожих на поднявшихся на цыпочки гномов, освещали не все пространство, а только личные круги, каждый фонарь – свой, и получилось световое многоточие, отграничившее от тьмы то, что тьмой не являлось, но и светом не было – нечто смутное, туманно-знакомое...

Он бывал здесь, да. Вспомнилось. Антон одернул себя – конечно, бывал. Был. Утром. И сразу одернул себя еще раз. Нет. Он не узнал утреннюю площадь. Если бы Манн не привел его сюда со словами «Здесь вы были утром, а вот церковь», то Антон был бы твердо уверен, что пришел сюда впервые. Другое ощущение. Ощущение узнавания чужого, привычное, как кофе по утрам.

Он был здесь. Именно в темноте, когда не горели фонари, и площадь была погружена во мрак, как затонувший корабль в морскую пучину. Он шел... да, вот отсюда, откуда они пришли и сейчас, оставив машину на широкой и людной по вечерам Кловениерсбургваль. Он шел в темноте, но шел уверенно, потому что знал дорогу... куда? К храму? Но церковь стояла немного в стороне, Антон вспомнил, как прошел мимо ее угрюмого в темноте силуэта, склонившегося над ним, будто великан, занесший руку с... чем? Это был всего лишь шпиль, неясно различимый на фоне звезд

небесных, глядевших, однако, не с далекого неба, а с близкого черного полотна, натянутого над землей и отгородившего людей от мироздания, чтобы души их, отделенные от тела неожиданной и превратной смертью, не могли подняться и попасть в светлый рай.

Странная мысль, совершенно Антону не свойственная, но почему-то пришедшая в голову, когда он медленно шел по плитам площади, стараясь дважды не наступать на одну и ту же, будто в детстве, когда он прыгал по тротуару, следуя какой-нибудь щели в асфальте и боясь с нее сойти, как боится сойти с жизненного пути человек, не уверенный в собственных поступках.

– Антон!

Голос Манна не был ни требовательным, ни даже просительным – было просто произнесено его имя, и Антон подумал, что Манн боится невольным своим отношением, выраженным в интонации, сбить его то ли с мысли, то ли с ощущения, то ли...

– Я здесь, – пробормотал Антон.

– Вот дверь, входите, только держитесь рукой за стену, там темно.

Голос без эмоций, как электронный гид.

Манн вошел первым, Антон за ним, Кристина – последней. Дверь позади тихо проскрипела, и что-то щелкнуло. От этого не стало ни светлее, ни темнее. Антон остановился, чтобы глаза привыкли... не к полному мраку, здесь все же было какое-то освещение, но трудно было сразу понять, откуда шел слабый рассеянный свет. Впереди, далеко-далеко, будто на другой планете, светились свечи на алтаре. Две свечи или три, Антон не мог сосчитать, ему казалось, что число светлых блесток все время меняется. Две... три... сейчас четыре... опять две...

Он разглядел спинки стоявших рядами скамей, широкий проход, в котором темная фигура обеими руками делала приглашающие жесты.

– Идите за мной, – сказала фигура голосом Манна, и Антон ощутил затылком легкое, ароматное дыхание стоявшей позади него Кристины.

– Сейчас, – пробормотал он и почувствовал ладонь, едва чувствительно взявшую его за локоть. Кристина? Ладонь не подталкивала его, не тянула – она просто была, как указание на то, что он не один, и что мир реален.

Он сделал несколько шагов, потом еще и, наконец, освоившись, довольно быстро пошел за удалявшейся тенью Манна, а ладонь Кристины не вела его, а всего лишь сопровождала.

– Никогда не была в церкви ночью, – произнес тихий женский голос. Антон не был уверен, что это сказала Кристина, скорее нет, она не сказала бы так, не решилась бы нарушить тишину. Тогда – кто?

Антон вспомнил. Конечно. Он уже был здесь. Именно здесь и именно ночью. С девушкой, чей голос сейчас услышал. С девушкой, которую привел сюда, чтобы... С девушкой, которую звали... Чтобы – что? Звали – как?

Он не должен был задавать себе этих вопросов. Вопросы мешали вспоминать. Память, как юноша, смущенный под откровенно любопытствующим взглядом женщины, попыталась прикрыться, и Антон

почему-то вспомнил (зачем это сейчас?), как несколько лет назад ездил с группой студентов в поселение Ицхар в Самарии – они хотели поучаствовать в акции, организованной студенческим союзом против строительства забора безопасности. Надо же приобщаться к студенческой жизни, и только прибыв на место – работали бульдозеры, рыли длинные рвы под фундамент, – поняли, что занялись не своим делом. И тогда...

Антон мотнул головой, отгоняя не нужное сейчас воспоминание, и оно услужливо рухнуло, вернув его в тьму, освещенную тремя – теперь он точно видел: три свечи, стоявшими на длинном столе перед алтарем.

Он вошел в центр круглой площадки точно под куполом – он это знал, хотя и не поднял голову, чтобы посмотреть вверх. Купол был над ним, и, если встать лицом к алтарю, то слева будет проход к двери, ведущей не на улицу, а в коридор и оттуда по лестнице вверх, на хора, а справа – чья-то часовня, небольшая, но красиво оформленная, красный мрамор и белая статуэтка Мадонны. Он помнил, как девушка, с которой он приходил, преклонила перед Мадонной колени, а он стоял чуть поодаль, не зная, как поступить – не молиться же, на самом деле, но и делать вид не причастного к религии человека, он не хотел тоже. Надо было...

– Если вы что-то вспомнили, Антон, говорите. Говорите вслух. Тихо или громко – как хотите, чтобы не мешать самому себе вспоминать...

Голос Манна?

Здесь – где он стоит сейчас – стоял днем мольберт художника. А здесь – круглый столик, на котором лежали тюбики с красками, кисти – штук десять разных. Столик был старый и замазанный красками настолько, что первоначальный его цвет угадать было невозможно.

– Если вы что-то вспомнили...

– Да, – тихо сказал Антон, и голос мгновенно замолчал, уступив пространство, в котором только и могли распространяться звуки.

– Тогда тоже горели три свечи. – Он говорил вслух или только думал, а мысли сами, независимо от его желания, создавали в воздухе звуковые завихрения? – Снаружи светила полная луна, и здесь было немного светлее, чем сейчас. Во всяком случае, я различал проходы между рядами, а сейчас не вижу. Рядом со статуэткой Мадонны, в алтаре, где сейчас темно, стоял подсвечник с догоравшей свечой, пламя сильно колебалось... Она подошла и преклонила колени, а я стоял... здесь... и не знал, что делать. У меня такое ощущение, будто какая-то сила... не сила тяжести, что-то не существующее в реальности... давит на плечи... ощущение страха... Она поднимается, крестится, я вижу ее затылок, опущенные плечи... и мне хочется...

Голос Антона становился тише, последние слова он шептал так, что Манну пришлось подойти ближе, Кристина тоже приблизилась, теперь они стояли в центре бесконечного в темноте зала почти вплотную, будто обратились в скульптурную группу.

Антон замолчал.

– Луна, – тихо, но очень отчетливо, произнес Манн, будто закрепляя произнесенные слова то ли в собственной памяти, то ли в памяти Антона. – Молитва. Страх.

Он помолчал и добавил:

– Имя.

Антон медленно пошел по проходу к правому ряду колонн. За ними действительно обнаружилось небольшое круглое углубление, в котором (Манн, шедший сзади, щелкнул зажигалкой, и в колеблющемся свете стало видно) стояла на красном мраморном постаменте небольшая, сантиметров сорок, белая статуэтка Мадонны, прижавшей к груди полные руки. Голова женщины была опущена, но почему-то казалось, что взгляд устремлен вперед. Мадонна смотрела на них не глазами, но чем-то, таившимся в глубине ее души, ощущение было странным, и Антон тряхнул головой, отгоняя наваждение. Он оглянулся – Кристина не последовала за ними, осталась посреди зала и почти растворилась во мраке.

Рядом с постаментом на полу, выложенном такими же красными мраморными плитками, стояла старая медная плошка с удлиненной ручкой, на доньшке можно было разглядеть что-то застывшее, заскорузлое – может, остатки давно сгоревшей свечи.

Антон наклонился, протянул руку, чтобы взять плошку и рассмотреть поближе, но требовательный голос помешал это сделать.

– Не нужно, – сказал Манн.

Антон отдернул руку.

– Потом... – сказал Манн. – Что было потом? Помните?

– Мы ушли. Она шла чуть впереди меня, шла не быстро, но я почему-то не мог ее догнать... Я шел сзади и хотел, чтобы она обернулась, но она шла и шла, мы вышли в темноту...

Антон замолчал. Ему тоже нужно было выйти отсюда, чтобы вспомнить, но ноги не слушались, он смог только отступить на два-три шага и остановился, опершись правой ладонью на счастливо оказавшуюся здесь колонну. Стало трудно дышать, он знал это свое состояние – когда дежа вю слишком сильно захватывало сознание, у него будто прерывались физические связи с реальным миром: меньше воздуха поступало в легкие, меньше света – в глаза, меньше звуков – в уши, и нужно было держаться за что-то, чтобы не упасть. Слабость проходила быстро – за несколько секунд, – и он возвращался в настоящее из прошлого, которого не существовало на самом деле, но для него все равно оставалось реальным. Память фиксировала то, что он вспомнил, и теперь вызвать заново это воспоминание не представляло труда. Не представляет ведь труда вспомнить еще раз, как на прошлой неделе он приехал в турбюро забирать свой билет, а Нора, его турагент, сказала, что он мог и не приезжать, билет она ему уже послала по электронной почте.

Манн подставил локоть, и Антон благодарно за него ухватился.

– Простите, я... – сказал он.

– Все в порядке, – проговорил Манн и добавил, медленно ведя Антона к центру зала, где дожидалась Кристина, не видевшая и не слышавшая ничего из того, что было сказано у алтаря: – Имя. Эта девушка, о которой вы вспомнили. С которой были здесь, ее звали...

– Эсти, – сказал Антон. Не то чтобы вспомнил, он всегда знал это имя, как всегда знаешь имя любимой женщины, даже в детстве, когда до встречи еще много лет, или в старости, когда любовь давно кончилась, и имя, казалось, успело истончиться и покрыться пылью забвения.

– Эстер? – переспросил Манн. – Это...

– Эсти, – повторил Антон. Так он помнил и понимал, что к библейскому имени Эстер его Эсти не могла иметь никакого отношения.

Помолчи, – мысленно попросил он Манна, – мне нужно вспомнить. Было что-то, что я упустил. Луна, молитва, страх. Четвертое слово. Какое? Тайна... Нет, но что-то близкое по смыслу. Что?

– Эсти, – задумчиво повторил Манн, а Кристина тихо кашлянула, привлекая к себе внимание.

– Ты... – начал было Манн, но Кристина кашлянула еще раз, давая понять, что сейчас не время спрашивать. Просто ей кое-что ясно, и она скажет об этом... потом.

Антон подумал с раздражением, что Манн все же сбил его с мысли, точнее – стер из памяти четвертое слово, самое важное. Луна, молитва, страх... Что еще?

– Вы давно знаете эту девушку? – Манн говорил монотонным голосом, будто гипнотизер. Но гипнотической силой его голос не обладал – Антон лишь с недоумением повернулся к детективу, ему показалось, что сам Манн постепенно погружается в сон, гипнотизируя самого себя. Ну да, глаза закрыты, о чем-то он думает, а спрашивает, похоже, потому что надо о чем-то спросить, вот он и...

– Я ее не знаю, – раздраженно сказал Антон. – Я ее вспомнил, но у меня нет ощущения, что мы знакомы. То есть...

Как объяснить, что дежа вю – память о несуществовавшем, которая вбирает в себя реальность, становясь настоящим? Ему кажется, что он бывал здесь, ему кажется, что эта девушка, Эсти...

Только кажется? Антон подумал, что ночь и эта зыбкая реальность что-то изменили в его восприятии. Раньше он никогда не думал о своих дежа вю: «кажется». Почему теперь?..

– Странная здесь обстановка, – сказал Манн будничным голосом, вовсе не сонным и не монотонным, он открыл глаза и посмотрел на Антона, но понять выражение было трудно – темно. – Свечи сейчас погаснут, а нас попросят уйти. Антон, я договорился, чтобы нас пустили, но разрешили быть только до одиннадцати, а сейчас уже без пяти. Пойдем?

Они поднялись и пошли к выходу, впереди шел Манн, находя дорогу ощупью, Антон слышал, как детектив тихо чертыхается, и ему стало смешно – странно звучало упоминание черта в господнем храме. Он протянул руку, коснулся спины Манна, почувствовал на своей спине руку Кристины, так они

и шли – гуськом, касаясь друг друга, пока не оказались на площади, где по-прежнему горели неяркие фонари, а сверху, на крышу собора улеглась чуть уже ущербная луна.

Когда они вышли, дверь за ними захлопнулась с глухим стуком, и Антон услышал скрипучий поворот ключа.

– Я бы что-нибудь выпила, – сказала Кристина. – Не очень понимаю, Тиль, для чего ты потащил нас в эту обитель Господа, я сто лет не была в церкви, а ночью – вообще никогда. Не скажу, что это сильно впечатляет, хотя на кого-то гулкое темное пространство может действовать самым неожиданным образом.

– Поедем домой, – предложил Манн. – Я вообще-то не принимаю клиентов дома, Криста не любит...

– Не в этом случае, – быстро сказала Кристина. – Конечно, поедем. Будем пить кофе, коньяк, и ты скажешь, наконец, что тебе дала эта церковная мистика.

Антон молчал, не очень понимая, что с ним происходит. Смутные воспоминания касались поверхности сознания и мгновенно погружались в небытие, не будучи осознанными, он понимал, что не нужно стараться вытащить воспоминания, от мысленных усилий они только канут окончательно, и он шел за Манном, будто сомнамбула по карнизу, он не боялся упасть, но страх чего-то, что было для него очень важно, не проходил, даже усиливался. Когда они сели в машину – Антон с Кристиной сзади, – чувство неподотчетного страха заставило его вцепиться левой рукой в дверную ручку.

* * *

Ехали недолго, Антон не ориентировался в ночном Амстердаме, ему только показалось, что они проехали базарчик, где он вчера купил два пакетика с ягодами – черникой и земляникой, почему-то захотелось, хотя он прежде не испытывал интереса к ягодам. А может, это был другой базарчик – их в Амстердаме десятки. А может – вовсе не базарчик, просто показалось.

Поднялись по широкой лестнице, которая была бы на месте во дворце восемнадцатого века, а здесь выглядела архитектурным излишеством. Кристина вошла первой и сразу пошла на кухню, а Антона Манн ввел в небольшую уютную гостиную, включил не верхний свет, а торшер, стоявший у углового дивана, придвинул овальный журнальный столик, жестом показал Антону: садитесь тут, а сам принялся доставать из серванта маленькие рюмочки, фаянсовые кофейные чашечки с красивым синим рисунком, такие тоненькие, что, казалось, сожмешь в ладони – сломаешь.

– Вы что-нибудь поняли из того, что... – Антон не закончил фразу, Манн сделал жест, призывающий хранить молчание.

Вошла Кристина с кофейником в одной руке и сложенной скатертью в другой. Манн забрал у жены скатерть, умело расстелил на журнальном столике, расставил чашки, достал из серванта початую бутылку

«Наполеона», разлил коньяк по рюмочкам, сел на диван рядом с Антоном – Кристина устроилась на пуфике напротив, – и сказал:

– Давайте выпьем, изгоним ночной мрак из наших душ и разберемся.

– Разберемся? – сказал Антон, не сумев скрыть иронии.

– Если вы помните, – продолжал Манн, отпив кофе и поднеся к губам рюмку с коньяком, – я произнес три слова там, в церкви, когда вы описали свое дежа вю.

– Да, – неуверенно произнес Антон. – Что-то вы сказали про луну. И еще...

– Луна, молитва, страх. Вы сказали, что видели луну, но вы не могли ее видеть, вверху цветной непрозрачный витраж, можно только догадаться, что снаружи довольно светло. К тому же, луна недавно взошла.

– Знаете, – медленно произнес Антон, вызывая в памяти заботливо погруженное в нужную ячейку видение, – теперь, пожалуй... раньше не обратил внимание, но вы правильно прицепились к словам... Я действительно видел полную луну над головой, она светила над куполом – странно, да, я знаю, там мозаика... И два других слова – молитва и страх. Мы пришли в эту церковь с Эсти, чтобы она помолилась Мадонне, потому что... Ей было страшно. Мне – нет, но я ощущал ее страх, как собственный. Она очень боялась... чего? Не могу вспомнить.

– И не надо, – быстро сказал Манн и положил ладонь на колено Антона. – Ничего не делайте насильно. Память – очень ненадежный свидетель, а когда на нее давишь, становится еще и непредсказуемой. Эсти... Это та же девушка, что была в церкви, когда, как вы считаете, некто убил художника?

– Да.

– Сцена в церкви... Как по-вашему, она произошла до убийства или после? Не нужно думать, отвечайте первое, что хочется сказать.

– До.

– Задолго, как вам кажется?

– Не помню. Может, за день.

– А теперь попробуйте вызвать в памяти образ Эсти. Не днем. Днем вы ее плохо запомнили. Ночью, когда были вдвоем.

– Я понимаю. Невысокого роста, на голову ниже меня. Волосы светлые, длинные, ниже плеч. Не блондинка, скорее светлая шатенка... Прическа... Небольшая челка треугольничком, если вы понимаете, что... и волосы чуть ниже плеч, очень красиво, будто волна... Глаза... светлые... Голубые? Серые? Нос прямой, может, чуть с горбинкой, но не уверен. Губы... бледные... без помады, мне кажется. Уши закрыты волосами, но, кажется, видны маленькие сережки, зеленые... Одежда... Послушайте, я совсем не могу вспомнить, во что она была одета. Платье? Брюки? Не...

– Может, она по-разному была одета, и потому ваша память... Я имею в виду: ночью и потом днем, когда...

– Может быть. Скорее всего, вы правы. Такое ощущение, будто одежда расплывается...

– Что-нибудь еще... Может, одно воспоминание цепляет и тянет за собой другое? Не нужно специально, но если...

– Нет, – покачал головой Антон.

– Хорошо, – сказал Манн, помолчав. – Потом, не сейчас. Подумайте над противоречием – вы сказали, что не знакомы с этой девушкой. Но знаете ее имя, помните лицо.

– Я...

– Не сейчас, хорошо? Хватит об этом. Давайте пить кофе, и Криста расскажет нам о сегодняшнем вернисаже. Тебе понравилось, Криста?

Кристина, похоже, была под впечатлением от рассказа Антона, она медленно приходила в себя, ей совсем не хотелось рассказывать о вернисаже, но она понимала желание мужа отвлечь внимание гостя.

Они пили кофе, коньяк Антон пить не стал, он не любил ощущение, возникавшее, когда в горле начинало гореть, а в желудке разливался жар. Неприятно, что за удовольствие получают другие от крепких напитков? Манн отметил, что гость отодвинул рюмку, настаивать не стал и больше ему не наливал. Разговор зашел о последних веяниях в примитивизме, Кристина вспомнила, как месяца два назад Ван Барстен едва не подрался на выставке с Кирпом, тележурналистом с первого канала, причина была пустяковая, но Якоб вышел из себя и назвал Кирпа... как же он его назвал?.. Они бросились друг на друга с кулаками, их не сразу разняли.

– Вот как? – удивился Манн. – А я слышал, что Ван Барстен – человек флегматичный, да и на меня произвел такое же впечатление. Правда, я и видел его раза два.

Антон закрыл глаза. Слова производили на него сейчас странное впечатление. Он слышал их, и, если бы его спросили, смог бы воспроизвести все, что говорила Кристина, но смысл сказанного воспринимал в неопределенности чуждого пространства-времени, даже не как фильм, на который можно смотреть отстраненно, не вникая и не сочувствуя, но как небрежность декоратора, нарисовавшего в пьесе об убийстве в запертой комнате задник с изображением далекой спиральной галактики.

Кристина сказала, что Ван Барстен лишь иногда флегматичен, но были случаи, когда он вел себя, будто типичный холерик, а Манн ответил, что такой тип характера свойствен скорее актерам, а не художникам, а Кристина возразила, что...

– Вы устали, – очнувшись, Антон увидел склонившегося над ним Манна. – Я отвезу вас в отель.

Антон встряхнулся, будто утка, сбрасывающая капли влаги.

– Был бы вам благодарен... Ужасно хочется спать.

Ужасно хотелось спать, но Антон чувствовал, что не заснет, будет ворочаться с боку на бок, вспоминать каждую минуту этого долгого дня и воссоздавать в памяти каждое мгновение, проведенное в церкви святого Юлиана – сегодня и тогда...

– Криста, – сказал Манн, – я вернусь через полчаса.

– Хорошо, – отозвалась Кристина и кивнула Антону, будто не прощалась, а всего лишь собиралась выйти на кухню и сразу вернуться.

В машине было холодно, а, может, – скорее всего, – Антона знобило от впечатлений, и он не стал просить, чтобы Манн включил обогреватель. Зуб на зуб не попадал, и, отвечая на вопросы, Антон ограничивался отдельными словами, не пытаясь складывать их в предложения.

– Имя, – сказал Манн. – Вы услышали имя в голове, будто кто-то его произнес?

– Доска.

– Что? Будто написано на доске?

– Да.

– Интересно, – оживился Манн. – Со мной тоже такое бывает. Хочешь вспомнить, закрываешь глаза и видишь перед собой что-то вроде мраморной стены, и на ней четкая надпись, как на постаменте памятника. Правда, – добавил он после недолгого молчания, – надпись чаще всего не имеет отношения к реальности.

– Имеет, – сказал Антон.

– Вы так думаете? Только один раз я вспомнил то, что хотел. На доске, говорите? На каком языке?

– Не знаю, – смущенно пробормотал Антон.

– Русский, наверно? Вы по-русски думаете обычно?

– Да, – сказал Антон, помедлив. Иногда он думал на иврите. Но на каком языке было написано имя Эсти, он не знал. Это были знаки, и он их понял. Говорить об этом Манну не хотелось. Какая, в сущности, разница?

Еще несколько минут ехали в молчании, куда-то сворачивали, дважды пересекали канал по узким мостикам, Антон давно перестал воспринимать окружающее пространство, как единую связность, видел мир не в движении, а отдельными кадрами. Будто вселенная Барбура, – подумал он и хотел произнести вслух, но понял, что не сможет связать нужные слова, а Манн не поймет смысла фразы, даже если выговорить ее целиком.

– Здесь, – сказал он, узнав неожиданно улицу, в которую они въехали.

– Конечно, – согласился Манн, остановив машину у входа в отель. Над дверью темного дерева горел старинный фонарь, освещавший название, написанное будто огромной перьевой ручкой с нажимом – аккуратным женским почерком: «Зеленый сойлент».

Антон взялся за ручку, чтобы открыть дверцу, и в этот момент Манн спросил, вскользь, будто вопрос не казался ему важным, можете не отвечать, ничего страшного:

– Ваши дежа вю... Вы начали рассказывать о своих предположениях. Вы вспоминаете себя в других мирах, я верно понял?

Дверца так и осталась полуоткрытой, одной ногой Антон был уже на тротуаре, другая застыла в неудобной позе.

– Да, – сказал он. – Я говорил о космологии. Занялся ею в колледже. Есть такая теория... Множественная инфляция вселенных.

– Инфляция? – не удержался от восклицания Манн.

– Не то, что вы думаете...

Манн промолчал, давая понять, что ни о чем не думает, и слово произнес зря. Молчу, больше не прерываю вас, говорите...

– Каждое мгновение рождается множество таких же миров, как наш. Проходящих такой же путь эволюции. Отличающихся от нашего какой-нибудь незначущей... или наоборот, принципиально значимой деталью. И то, что мы здесь называем дежа вю... Это память, да. Наша. Оказавшись в месте, где мы, вроде бы, никогда не были, вспоминаем, что да, были, конечно. И видели этот алтарь, эту луну... Но сознание говорит: чепуха, сознание-то знает – не были мы здесь ни разу, значит, показалось. И вы больше не думаете об этом. А я... У меня дежа вю бывали... и бывают... столько раз на дню, что... Я постоянно проваливаюсь в другую жизнь... свою... в тех вселенных, что похожи на нашу, где я такой же, но немного все-таки другой. Как ни странно, это легко описывается... не уравнениями... уравнениями можно описать только самые простые процессы... квантовые функции, волновые, они вполне...

Манн кашлянул.

– Простите, вам все равно, как это математически... Понимаете, то, что я вдруг вспоминаю... это реально, да. Это правильные воспоминания. Это было со мной. Но не здесь. В другой вселенной, такой же... почти. Эсти. Там я с ней знаком. А здесь – нет. Но бывает... ведь наши миры так похожи... Дежа вю, как вещий сон наяву.

– Вещий сон наяву, – повторил Манн.

– Со мной это происходит так часто, что я путаюсь... Там я или здесь. Здесь это происходит со мной или в другой вселенной. И бывает... редко, но случается, что мое дежа вю... я действительно оказываюсь в этом месте... действительно вижу... Это приводит меня в шок, я не могу различить... Господи, Манн! Тиль... Если бы вы знали, как это мешает жить! Вы думаете, я не понимаю, что художник убит не здесь, а в другой реальности? Думаете, я не понимаю, что, скорее всего, этот Ван Барстен жив и будет жить? Но вдруг? И я окажусь... Это все равно, как если бы вы догадывались о том, что может быть совершено преступление, только может быть... и не пошли в полицию.

– Вы не пошли в полицию, – заметил Манн.

– Я...

– И правильно, – одобрил Манн. – Спасибо, Антон. То, что вы сказали... Я вам сочувствую, поверьте.

– Я заставил вас зря потратить...

– Не знаю, – сказал Манн. – Ван Барстен – странная личность. Но ведь... Гм... Он не преступник, а жертва, верно?

– Да. – Нога затекла, и Антон выбрался из машины. Он стоял, склонившись над дверцей, Манн опустил стекло, глаза их были теперь на одном уровне, и мысли, казалось, перетекали из зрачков в зрачки, можно было и не произносить слова вслух, Манн и Антон прекрасно понимали друг друга без слов.

– Да, – повторил Антон. – Найти. Эсти. Потом... Того.

– Может, – таким же телеграфным отрывистым стилем заговорил Манн. – Его и нет. Ладно. Я понял. Интересная теория. Подумаю.

Антон почему-то перестал дрожать, хотя, по ощущениям, ночь была довольно холодной, и уши, как ему показалось, даже покраснели.

– Спасибо, – сказал он, протягивая Манну в окно руку. – Как я узнаю, удалось ли вам...

– Я вам позвоню, – Манн пожал Антону руку, задержав ее, пожалуй, дольше, чем нужно, будто ощупывал его ладонь. – И вы звоните сразу, как только с вами случится дежа вю.

– Оно может не иметь отношения... Я ведь не контролирую...

– Все равно, – сказал Манн. – Звоните. Я должен иметь полную информацию. И еще... Прошу вас: не занимайтесь расследованиями самостоятельно. Не ходите в церковь святого Юлиана. Гуляйте. Я бы вам посоветовал посетить выставку, о которой рассказывала Криста.

– Там есть работы Ван Барстена? Тогда я действительно...

– Нет, и я вам не советую искать его картины в галереях. Не напрягайте память. Просто гуляйте. Вы были на ярмарке возле Оперы?

– Боитесь, что я что-то вспомню, а потом забуду?

– Я не знаю, как действует ваша память, и вы тоже толком этого не знаете. Поэтому...

– Хорошо, – сказал Антон.

– До встречи.

* * *

Антон боялся, что не уснет – он всегда засыпал с трудом, когда сильно уставал или нервы были на взводе, как сейчас. Лег, закутался в одеяло, закрыл глаза и приготовился считать слонов, чтобы не думать об Эсти, Ван Барстене и невидимом убийце. Досчитал до шести, открыл глаза и обнаружил, что уже утро. Он давно не спал так крепко – не только без сновидений, но, даже не поняв, что спит.

Побрившись, Антон спустился в холл, где для постояльцев был готов обычный европейский завтрак: чай, кофе, тосты, джемы, соки.

Идти никуда не хотелось, но и сидеть в номере смысла не имело. Вчера у Антона было совсем другое настроение – он с удовольствием бродил по улицам, стоял на берегу Амстеля, выходил к вокзалу, где долго с удивлением разглядывал тысячи велосипедов на огромной стоянке, больше похожей на склад готовой продукции велосипедного завода. Вчера у него было настроение гулять, смотреть, искать... Сегодня – нет, и Антон пытался понять причину – разве Амстердам стал менее привлекательным?

Он заставил себя выйти на улицу. Если пойти направо, выйдешь к каналу Ахтербургваль, а если налево – то к площади Вален и высокому, со звонницей, храму Ваатсекерк, где Антон был еще в первый день: приехав из аэропорта, забросил в номер чемодан и пошел осматривать окрестные улицы. В тот день его ни разу не посетило ощущение дежа вю, чему Антон не удивился – прежде он не бывал в Амстердаме, он и выбрал этот город из

желания отдохнуть от бессмысленных узнаваний. В первый день это получилось. Во второй – тоже. А в третий...

Антон спустился к лодочной станции и купил билет на прогулочный катер, который должен был подойти с минуты на минуту. Полный круг по каналам, двухчасовая экскурсия. Антон не любил экскурсии. Голос гида, вещавший о сведениях, которые он мог найти сам в интернете или путеводителе, мешал разглядывать дома, площади, машины, людей. Он никогда не присоединялся к экскурсиям в музеях, бродил по залам, разглядывая картины не потому, что они были известны и описаны в буклетах, а просто потому, что ему приглянулась, скажем, голова девушки, читающей письмо, и только нагладевшись, он подходил ближе и узнавал, что это знаменитая работа самого Вермеера, ах, ах...

Подошел катер, и Антон поднялся по сходням на полупустую палубу, где стояли ряды скамеек, как в дешевом кинотеатре, экран заменяла темная гладь канала, а на месте будки кинооператора находился капитанский мостик. Антон выбрал место ближе к борту, чтобы видеть, как впереди качается вверх-вниз, приближаясь, мост с узким пролетом, куда можно было попасть, по-снайперски направив катер в полукружие, а за мостом возникает вереница стоящих по обеим сторонам канала на приколе корабликов, оформленных, как обычные голландские домики – даже садики можно разглядеть на палубе, что-то там росло зеленое и цветастое, совсем, казалось бы, не приспособленное к жизни на воде.

Один из плавучих домиков Антон узнал сразу. Белое с зеленой широкой полосой посередине, деревянное строение на желтой, будто яичным порошком выкрашенной палубе, четыре широких окна с красивыми ярко-оранжевыми занавесками, плотно задернутыми и скрывавшими от постороннего взгляда... что? Антон сначала привстал, чтобы не упустить кораблик из виду, а потом перешел на корму и смотрел, как домик удаляется – почему-то не только в узком пространстве канала, но и в широком, каком-то раскидистом времени. Он не мог описать словами это ощущение, но приблизительно так получалось: будто домик во времени расплывался на несколько себе подобных, и каждый уплывал в собственную временную даль, оставаясь, как ни странно, единым сооружением, скрывшимся, наконец, за очередным мостом и оставившим после себя ощущение потерянности, несбывшихся надежд и еще чего-то тоскливо-нужного, но все равно ушедшего и невозвратимого.

«Запомнить, – думал Антон, – нужно запомнить место. Запомнить, сойти на ближайшей пристани и вернуться. Вернуться и посмотреть на судно с берега – может быть, тогда...»

Что «тогда», Антон не мог себе представить. Не мог он сейчас и вспомнить, при каких обстоятельствах видел домик в первый раз. Возможно, даже бывал внутри – смутно вспоминалась низкая узкая комната, мебель... какая? Комната не была пустой, но что в ней стояло... туман... и не нужно вглядываться, Антон знал, что это бесполезно – или вспоминается сразу, или не вспоминается вовсе. Нужно посмотреть еще раз, войти, если пустят

хозяева... Кто? С конкретными людьми дежа вю не ассоциировалось, может, их и не было в реальности – всего лишь помещение, где он бывал, хотя и не мог быть на самом деле за три дня пребывания в Амстердаме.

Ближайшая лодочная станция, где катер сделал остановку, оказалась за поворотом к привокзальной площади – Антон узнал место, он и вчера, и позавчера здесь гулял, вот арка, пройдя которую можно попасть в небольшой дворик, где растут очень красивые цветы, яркие, огромные, а справа – да, вот же он – стоит автофургон с огромной белой надписью на борту: «СССР». Никакого отношения к давно исчезнувшей стране советов машина, конечно, не имела, читать надпись надо было «си-си-си-пи», и расшифровывалась она как-то по-голландски, не понять...

Антон поднялся на набережную и пошел назад, заглядывая через гранитный барьер. Кораблики-дома стояли вплотную друг к другу, нос к корме, корма к носу, они были прочно принаитованы причальными канатами, тихо поднимались и опускались, когда по фарватеру проплывал катер или другое судно, нагонявшее на берег волну. Один, два, три... Антон считал кораблики, чтобы точно запомнить, не сбиться, узнать... Это были знаменитые, описанные в любом путеводителе, гостиницы на воде – при внешней непритязательности они отличались высоким уровнем комфорта, комната (каюта) стоила здесь столько же, сколько номер в четырех– или даже пятизвездочном отеле. Вряд ли Антон когда-нибудь мог накопить столько денег, чтобы снять здесь апартаменты. Видимо, приходил к кому-то в гости... то есть, не приходил, конечно, никогда он тут не был, дежа вю не подсказывало ему ничего более конкретного, за что могла бы уцепиться обычная память или хотя бы фантазия. Скорее всего, он с берега и не узнает, вот уже сколько прошел. Наверно, миновал нужное место, не вспомнив...

Вот.

С набережной домик на катере выглядел совсем иначе, чем со стороны канала. Плоская красная крыша с торчавшей, будто Пизанская башня, декоративной трубой, дощатая палуба, большие иллюминаторы, один из которых был раскрыт, и оттуда медленно проливалась и растекалась по палубе тихая мелодия, которая, испаряясь, поднималась – неплотными облачками – вверх и достигала ушей. Получались какие-то обрывки, не мелодия, а пунктир музыки, но все равно у Антона возникло непреодолимое ощущение узнаваемости. Мелодию невозможно было узнать по этому звуковому пунктиру, но Антон узнал – это была баркарола из «Сказок Гофмана», пунктир сам собой соединился в его сознании в непрерывную линию, скрипки сшивали ткань музыки прочнее, чем это могла сделать самая прочная нить. В первый раз Антон услышал эту мелодию, когда был в опере – Нора, девушка, с которой он встречался на первом курсе, спросила, не хочет ли он пойти с ней на премьеру, он, конечно, согласился, хотя к опере относился настороженно – впрочем, как и к самой Норе. Общего у них было мало, они больше ссорились, не понимая друг друга, и вскоре расстались без сожаления, но посещение оперы Антону запомнилось.

Спуститься? Удивить постояльцев вопросом о том, когда и при каких обстоятельствах они могли встречаться?

Антон стоял, облокотившись о барьер, ощущение дежа вю исчезло, внизу была просто лодка-гостиница, одна из многих, и музыка больше не звучала, никто не выходил на палубу, никто не спускался с набережной, так можно было простоять весь день... хотя куда торопиться, можно и постоять, здесь красиво, а день теплый, с канала не тянуло, как вчера, холодным промозглым воздухом.

Можно стоять здесь и ждать звонка от Манна. А если проголодаешься – на углу одно из множества амстердамских кафе, два столика на тротуаре, можно заказать булку с тунцом и помидорами, сидеть и следить...

Следить и думать.

Возможно, здесь живет девушка Эсти, с которой он был ночью в церкви и которая стояла у колонны и видела, как убили художника.

Антон знал, как глупо и бесполезно что бы то ни было предполагать, когда дело касалось дежа вю. Что детектив понял из его путаного объяснения? Он взялся за это дело, но ясно, что не для того, чтобы раскрыть преступление – ему стало интересно, совсем спятил нанявший его израильянин или только частично впал в умственное расстройство из-за того, что слишком много работал и застудил холодом теорий свой слишком разгоряченный мозг.

Антон отступил от барьера, и кораблик скрылся из виду, перестал существовать, и он не знал теперь, увидит ли гостиницу опять, если вернется на прежнее место у парапета. Ощущение было таким сильным, что, конечно, Антон сделал шаг, посмотрел вниз и, естественно, лодка была на месте, куда ж ей было деться, она, скорее всего, и плавать давно не могла, и мотор с нее, наверно, сняли – в отелях на воде, он слышал, каждый квадратный сантиметр на учете, земля в Амстердаме дорогая, а место на воде еще дороже.

Тогда это и случилось. Сначала Антону показалось, будто он услышал, как лопнула автомобильная крышка – характерный короткий бумкающий звук. Он оглянулся – набережная в обоих направлениях была пуста. Вывернул из-за угла оранжевый, как солнце, нарисованное ребенком, «фольксваген-мини», проехал мимо, и справа тоже проехал автомобиль, марку которого Антон не разобрал. Обе машины были в порядке, и звук лопнувшей крышки...

Выстрел.

Антон был теперь в этом уверен – странно, что он сначала подумал иначе. Сухой щелкающий звук, как удар хлыстом, совсем не похожий на звук лопнувшей крышки.

Стреляли?

Направление, откуда раздался выстрел, Антон не мог определить. Ощущение, будто звук шел отовсюду – лопнуло само пространство, не оставив эха, которое наверняка должно было быть здесь, в окружении высоких домов, где любой звук сначала мечется, путаясь в собственных отражениях, и лишь потом смолкает.

Антон перегнулся через ограждение – он был почему-то уверен, что стреляли на корабле-отеле, хотя там ничего не изменилось, никто не выбежал на палубу с пистолетом в руке, и все иллюминаторы были по-прежнему задраены, кроме того, единственного, из которого недавно пролилась и взлетела музыка.

Как поступают нормальные мужчины, услышав выстрел и подозревая, что кому-то грозит опасность, а кому-то, возможно, опасность уже не грозит, потому что все, что могло случиться, уже случилось, и нужно только быстро спуститься на палубу, вбежать в каюту и застать...

Было ли это на самом деле или Антону показалось, что он слышит, как кто-то тихо напевает мелодию? Непонятно было даже, кто поет – мужчина или женщина. Антон спустился к воде и ступил на деревянные сходни, соединявшие берег с плавучим отелем, откуда по-прежнему слышались звуки то ли песни, то ли арии – неопределенные, они, в принципе, могли даже быть звуками разговора, напевного южного диалекта.

Дверь, которая вела во внутренние помещения, как он теперь увидел, была не заперта и даже чуточку приоткрыта, самую малость, Антон видел узкую щель, темную нить на белом фоне. Скорее всего, войдя, он обнаружит нечто вроде холла и, может, там окажется стойка, за которой сидит портье, должен же здесь быть портье, как в любом отеле, или плавающий домик сдают целой семье, и никого лишнего на борту нет?

Антон потянул на себя тяжелую металлическую дверь, и она бесшумно открылась, обнажив не холл, как он ожидал, а узкий коридор с иллюминатором в противоположном конце и двумя обычными дверьми справа и слева. Если кто-то и напевал в одной из кают, то сейчас смолк, тишину нарушали только редкие всплески воды и отдаленные звуки мотора.

Антон стоял в дверях, не решаясь войти, но и уйти не решался тоже. Он ждал появления привычного ощущения дежа вю – если он уже видел эту лодку-отель когда-то в своей жизни, то почти наверняка мог видеть и этот коридор, и...

Нет. Он никогда здесь не был. Это коридор был ему не знаком. Иллюминатор напротив ничего ему не напоминал.

Что он скажет, если откроется дверь и появится кто-нибудь из постояльцев? «Простите, я вошел случайно»? Или, того хуже: «Это не здесь ли стреляли минуту назад?»

Антон отступил на палубу, ему хотелось скорее уйти, пока никто его не увидел (увидеть могли и с набережной, но об этом он подумал после того, как поднялся, едва не подвернув ногу, по каменным ступеням на улицу, которая за те две-три минуты, что он был внизу, заполнилась машинами, будто садок рыбами).

Антон перешел дорогу и опустился на стул с металлической резной спинкой, стоявший у одного из столиков углового кафе. Сейчас подойдет официант, нужно что-то заказать или уходить, а у него не двигались ноги.

Дежа вю. Он узнал это место, и звук выстрела был с этим местом связан, он слышал его, но не сейчас. Он не услышал его, а вспомнил. Это было... когда-то. Недавно. И тогда на лодке, может быть... Скорее всего...

Убили человека?

Стреляли. Может, не попали. А может, вовсе не в человека стреляли, а, скажем, в мишень на двери. Или в иллюминатор – тот, что был открыт. Нет, пожалуй... Поняв его происхождение, Антон точно вспомнил, какой это был звук – не приглушенный, будто доносился из закрытого помещения, и не гулкий, с эхом, отраженный от стоявших вокруг домов. Короткий резкий хлопок.

Какое отношение звук выстрела и эта лодка-отель, и эта набережная имеют к девушке по имени Эсти и к художнику, которого убили в церкви... если вообще между этими событиями, возможно, вообще нигде и никогда не происходившими, существует какая-то связь?

– Месье? – мелодичный женский голос выпростал Антона из-под груды навалившихся на него мыслей.

– Можно черный кофе? – спросил он неуверенно.

– Конечно, – улыбнулась официантка. – С сахаром, сахарином или...

– Ложечку сахара, пожалуйста, – сказал он уже более уверенно и добавил: – И бутерброд с тунцом.

Дома, в Израиле, он не очень любил рыбу, а здесь, попробовав в первый день бутерброд у уличного торговца, продававшего вразнос хотдоги, проникся неожиданным удивительно нежным и пикантным вкусом, и трети уже сутки питался преимущественно незамысловатыми бутербродами с тунцом.

– Спасибо, – сказал он, когда девушка принесла заказ и только, когда она отошла от столика, понял, что поблагодарил ее на иврите.

Странно, он никогда прежде... Обычно, волнуясь или забываясь, он переходил на русский.

Затренькал лежавший в сумке мобильник, и Антон решил, что звонит мама – она обычно звонила в это время, справлялась, как он, что видел, где был, не простудился ли. Она смотрела погоду в интернете, в Амстердаме довольно прохладно и ветрено, не забудь надевать куртку... Погода в интернете почему-то все три дня не имела ничего общего с реальной, но говорить об этом по телефону Антону не хотелось, и он только поддакивал и спрашивал: «А как вы там? Дома все в порядке?»

Номер был не израильским.

– Антон, – произнес голос Манна, – у вас все в порядке?

– Да. То есть, нет. Я узнал дом. И слышал выстрел.

Несколько секунд Манн молчал, потом спросил осторожно:

– Вы слышали выстрел, или вы вспомнили выстрел?

– Вспомнил.

– Где вы сейчас?

– В кафе... – Антон поднял голову, чтобы прочитать название, на которое сначала не обратил внимания. – «Россильон», это на...

– Знаю, – перебил Манн. – Доедайте, что вы там едите, и идите по Бетаниерстраат, кафе как раз на углу, пройдете квартал, выйдете на остановку трамвая, дождитесь восьмого номера, который идет к зоопарку, проезжайте пять остановок, на шестой выходите, я буду вас ждать.

– Вам удалось что-то узнать?

– Я вас жду через сорок минут, раньше вам не успеть.

Антон заплатил по счету и, уже поднявшись, неожиданно сказал:

– Вы, наверно, знаете тех, кто живет в домиках на воде. В том, например, чья красная крыша... видите?

Девушка проследила за его взглядом.

– Это отель мамы Кузе, – улыбнулась она, радуясь, что может ответить клиенту на простой вопрос. – Он так и называется: «Дом мамы Кузе». Название написано на борту, и его можно прочитать, если смотреть со стороны канала или с противоположного берега.

– Там сейчас живет кто-нибудь?

– Там всегда кто-нибудь живет. Даже зимой, когда на канале холодно. Если вы хотите снять комнату, нужно сделать заказ месяцев за семь-восемь, у мамы Кузе длинные очереди...

* * *

Манн подждал Антона, сидя на металлической скамье под навесом.

– Вы уже были в доме-музее Рембрандта? – спросил детектив. – Это близко, минута ходьбы.

– Собирался. Я знаю, где это, смотрел на карте. Отсюда налево?

– Хорошо, что вы там не были. Может, узнаете место?

– Должен? И почему музей Рембрандта?

– Должны или нет – не знаю, – пожал плечами Манн. – Как я могу прогнозировать то, что вы сами не можете предвидеть? Почему музей Рембрандта? Увидите. Я не пытаюсь вас интриговать, сам не люблю дешевых эффектов. Но в данном случае важна неожиданность восприятия, если я правильно понимаю. Так что потерпите пару минут. Пока будем идти, расскажите о сегодняшних дежа вю.

Антон рассказал, но, похоже, не произвел на Манна ожидаемого впечатления. Детектив, казалось, не слушал, смотрел по сторонам, с кем-то здоровался, почему-то попросил повторить, будто не расслышал, совсем не важный эпизод – куда именно смотрел Антон, когда услышал выстрел.

– Сюда, – Манн ухватил Антона за локоть и направил не в большую парадную, бордового цвета, внушительную, с металлическим звонком в форме головы льва, дверь, а рядом, где оказались ступеньки, которые вели вниз, в подвальное помещение. Дверь там оказалась низкая, на стук открыл старик, похожий на Квазимодо, такой же сгорбленный и печальный. Он цепким взглядом осмотрел Антона с ног до головы, кивнул Манну что-то вроде «Под вашу ответственность» и исчез, отступив в темноту.

Изнутри на Антона смотрела не темнота, хотя и темнота, конечно, тоже, но главное – тишина. Почему-то тишину, а не темноту, Антон ощутил всем

своим существом. Манн скрылся в тишине, не сказав хотя бы: «Идите за мной». Антон потоптался на месте, хотел было повернуться и уйти, но зачем-то же он пришел сюда с детективом, зачем-то ему нужно было преодолеть себя и войти в тишину.

Он вошел.

Это было что-то вроде склада или музейных запасников. Темно здесь не было на самом деле – свет пробивался в узкие оконца под потолком, над дверью, что вела в глубину здания, горела лампочка в светло-желтом плафоне. Тишины на самом деле не было тоже – справа от внутренней двери стояли огромные напольные старинные маятниковые часы, маятник мерно раскачивался, отщелкивая секунды, но щелчки не столько нарушали тишину, сколько подчеркивали пунктиром ее значимость.

Антон готов был к тому, что сейчас ему покажется, будто он здесь уже бывал, но ничего такого не случилось, не был он в этом подвале ни разу, никогда не видел ни старинного секретера с резными панелями, ни стола, вроде бы тоже старинного, но, в отличие от секретера, оставлявшего впечатление старой рухляди, которую жалели выбросить. Еще в комнате были штабеля то ли досок, то ли больших деревянных плоских столешниц, сваленных одна на другую, и еще десятка два стояли тесно друг к другу у правой стены. Антон не сразу догадался – это были картины в рамках, они лежали, стояли, а две висели в простенках между окошками на улицу. Антон подумал, что здесь можно увидеть творения если не самого Рамбрандта, то кого-нибудь из его современников, но на картинах оказалась современная мазня – впрочем, мазня могла быть и столетней давности, тогда тоже любили все кубическое и не имевшее отношения к жизни.

Манн стоял посреди комнаты, положив руку на штабель лежавших друг на друге картин, и молча разглядывал Антона – видимо, ожидал от него определенной реакции, но что мог сделать Антон, кроме как пожать в недоумении плечами и посмотреть на детектива долгим ответным непонимающим взглядом?

Зачем его привели сюда?

И тогда он увидел. Картина стояла на полу справа, под высоким окошком, рамка из темного дерева почти сливалась со стеной, потому Антон и не разглядел сразу. В глаза картина не бросалась, она была скромной и будто старалась спрятаться от постороннего взгляда. Что там было изображено, Антон не сразу разглядел, подошел ближе, наклонился...

Ощущение дежа вю нахлынуло с такой стремительной и неодолимой силой, что Антон почувствовал удар в спину и упал бы головой вперед, если бы не схватился за штабель. Так и стоял, согнувшись.

На картине была изображена девушка, которую он знал, но никогда прежде не видел. Это двойное ощущение – узнавания и неузнавания одновременно – само по себе было отчетливо узнаваемым, и Антон по давней привычке уцепился за это ощущение, стремясь именно его закрепить в памяти, потому что только ощущением ощущения мог потом вызвать то

ясное понимание, которое возникло сейчас, продержалось секунду и исчезло, но все-таки осталось тоже, вплавленное в его память.

Манн подставил Антону стул. Почувствовав, что может расслабиться, Антон опустился на сиденье, отчего представление в памяти закрепило окончательно, и сказал:

– Эсти.

– Эсти, – повторил Манн и принес себе стул, стоявший у стены под окошком. Сел рядом с Антоном, положил ногу на ногу, ни слова больше не произнес, так они и сидели, разглядывая женский портрет, который, казалось, все больше оживал под их сосредоточенными взглядами. Ожили глаза – теперь они не просто смотрели, они хотели что-то сказать, Антон даже начало казаться, будто он понимает – что именно, только перевести понимание в слова он не мог. Ожили руки – Антон видел, как на кончиках пальцев проявились следы краски – не той, что нанес художник, когда рисовал картину, а той, что запачкала руки девушки, когда та прикасалась к кисти, возможно, держала ее в руке. На локте Антон разглядел небольшой шрамик, почти совсем незаметный, будто от укуса крупного насекомого: сначала была ранка, которую девушка нервно расчесывала, и осталась отметина – у Антона была такая, очень похожая, на ноге, с задней стороны колена, в детстве его укусило насекомое, которое он даже не видел – почувствовал боль не сразу, а потом несколько дней расчесывал ногу до крови, он даже ходить не мог, и осталась отметина в виде короткого шрама, такого же, как у девушки.

– Кто? – спросил Антон, и Манн понял, что вопрос относился не к той, кто была на картине изображена (имя уже было названо), а к имени художника.

– Ван Барстен.

– Вот как, – пробормотал Антон. Он не мог оторваться от взгляда девушки. Когда он хотел внимательнее рассмотреть плечи, нежную кожу в вырезе блузки, какая-то сила, подобная центростремительной, возвращала его обратно, и он всматривался в глаза девушки, понимая, что она говорит сейчас с ним, рассказывает о себе, ей-то наверняка была известна тайна, которую они с Манном пытались сейчас открыть, и скрывать ничего она не хотела, вот же, смотри – смотри, а не слушай, ты хочешь услышать, а нужно видеть...

– А эта девушка, – сказал Антон. – Вы узнали, кто она? Эсти?

– Нет, – с сожалением произнес Манн. – То есть, да, узнал. Но ее зовут не Эсти. Анна Риттер, живет она сейчас в Роттердаме, а год примерно назад жила в Амстердаме, работала в магазине одежды, пыталась поступить в консерваторию, но не сумела сдать экзамен.

– Консерватория, – ухватился за слово Антон. – Она играет на фортепьяно?

– Она, – пожал плечами Манн, – считает, что у нее голос. Но, видимо, это не так. Поступала на вокальный факультет. Так ли важны детали, если это другая девушка? Вы сказали, ту девушку зовут Эсти.

– Да, – подтвердил Антон. – Но это... ее портрет.

– Это Анна Риттер, и нашел я ее потому, что одно время, очень недолгое, она была натурщицей.

– У Ван Барстена?

– Нет, не у Ван Барстена. У Тима Вермейена. Может, и у Ван Барстена, об этом я ничего не знаю. А у Вермейена точно.

– Но эта картина...

– Копия. Рисовал Ван Барстен, да. Но это копия с полотна Вермейена.

– А оригинал? Где...

– Это, – торжественно провозгласил Манн, – никому не известно. Вы можете дослушать меня, не прерывая?

– Конечно.

– Так вот. Анну Риттер Вермейен нарисовал чуть больше года назад, она как раз провалилась в консерватории, стала работать в магазине готового платья на Дамраке, там ее Вермейен и углядел, девушка ему понравилась, и он попросил ее позировать для портрета. Картину Вермейен нарисовал, она выставлялась в галерее Ванцо, и ее купили.

– Кто?

– Могу узнать, если вы считаете, что это важно.

– Ну как же!

– Получить покупку новый хозяин не успел – в ту же ночь картину из галереи украли. Очень аккуратно, кстати – сигнализация не сработала. Полиция этим делом занималась, но без успеха. Скорее всего, полотно успели вывезти из страны. Я справлялся у майора Готфрида, он занимался этим делом. Картина не всплыла ни на одном аукционе, ни на одном вернисаже. Исчезла напрочь.

– Когда же Ван Барстен успел...

– В том еще одна особенность этой копии. Ван Барстен рисовал по памяти. Уже после того, как оригинал исчез.

– По памяти? – с недоверием сказал Антон.

– В полиции тоже решили, что это подозрительно. Память у Ван Барстена фотографическая – это известно. Но не настолько же! Готфрид заподозрил, что Ван Барстен имел какое-то отношение к похищению и снял копию уже после того, как картину украли. Это не подтвердилось. Ван Барстен действительно писал по памяти, нашлись свидетели. К тому же, в студии Ван Барстена произвели обыск – конечно, не нашли и следов похищенной картины. И копия, как уверял сам Вермейен, плохая – Ван Барстен неправильно написал фон.

Фоном на картине был тяжелый пурпурный занавес, скорее всего бархат, парча или иной материал, висевший на стене подобно ковру. Антон подумал, что художник должен был выбрать что-то легкое, под стать девушке – небо с облаками или светло-зеленую стену.

– Тяжелый ковер, некрасиво, – пробормотал Антон.

– На оригинальной картине Вермейена Анна изображена была на фоне колонн, уходящих вдаль. За ее головой, где складка бархата, была изображена мозаика...

– Церковь? – поразился Антон.

– Вермейен не рисовал в церкви, – покачал головой Манн. – Просто колонны. Просто мозаика. Неизвестно, где он рисовал фон.

– Но можно спросить! У Вермейена, у Анны, у Ван Барстена, наконец!

Антон не мог усидеть на месте.

– Конечно, – кивнул Манн. – Если знать, что спрашивать. Если знать, почему спрашивать.

– По-моему, вы...

– Дорогой Антон, – проникновенно произнес детектив, – если вопросы начну задавать я, это будет выглядеть странно, и у людей возникнут подозрения. Криста сегодня, может быть, увидит Якоба на вернисаже, в музее Ван Гога открывается выставка инсталляций, видеть не могу эти поставленные в ряд холодильники с пылесосами, у меня от них аппетит портится, а Криста... ей ничего.

– Когда... Я хочу сказать, госпожа Манн вернется домой?

– Боюсь, – улыбнулся Манн, – Криста домой не вернется.

Антон ошеломленно посмотрел на детектива. Вопрос, мгновенно возникший в мыслях, задавать, конечно, было неприлично и неосторожно.

– Сразу после вернисажа, – объяснил Манн, – Криста поедет в редакцию, номер выходит завтра, материал не написан, а там еще фотографии, так что работа будет и у фоторепортера...

– Я думал, – с ноткой удивления в голосе сказал Антон, – сейчас журналисту нет надобности работать в редакции, можно из дома...

– Можно, – согласился Манн, – теоретически. Я сначала тоже так думал, а Криста поднимала меня на смех и говорила, что я ничего не понимаю в журналистике. Видите ли, в редакции атмосфера... Коллеги, с которыми можно все обсудить, поспорить, самой для себя уяснить некоторые моменты, и фотограф тут же работает на фотошопе, с ним тоже можно поругаться, потому что лучше снимок притемнить, а он высветляет. В общем, деловая и творческая атмосфера, чего, понятно, нет дома. Сначала мне это казалось странным, но как-то я побывал в редакции в ночь выпуска, и, скажу вам, это действительно ни с чем не сравнимое ощущение. Что-то вроде интеллектуального оргазма. А как они там ругаются! Обсуждают строку в репортаже, два неточных слова, а употребляют по этому поводу такое количество не вполне, я бы сказал, цензурных выражений...

– В общем, – заключил Манн, – я теперь понимаю, откуда в этом журнале такой драйв. Криста будет дома, когда номер уйдет в типографию, и сразу завалится спать, так что поговорить с ней получится не раньше завтрашнего полудня.

Увидев разочарованное выражение лица Антона, Манн добавил:

– Но если Криста сумеет что-то важное выяснить, она позвонит сама. Правда, важное с ее точки зрения, может оказаться для нас совершенно бесполезным. И наоборот.

Антон поднялся и подошел ближе к картине. Ощущение дежа вю исчезло, он понимал, что новых воспоминаний картина не вызовет, ему хотелось рассмотреть работу внимательнее. Девушка стояла в напряженной позе,

одной рукой касаясь зеленого пояса на платье, а другую протянув вперед, будто хотела взять что-то невидимое зрителю.

Манн тронул Антона за плечо.

– Пойдемте, – сказал он, – иначе нас отсюда попросят.

* * *

На улице, оказывается, собирался дождь – откуда-то успели притащиться тяжелые мрачные тучи, теснившие одна другую, и первые капли упали, асфальт еще не был мокрым, но влага, растворенная в воздухе, сделала его темным и ожидающим.

– Теперь, – сказал Манн, сев за руль и подождав, пока Антон пристегнется, – повторите ваш рассказ. Домик на воде. Выстрел.

Антону хотелось, чтобы они поехали к каналу и Манн сам посмотрел на домик мамы Кузе, но у детектива были свои планы – когда зажегся зеленый, он повернул налево, переехал через мост и сосредоточенно повел машину по улицам, которые Антон узнавал, понимая, что и это тоже дежавю, но у него не было времени сосредоточиваться, да и не нужно, было, скорее всего. Ничто в его памяти не всплывало, кроме простого момента узнавания – был здесь, проезжал или проходил...

– Куда мы едем? – спросил Антон.

– Потом, – нетерпеливо сказал Манн. – Рассказывайте.

– Вон как, – сказал он, выслушав внимательно, не проронив ни слова, но ни разу так и не повернув головы к Антону. – Мамаша Кузе не так проста. Девушка в кафе, видимо, работает недавно, иначе рассказала бы вам. У мамы Кузе была дочь. Мужа не было, насколько мне известно, а дочь была. Тогда ее... фрекен Кузе, я имею в виду... еще не называли мамашей, а звали ее... вылетело из головы... В восьмидесятых у нее были два дома, которые она сдавала постояльцам.

– Меблированные комнаты, – пробормотал Антон.

– Два больших дома, в одном пять этажей, в другой восемь. Достались по наследству от отца. Сама мамаша... как же ее звали... да, вспомнил: Сандра. Сама Сандра жила на шестом этаже в большом доме, зарабатывала неплохо, хотя, полагаю, и нервов ей это стоило изрядно. Жильцы, они ж такие, один платит вовремя, другой через раз, третий вообще не платит, а человека не выселишь без судебной процедуры... Характер у Сандры портился, а тут она забеременела от кого-то из своих любовников.

– Откуда вы все так подробно знаете? – не удержался от вопроса Антон.

– Родилась девочка, – продолжал Манн, не отвечая Антону, – и в день совершеннолетия покончила с собой – выбросилась из окна...

– Господи... – пробормотал Антон.

– Никто не понял – почему... Это было семь лет назад, я еще работал в полиции и хорошо помню дело. Это ответ на ваш вопрос: почему я так подробно все знаю. Выезжал на место с майором Лонгером, тогда, правда, он был еще младшим инспектором. Дело было ночью, в квартире гуляла молодежь, праздновали день рождения Эсти...

– Как? – воскликнул Антон.

– Эсти, да, – смущенно сказал Манн. – Совпадение. Та Эсти погибла семь лет назад.

– Я понимаю, – отрешенно произнес Антон. – Совпадение, конечно.

– Естественно, Лонгер предположил, что девушку выбросили из окна. Опросили гостей и соседей, Сандра была у подруги, гости ничего сообщить не смогли: пили, танцевали, в какой-то момент Эсти раскрыла окно, спокойно – это все говорили: «спокойно, будто хотела сесть» – поднесла к окну стул, встала на него, со стула на подоконник и – вниз. Молча, ни на кого не посмотрев.

Машина выехала из переплетения центральных улиц на широкую магистраль, вдоль которой стояли современные коробки этажей по десять-двенадцать, безликие, как маски. Дождь так и не начался, покапал немного и перестал.

– Лонгер – профессионал, – говорил, между тем, Манн, он снизил скорость, пропуская грузовики и трейлеры. – Он определил, что виноватых не было: молодежь в шоке, никто ничего не понял, все было, как обычно на любой вечеринке. Мы прошли в комнату Эсти. Рядом с компьютером на столике лежала папка с бумагами, отдельные листы, исписанные аккуратным почерком, не второпях. Что-то вроде дневника. Только это оказался не дневник, хотя записи аккуратно располагались по датам. Начиналось с девяносто шестого – Эсти было тогда восемь лет. Вот что она писала: «Я не хочу в этом теле. Я ненавижу свое тело. Это не мое тело. Я не хочу быть здесь»... И так страница за страницей, год за годом. Короткие строчки, четкий почерк. Потом: «Я уйду отсюда. Мне здесь делать нечего». Последняя запись была датирована тем днем, когда это случилось. «Сегодня я уйду. Сил больше нет терпеть». И все. Ниже лежали два чистых листа.

– Вы хорошо помните...

– Такое не забудешь. Вопрос был: почему раньше не распознали болезнь. Об этом Лонгер спрашивал и мамашу Кузе, и врачей. Оказалось, что мать все знала о желании дочери, но, странная вещь... Эсти писала свои отчаянные призывы, но вела себя, как абсолютно адекватный ребенок. Проблем с ней у Сандры не было, они замечательно друг друга понимали, никогда не ссорились. Веселая нормальная девочка, подруги, потом и друзья. Сандра обнаружила дневник, когда Эсти было лет тринадцать, и, конечно, повела дочь к психиатру. Не к одному – к трем, и хорошим, благо деньги у нее были. Все три врача долго с девочкой говорили и пришли к выводу: здорова. Развели руками и отпустили с миром. А она продолжала писать дневник, только теперь прятала, а в день, когда решила уйти, достала и положила на видном месте. Понимала, что будет расследование...

– В день рождения, – сказал Антон, обдумывая мысль, которую сам не вполне осознавал.

– Вот! Дождалась совершеннолетия, и ровно в полночь... Будто хотела сказать: я теперь сама отвечаю за свои поступки и делаю, наконец, то, что давно собиралась.

– Господи...

– Тогда, насколько я помню, Сандру Кузе и начали называть мамашей. Оба дома она продала, в ту квартиру больше не зашла, вскоре купила плавучий домик, переоборудовала... Она и живет там, насколько я знаю, в кормовой каюте.

– Такая история с мамашей Кузе, – сказал Манн после довольно долгого молчания. Они ехали по магистральному шоссе в сторону Гааги – Антон увидел указатель «Гаага, 19 км». В Гааге жила Анна Риттер – значит, детектив решил поговорить с ней?

– Я больше не принимал участия в расследовании, – продолжал Манн, – а Лонгер еще пару раз беседовал с мамашей Кузе. У них была игра – у матери с дочерью. Эсти изображала инопланетянку, а мать объясняла, как все на Земле устроено. Они так играли, когда Эсти было пять-семь лет. Дети любят задавать вопросы, вот Эсти и выбрала такой способ. А когда Эсти не стало, мамаша Кузе сама немного сдвинулась и уверила себя, что в теле дочери на самом деле жила душа инопланетной сущности, которой было не по себе в чужом мире, она рвалась домой...

– Инопланетянка?

– Никто не воспринял мамашу Кузе всерьез. Не знаю, показывалась ли она психиатрам. Больше я этим делом не занимался. Но ваш рассказ...

– Вы думаете, Эсти...

– Я ничего пока не думаю, Антон. И вам не советую делать выводы. Кстати...

– Что? – спросил Антон минуту спустя, потому что Манн неожиданно замолчал и, увеличив скорость, принялся обгонять грузовики и трейлеры, которые он недавно пропустил вперед.

– Простите? – переспросил детектив рассеянно.

– Вы сказали «кстати».

– А... Майор заподозрил, что девушка принимала наркотики. Симптоматика вполне этому соответствовала... Но никаких следов наркотиков в организме Эсти не обнаружили. В квартире тоже. Майор пытался проследить связи Эсти с мелкими торговцами... ничего.

– А что вы скажете Анне? – спросил Антон минут через пять, когда они проехали указатель «Гаага, 10 км».

Манн покосился на Антона.

– Вы решили, что мы едем к Анне Риттер? – спросил он. – Нет, с ней я предпочел бы сначала поговорить сам... пока, правда, не вижу смысла.

– Так куда же... – растерялся Антон.

– Имейте терпение. Кстати, едем мы не в Гаагу.

Они действительно свернули направо на ближайшем повороте, Антон не успел разглядеть, что было написано на указателе. Дорога стала двухрядной, и машин почти не было. Они ехали мимо маленьких ферм, аккуратных полей, засеянных чем-то зеленым с высокими стеблями.

Антон глядел по сторонам и, вместо того, чтобы успокоиться, все больше нервничал, хотя и не мог сам себе объяснить причину. Манн снял правую руку с руля и похлопал Антона по колену.

– Все в порядке, – сказал он. – Хочу вам кое-что показать.

Впереди появились первые домики деревни, а может, небольшого городка – отличить голландский городок от голландской деревни Антон не мог; скорее всего, таких отличий не существовало. Красные черепичные крыши, магазины, спутниковые антенны, площадь...

Сердце Антона потеряло опору и попыталось упасть, ритм сбился. Манн остановил машину перед местной церковью, заглушил двигатель и только после этого повернулся к Антону. Церковь была точной копией амстердамского храма святого Юлиуса. Такие же старые красные кирпичи, точно такой же портал, закрытая дверь с ручкой в виде бронзовой львиной головы, башенка со шпилем, колокольня – будто амстердамскую церковь кто-то поднял вместе с участком земли и перенес за тридцать километров, в небольшой городишко с названием Остербрук.

Нетрудно было понять, чего добивался Манн, затеяв неожиданное путешествие, и почему не хотел говорить о цели. Антон внимательно прислушивался к собственным ощущениям, хотя и знал, что смысла не было: дежа вю или появлялось, или нет, сейчас его не было, хотя вроде и церковь была такой же, и даже небольшой садик с одиноким деревом и скамьей.

Антон вышел из машины, подошел к скамье и сел, не спуская взгляда со знакомых контуров. Манн опустил рядом, сложил руки на груди, ждал.

– Ничего, – сказал Антон. – Я никогда раньше не видел эту церковь. Зря мы сюда ехали.

– Что ж, тогда отдохнем немного, – Манн вытянул ноги и закрыл глаза.

В садике было тихо, тихо было на площади, и улицы тоже были тихими, Антон не слышал ни шума автомобильных моторов, ни голосов. Странное ощущение, будто смотришь фильм Бергмана «Земляничная поляна».

Нет, вот из-за угла появились двое мужчин, прошли, тихо переговариваясь, и машина – фургон с непонятной надписью на голландском – проехала, не торопясь. Обычный городок, обычный день...

– Мы кого-то ждем? – догадался Антон.

– Уже дождались. – Манн кивнул в сторону появившегося в скверике мужчины в темном костюме и старомодной шляпе. Мужчине на вид было далеко за семьдесят, и шляпа выглядела так, будто он не снимал ее с молодых лет, когда принял этот приход. Местный пастор?

Манн поднялся навстречу старику, и Антон тоже встал, пожал протянутую ему руку и в рассеянности не запомнил имя, названное тихим приятным, притягивающим баритоном.

Пастор пошел вперед, в руке его появился ключ – Антон ожидал увидеть что-нибудь старинное, с нарезкой и большим кружком, но ключ оказался современным, маленьким, таким же, каким Антон запирает в Ариэле свою квартиру.

Пастор о чем-то заговорил с Манном по-голландски, детектив несколько раз кивнул и один раз отрицательно покачал головой, не произнеся в ответ ни единого слова. Дверь открылась бесшумно, и на Антона глянула знакомая темнота. Он не представлял, как может оказаться знакомой обычная темнота, такая же, как во всех других случаях, когдаходишь со света в темное помещение, но ощущение дежа вю настигло его, когда он еще не переступил порог и понятия не имел, что увидит внутри – зал мог оказаться совсем не похожим на тот, в амстердамской церкви святого Юлиуса.

Пастор вошел первым, Манн сделал приглашающий жест, и Антон ступил в полумрак. Мозаичные окна – высокие и узкие, точно такие же, как в церкви святого Юлиуса. Даже замысловатый узор показался Антону таким же, хотя как он мог знать? Света оказалось достаточно, чтобы разглядеть два ряда колонн и ряды уходивших к центральному алтарю скамеек. Пастор уже стоял на возвышении и зажигал одну за другой три высоких свечи в красивом бронзовом канделябре. Антон подумал, что здесь, конечно, есть электрическое освещение, и пастор мог, войдя, нажать на выключатель... Он так бы и сделал, как наверняка делал всегда – видимо, Манн предупредил его, когда договаривался, или сейчас, отвечая на вопросы. Может, пастор спросил, включать ли освещение, а Манн ответил отрицательно, покачав головой?

Выключатель должен быть слева от входа на высоте плеча Антона – штукатурка немного выщерблена, и получилось углубление; удобно упираться большим пальцем, когда указательным нажимаешь на кнопку, чтобы включить свет. А рядом на стене кто-то, наверно, хотел повесить указатель, табличку, но то ли решил не вешать, то ли повесил и снял – остались два замазанных отверстия от вытасненных шурупов.

Антон вернулся к двери, чтобы проверить ощущения. Манн повернулся к нему, хотел что-то сказать, но промолчал. Пастор зажег свечи, отчего алтарь озарился теплым волнующим светом. Священник перешел к другому концу стола, там тоже стоял большой подсвечник, а Манн подошел ближе к Антону, с удовлетворением нащупавшему и выключатель, и углубление, и две замазанные дырочки – конечно, он бывал в этой церкви, бывал не раз, если запомнил такие мелкие детали. Когда?

Вспомнив расположение выключателя, Антон сразу же и сделал то, что, вспомнив, делал не раз: протянул руку, вложил большой палец в углубление, указательным надавил... Пока свет еще не вспыхнул, Антон вспомнил, что загоралось обычно не все подкупольное освещение, а только две лампы на ближайших к двери колоннах, они позволяли ориентироваться у входа, а зал все равно оставался в полумраке, особенно сгущавшемся, когда перед дверью становилось светло. Обычно он стоял на этой границе света и тьмы, привыкая, а потом...

Потом надо пройти ко второй колонне справа, там другой выключатель, от него зажигаются лампы центральной части зала, а чтобы включить остальные, нужно пройти к алтарю, туда, где сейчас стоит пастор. Выключатель был в боковой поверхности стола.

Все это Антон вспомнил в долю секунды, прошедшую между моментом, когда палец лег на кнопку, и моментом, когда ближняя часть зала озарилась не очень ярким теплым желтым светом двух ламп, висевших на боковых колоннах.

– Так, – удовлетворенно произнес Манн. – Вспоминайте дальше.

По заказу Антон вспомнить не мог ничего. Бывал он здесь, это очевидно. Но что делал? Зачем приходил?

– Это... – сказал Антон, чтобы сделать хоть какое-то сопоставление. – Это церковь святого Юлиуса?

Звуки под куполом слышны были во всех концах зала – особенно сейчас, когда здесь не было людей, шушукавшихся и наполнявших пространство пересекавшимися звуками слов.

– Нет, – отозвался пастор. Говорил он по-английски, но с сильным акцентом. – Это церковь святого Фомы. Наша церковь и храм святого Юлиуса в Амстердаме были построены в восьмидесятых годах девятнадцатого века по одному и тому же проекту архитектора Ганса Ван Вернеке.

Антону стал понятен замысел Манна – достаточно безумный, чтобы из него действительно что-то получилось. Но ведь получилось, он вспомнил. Действительно ли вспомнил, как бывал именно в этом храме? Может, в том, амстердамском, может, и там выключатель расположен в том же месте, где такое же углубление... Маловероятно. За полтора века произошло многое, что сделало два храма похожими, но отличимыми, как можно отличить людей-клонов, выращенных из одного генетического набора клеток, но проживших жизни по-разному – в разных семьях, разных обстоятельствах, один как-то упал, поранил руку, и остался шрам, а другой много занимался спортом, и накачал мускулатуру.

Манн тенью шел сзади, а пастор стоял на возвышении и смотрел на Антона, не выражая никаких эмоций, – может, молился.

В центре зала, под куполом, было такое же открытое пространство, как у собрата этого храма в Амстердаме, и, сделав три шага вправо, Антон остановился – как там. Чего он ждал? И зачем? От ожидания дежа вю не возникали никогда, ему нужно было просто смотреть по сторонам, любоваться мозаичными окнами, ни о чем не думать...

Девушка стояла у третьей колонны, считая от алтаря. У третьей колонны, конечно, никого не было, и свет так падал, что, если бы кто и был, заметить его можно было бы с трудом в сгущавшемся на том месте мраке, а различить – девушка ли это или низкорослый мужчина – было бы невозможно. Он это видел, но и девушку видел тоже, она стояла у колонны в сером световом конусе, падавшем из верхних окон, она стояла здесь в другое время дня, и снаружи тогда, похоже, было не так солнечно, как сейчас, а пасмурно.

Девушка... Эсти... была в этом храме, стояла у третьей колонны, а он – как сейчас – остановился на открытом пространстве под куполом. Сейчас здесь было довольно светло, еще и потому, что свет двух ламп, которые она сам же и включил, падал на его лицо, одежду, руки, не столько их освещая, сколько

отмечая присутствие человека – Эсти не могла его не видеть. То есть, не могла, если была бы здесь и сейчас, а там и тогда она его точно не видела, хотя он стоял, не скрываясь.

– С вами все в порядке? – спросил Манн. Подошел он осторожно, неслышно ступая по каменному полу.

– Да, – с трудом проговорил Антон, и Манн отошел на шаг, показывая, что он не собирался вмешиваться, он только хотел...

– Она была здесь, – Антон сказал это громче, чем следовало бы, он еще не приноровился к акустике, звук был или слишком тихим, или вдруг громким, хотя слово было сказано почти шепотом. В разных местах церкви, – понял Антон, – разная акустика, и наверняка лучше всего слышно, если говорить, стоя у алтаря.

Антон ощутил страх, хотя страх ему не принадлежал, но был разлит по всему полу и местами вспучивался, как поверхность волнующегося океана, и когда особенно высокая волна коснулась груди Эсти, она...

– Можно, – сказал Антон, вернувшись и поняв, что, заставляя себя вспоминать, он лишь отдалит момент полного узнавания, – можно мне спросить кое-что у священника?

– Конечно, – Манн отступил, позволив Антону пройти по узкому проходу между скамьями и рядом колонн.

Пастор стоял на краю возвышения, опустив руки и голову, делал вид, что молится, а может, на самом деле молился, не обращая внимания на Манна с Антоном. Он был у себя, он говорил с Богом, и никто в тот момент не мог знать, отвечал ли Творец.

Антон не знал, как полагается обращаться к священнику-протестанту. Падре? Нет, это точно католическое. Отец? Скорее русское. Просто «кюре»? Да, вспомнил: преподобный. Так говорили в романах, которые он читал. Надо бы по имени, но имя Антон не запомнил.

Память – штука странная. Тогда не запомнил, а сейчас...

– Преподобный Ван Казель, – произнес Антон, и пастор вздрогнул, будто не ожидал услышать собственное имя от человека, которого привел детектив, объяснив, что хочет провести в церкви важный следственный эксперимент.

– Да, – мягко произнес священник, и Антон решился:

– Недавно, – сказал он, – вскоре после полудня... когда на третью колонну, падал луч солнца... это бывает в час или два, верно?

Пастор проследил взглядом за рукой Антона, кивнул и сказал:

– После полудня, да. Потом луч переходит к четвертой колонне, а в полдень падает на вторую.

– Я часто пользуюсь этим эффектом, чтобы определять время, – добавил он после небольшой паузы и умиротворенно улыбнулся. – Неосознанно, наверно. Вы сейчас сказали, и я об этом задумался.

– Позавчера, – повторил Антон, – в час пополудни вы были в церкви?

– Нет, – уверенно сказал пастор. – Я был у себя в келье, если вам это важно знать.

– А здесь? Никого?

– В это время обычно здесь возится служка, Эшер его зовут, безобидное создание. Он и сейчас был бы здесь, но я его отпустил...

Пастор бросил взгляд на Манна, будто сказав: по его просьбе я и отпустил служку, чтобы не было здесь никого лишнего.

– Эшер, – повторил Антон. – Можно с ним поговорить? Он же...

Антон не мог подобрать подходящего слова. Русское «юродивый» осталось бы не понятным, а как сказать по-английски, Антон не знал.

– О, – улыбнулся пастор, поняв затруднение Антона, – Эшер вполне нормален, если вы это имеете в виду. Он даже может выступить свидетелем в судебном процессе, – добавил преподобный, обращаясь скорее к Манну, чем к Антону. – Минуту, господа, я сейчас его приведу.

Спустившись с возвышения, пастор направился к боковой двери, которую Антон не мог разглядеть со своего места – услышал только тихий скрип петель и довольно резкий хлопок. Манн стоял, отрешенно глядя вверх – не хотел, похоже, хоть как-то влиять на мысли и ощущения Антона, но вопрос чувствовался в его позе, хотя и это было лишь подсознательным ощущением, скорее даже – желанием ощущения.

– Странно, – сказал Антон, – я не могу понять...

Манн смотрел в небо, отделенное от него куполом.

Дверь скрипнула и хлопнула еще раз, пастор шел впереди, а за ним семенил на коротких ножках служка – Антон ожидал увидеть старика, всю жизнь прожившего в одной из церковных келий, но Эшер оказался юношей лет двадцати. Выглядел он совсем не дебилом, как можно было ожидать из слов пастора – нормальный парень, внимательный взгляд, только фигура несуразная: ноги короткие, а руки длинные, огромные ладони и большая голова, а может, только казалось, что голова большая – из-за непропорциональности туловища.

Пастор отошел в сторону.

– Эшер, – сказал служка, бросив взгляд сначала на Манна, а потом на Антона. Признав, видимо, главным Манна, он затем смотрел только на него, только его слышал, отключившись от присутствия Антона, будто тот стал невидимым и неслышимым созданием, порождением тьмы или света, но только не человеком из плоти и крови.

– Я хотел спросить, – сказал Антон по-английски. – Позавчера ты был здесь, в зале, в два часа пополудни.

Парень смотрел Манну в глаза и дожидался вопроса или указаний, как пес ждет команды хозяина. Не понял ни слова?

– Эшер, – повторил Манн, едва заметно кивнув Антону, – ты помнишь, где был позавчера? Не вчера, а два дня назад?

– Конечно, – Эшер передернул плечами, отчего голова его будто перекатилась по блюдцу и вернулась на место. – Вас интересует конкретное время? Вы лучше сразу скажите, что хотите узнать, и я попробую помочь.

По-английски он говорил легко, не задумываясь и не подбирая слова.

Антон едва не рассмеялся – смех получился бы нервным, – Эшер еще раз опроверг впечатление. Нормальный умный парень, не нужно ходить вокруг да около.

– Позавчера, – повторил Антон, – в два часа пополудни, здесь, возле третьей – вон той – колонны, стояла девушка...

Манну пришлось повторить фразу.

– Девушка, – задумался Эшер. – Позавчера? Это когда на площади была ярмарка, благотворительная распродажа рукоделий?

– Верно, – подал голос священник. – Начали в десять и торговали часов до четырех.

– Нет, – отрезал Эшер. – Никого здесь не было. Я был один.

«Ты ждал иного ответа? – подумал Антон. – Конечно, не было. Как не было убийства художника в церкви святого Юлиана, не было выстрела в домике матушки Кузе»...

– Девушка... – задумчиво продолжал Эшер, глядя не в глаза Манну, а на носки его туфель. – Невысокая, волосы светлые, ниже плеч, с челкой такой... треугольником. Глаза... серые, кажется. Лицо немного вытянутое, а рот маленький... Немного похожа на молочницу, что на картине Вермеера.

Антон поразился точности словесного портрета.

– Значит, ты ее все же видел? – спросил Манн.

– Откуда ты знаешь, что мы именно об этой девушке говорим? – одновременно задал вопрос Антон.

– Действительно, – Манну пришлось повторить вопрос, и от себя он добавил: – Я тебе ее не описывал.

Эшер почесал в затылке, будто сельский парень, у которого спросили, будет ли он в пятницу танцевать на свадьбе. Он по-прежнему смотрел на носки туфель Манна, Антон не видел его взгляда, да и выражения лица не мог разглядеть, потому что смотрел на Эшера в профиль. Однако работа мысли или чего-то, заменявшего мысль в подсознании этого человека, почему-то ощущалась даже на расстоянии, как напряжение то ли воздуха, то ли физических сил, электромагнитных или иных, отчего начала болеть голова... Нет, подумал Антон, не болеть, а вдавливаясь в какую-то физическую среду, будто в пластилин, оставляя в ней отпечаток собственного присутствия.

– Вы спросили об этой девушке, – произнес, наконец, Эшер, справившись с мыслительными проблемами.

– Эшер, – подал голос пастор, – практически не покидает пределов церкви, здесь его келья, здесь он проводит все время. В последний раз он выходил зимой, у него разболелся зуб, и я повел парня к дантисту.

Эшер выслушал слова пастора, никак на них не отреагировав, но Антону почему-то показалось, что юноша с ними не согласен.

– Здесь, – сказал Манн. – Что она делала?

– Шла, – не задумываясь, ответил Эшер. – Она шла от двери, оттуда, к алтарю, вот сюда.

– А потом?

– К ней подошел мужчина, подал руку, и они сели на вторую скамью справа.

– Можешь описать мужчину?

– Высокий, светлые длинные волосы на пробор, немолод, лет пятьдесят, может, больше, чуть сутулится, лицо широкое, но с мелкими чертами.

Антон и Манн переглянулись. Манн едва заметно кивнул. Ван Барстен?

– Потом я ее больше не видел.

– В церкви были еще люди?

– Конечно. Много.

– Была служба?

– Да. Обедня.

– Если ты помнишь, какой псалом мы читали тогда... – пастор решил внести свою лепту в процесс расследования.

– Сто тридцатый, – уверенно проговорил Эшер. – О кошке, вступающей во врата Рая.

– Гм... – пастор быстро высчитал в уме. – Значит, это было в прошлый понедельник. Или в декабре, но, видимо, такое предположение слишком...

– В прошлый понедельник? – с вопросительной интонацией проговорил Манн, глядя на Эшера и надеясь, что тот подтвердит дату хотя бы кивком. Никакой реакции.

Эшер не сочинял, это было очевидно. Эсти была в церкви четыре дня назад и встречалась здесь с художником.

– Когда они шли по залу на свое место... – начал Манн.

– Это не было их место, – с раздражением заявил Эшер. – Это место фрекен Шараваль, но в тот день фрекен Шараваль не пришла, место осталось свободным, и они его заняли.

– То есть, – уточнил Манн, – ни раньше, ни позже Эсти... эта девушка в церковь не приходила, ведь если бы она пришла опять, ты обратил бы на нее внимание?

Если у Эшера фотографическая память, и если он хотел запомнить.

– Не знаю. Тот раз я помню.

– Потом, после службы... ты видел девушку и мужчину?

– Нет, – Эшер дернул головой, отчего она опять, подобно большому шару, перекатилась по плечам. – Я ушел, мне нужно было подготовиться к уборке.

– Спасибо, – сказал Манн и, повернувшись к пастору, повторил: – Спасибо.

Пастор кивнул Эшеру, и парень, повернувшись вокруг оси, будто солдат на плацу, удалился чуть ли не строевым шагом. Скрипнула и хлопнула дверь.

– У вас есть еще вопросы? – сухо спросил пастор. То ли ему не понравилось, как Манн разговаривал с его подопечным, то ли он вдруг куда-то заторопился.

– Нет, преподобный, спасибо вам за помощь, всего хорошего вам и вашей пастве, – Манн говорил, отступая к двери и заставляя отступать Антона, у которого на языке все еще вертелся вопрос, не заданный в самом начале.

На площади перед церковью стояла группа туристов – французы, похоже. Девушка-гид, показывая рукой на колокольню, рассказывала об архитектурном и историческом значении божьего храма.

Манн увлек Антона в тень, где у стены церкви стояла длинная деревянная скамья. Они сели, прислонившись к холодному камню. Детектив молчал, глядя вверх, на причудливой формы облака, будто нарисованные или прилепленные к небу невидимым скотчем – настолько они были неподвижны.

– Странно... – тихо проговорил Антон. – То есть, обстановка странная. И этот Эшер. Я помню, что он там был, но... даже как выглядел, вспомнить не могу. Может, если бы с самого начала не сбилось... Странно. Будто уравнение... знаю решение, но именно знаю, как абстракцию... а сам ход решения, как что куда преобразовывалось...

Манн положил ногу на ногу.

– Вспоминаю комнату, – продолжал Антон. – Длинная и довольно узкая, как пенал. Несколько окон по обеим сторонам, но справа они прикрыты занавесками, а слева открыты, и видно что-то, чего я не понимаю: серое, похоже на грозовую тучу... Небо, наверно, скоро дождь? В комнате два дивана, по той стороне, где занавески... журнальный столик... два кресла... на столике стопка журналов... попробую вспомнить...

Манн сцепил ладони на коленях и перевел взгляд на фронтон церкви.

– Глянцевые журналы, яркие обложки... То, что я вспоминаю, не всегда бывает в цвете, я забыл об этом сказать – иногда вижу черно-белые картинки и никак, сколько ни стараюсь, не могу припомнить, какого, скажем, цвета была машина или... Цветные журналы, я пытаюсь рассмотреть внимательнее... Вы пробовали, что-то вспоминая, рассмотреть детали? Обычно не получается. Помню военный парад в детстве, еще в Союзе, я был совсем маленький, отец брал меня с собой на парад девятого мая. Я сидел у него на плечах, иначе не видел бы ничего, по проспекту шла военная техника, я часто вспоминал танки, почему-то танки особенно запомнились, наверно, от них было больше всего шума, запоминается ведь не только изображение, но и звук, и чем он громче... и запахи еще, но запахи мне тогда были не интересны... Да, я хочу сказать, что потом часто пытался, вспоминая, увидеть лица танкистов, выглядывавших из люков, или надписи на бортах, я тогда не умел еще читать, и буквы для меня были всего лишь загогулинами, вот я и пытался точно вспомнить их расположение и прочитать – много лет спустя, – что было написано на броне. Не получилось ни разу. Я так и вспоминал загогулины – странное ощущение, я точно помнил расположение линий, уверен, что точно, но все равно линии в буквы не складывались и, как тогда, оставались непонятными. Я много думал: это чисто психологический эффект или так устроена память – если я чего-то не знал тогда, то, даже зная это теперь, не смогу использовать свое знание, чтобы вспомнить... Простите, Тиль, я слишком много говорю... Нет, не могу рассмотреть, что это за журналы, но почему, тоже странно, я же понимаю, что мои дежа вю – не

обычная память, я не свою жизнь вспоминаю... то есть, свою, конечно... Но это все-таки другая память, и я думал...

Манн кашлянул. Из церкви вышел священник, теперь на нем поверх пиджака был короткий пыльник, очень неудобный в нынешней жаре, почему бы ему не перекинуть пыльник через руку и не париться... странный человек. Кюре бросил косой взгляд на сидевших на скамье Антона с Манном и бодро зашагал в сторону трамвайной остановки на противоположном конце площади. Из-за угла вывернул тихий голландский трамвай, притормозил и, всосав в себя священника, отправился дальше.

Манну и Антону, похоже, одновременно пришла одна и та же мысль, потому что, посмотрев друг на друга, оба покачали головами, приняв одно и то же решение. Нет, не будут они возвращаться в церковь и пытаться еще раз поговорить с Эшером, на этот раз без пригляда преподобного.

Манн опять поднял взгляд к небесам – облако за эту минуту странным образом почти рассосалось, оставив по себе память в виде светлой мучнистой загогулины, похожей на пластилиновую запятую.

– На противоположной стороне была дверь, полуоткрытая, а за ней, кажется, темный коридор, и в коридоре кто-то стоял... не Эшер... он там был, я чувствую, что был, но не вижу, а тот, кто в коридоре, – другой, мне почему-то страшно от его присутствия... И все. Знаете, Манн, когда в дежа вю появляется страх, – это я тоже давно заметил, – то больше ничего не вспоминается. Страх... как высокий забор.

Антон замолчал, наконец, и вопросительно посмотрел на Манна. Детектив разглядывал таявшее облако, но, почувствовав вопрос в словах Антона и паузу в его рассказе, произнес, обращаясь скорее к себе, чем к собеседнику.

– Вы допускаете одну логическую неувязку. И потому путаете... и меня запутываете.

– Какую неувязку? – нахмурился Антон. В дежа вю он пока вообще не видел логической зацепки, что уж говорить о неувязках?

– Если мы сейчас вернемся в Амстердам, то успеем как раз к ужину, – сказал Манн, оставив вопрос без ответа. – Я вас заброшу к Касыму и закажу кебаб... или рыбу, как хотите... а пока будут готовить, кое-куда съезжу, это не займет много времени, минут за двадцать управлюсь, мы поужинаем и обсудим...

– Есть что обсуждать? – с надеждой спросил Антон.

– Мы все время обсуждаем по ходу дела, – неопределенно отозвался Манн и, помолчав, добавил: – Если что-то еще вспомните, звоните сразу, время сейчас очень важно.

– Почему... – начал Антон и замолчал, Манн поднялся и пошел к машине, тоскливо притулившейся у тротуара там, где, как только что разглядел Антон, обозначено было, что разрешена стоянка только муниципального транспорта.

Антон поплелся за детективом, не представляя, что сейчас сцепляется друг с другом в его голове. А может, Манн и не думал о клиенте – обнаружив на

ветровом стекле ожидаемую квитанцию о штрафе, детектив, не читая, свернул бумагу и сунул в сумку.

* * *

Дорога в Амстердам показалась Антону вдвое короче, будто была тем крокодиллом, длина которого от головы до хвоста шесть метров, а от хвоста до головы – три. Они проехали железнодорожный вокзал и углубились в переплетение узких улочек, плавно становившихся мостами, которые так же плавно превращались в маленькие площади, где Манн, не раздумывая, выбирал одно из четырех или пяти направлений, и машина опять ввинчивалась в узкую улочку, казавшуюся Антону тупиком.

Манн смотрел на дорогу рассеянным взглядом, думал о чем-то, не связанном ни с движением, ни с Антоном, ни вообще с чем бы то ни было земным и привычным. Так, во всяком случае, казалось Антону, который не мог думать ни о чем, кроме странного парня со значащим именем Эшер, очевидно, игравшего важную роль в том, что случилось, но какую именно – Антон не мог понять и не мог себе представить, что в этом мог понять Манн, который и вовсе не знал ничего, кроме бессмысленной мозаики фактов-воспоминаний, не имевших отношения к реальности.

Манн остановил машину перед трехэтажным домом, посмотрев на который Антон немедленно ощутил дежа вю – он бывал здесь, хотя и не мог быть, потому что никогда не видел огромной куклы, висевшей над входом в заведение: кафе, скорее всего. С улицы видны были столики у большого окна, а в глубине ничего нельзя было разглядеть из-за слабого освещения. Почему Манн привез его именно сюда, когда собирался...

– Закажите ужин, – сказал Манн, нетерпеливым взглядом выталкивая Антона из машины, – а я буду через четверть часа.

– Но вы собирались... – Антон начал слегка заикаться, он не знал, как напомнить Манну его обещание. – Вы сказали, что поедете к Касыму...

– Мы и приехали к Касыму, – удивился Манн.

Антон оказался на улице прежде, чем успел осознать сказанное. Фыркнув, машина умчалась, если можно применить это слово к движению со скоростью пешехода по улице, ширина которой не позволяла разъехаться двум автомобилям. Впечатление, однако, было именно таким: Манн умчался, будто каторжник, перемахнувший через ограждение из колючей проволоки и ощутивший неожиданную свободу.

Антон толкнул дверь и вошел – он был здесь вчера, этот длинный зал он прекрасно помнил, и молодого человека за стойкой, Касыма, который улыбнулся ему, как старому знакомому, и широким жестом показал на свободный столик в глубине.

Антон сел и подумал, что должен был что-то сделать. Что?.. Ответ был очевиден, но так и не пришел Антону в голову. Сколько времени они просидел, думая об Эшере, Эсти, мамаше Кузе, Ван Барстене, выстреле на корабле и еще о чем-то, что возникало в сознании, но исчезало быстро, не запоминаясь, не оставляя следа...

Чья-то рука легла на его плечо, и голос Манна сказал:

– Вы сделали заказ, Антон?

Действительно. Он ничего не заказал, и Касым не напомнил.

– Криста уверяет, что съест быка. Правда, живых быков она не видела и, наверно, думает, что они размером не больше бройлера..

Увидев растерянность в глазах Антона, Манн перешел на серьезный тон:

– Что-то случилось? Вы еще что-то вспомнили?

– Добрый вечер, Кристина, – выдавил Антон. – Извините, я задумался.

Кристина улыбнулась. Манн сел рядом с Антоном, пытливо на него глядя, но не задавая больше вопросов и не делая резких движений, будто старался не спугнуть яркую птицу, севшую ему на плечо.

– Мы с вами... – Антон будто заставлял себя произносить слова, которые ему самому казались нелепыми, но не сказать он не мог, потому что... не мог, и все тут. – Мы встречались раньше, верно?

Манн стиснул зубы, кивнул и застыл, ожидая новой реплики.

Антон провел рукой по неожиданно вспотевшему лбу.

– Извините, Тиль, – пробормотал он. – Я... задумался. Не успел заказать...

– Все в порядке, – бодро сказал Манн. – Криста с этим уже управилась, Касым понимает ее без слов.

Антон не поднимал взгляда, старательно не думал о чем-то, и, поскольку об этом не думал, то и не знал, что минуту назад ему пришел в голову ответ на все вопросы. Он все знал, но забыл и не мог вспомнить.

Касым принес на огромном блюде (как он удерживал его в равновесии на одной руке, другой быстро и ловко снимая тарелки и расставляя их на столике?) три порции жареной рыбы, политой соусом, от которого шел поразительный запах пряностей, тарелочки с разными видами зелени, несколько (семь – сосчитал Антон) небольших блюдец с различными приправами, плетенку с черным и серым хлебом, три бутылки темного «Туборга» и три высоких бокала. Бутылки Касым открыл ловким движением, пенистое пиво разлил по бокалам, не пролив ни капли, бросил вопросительный взгляд сначала на Кристину, затем на Манна, не обратил никакого внимания на Антона и пошел к стойке, прижимая поднос к спине, будто защищая тыл от неожиданного нападения.

– Замечательно, – сказал Манн, пригубив пиво. – Вы начали говорить, Антон. Вас что-то поразило сегодня в Касыме, верно? Кстати, у его семьи в Амстердаме еще шесть кафе, там управляются родственники, и скоро заведений станет больше, потому что родственники у Касыма, по-моему, рождаются методом клонирования. Правда, я не знаю точного значения этого слова.

– Ах, – Антон провел ладонью по лбу, отгоняя наваждение. – Только теперь я понял...

– Поняли что?

– Почему, увидев Касыма, ощутил дежа вю, – пояснил Антон скорее себе, нежели Манну. – Ощущение, будто я его уже видел... Я действительно

видел... вчера, да... но ощущение было другим... не знаю, как объяснить... Обычно дежа вю возникает, когда что-то видишь впервые. А тут...

– Я понимаю, что вы хотите сказать, – мягко произнес Манн. – Вы вспомнили другого человека?

– Н-нет, – пробормотал Антон. – Не совсем.

– Да, – более настойчиво произнес Манн. – Видите ли, Антон, сегодня я привез вас не в то кафе, где мы были вчера.

– Что? Вы сказали...

– У Касыма семь кафе, похожих друг на друга, как две капли воды. Или как клоны. Есть специфические отличия, у каждого кафе своя цветовая гамма. Вы плохо знаете Амстердам, иначе обратили бы внимание на то, что ехали мы сегодня не по тем улицам, что вчера. Для многих туристов наши улицы, типичные голландские дома, очень похожи друг на друга, а небольшие проезды между каналами... не отличишь.

– Но Касым...

– Он, конечно, не един в семи лицах и не клон, – улыбнулся Манн. – Обычно он работает в кафе на Бетаниенстраат, там мы и были вчера, но я его попросил сегодня быть здесь, и он выполнил мою просьбу, поменявшись с братом. Не близнецом, я правильно понял ваш взгляд?

– Зачем...

– Зачем я это сделал? Чтобы попробовать возбудить в вас дежа вю. Контрольный тест.

Антон неожиданно разозлился. Контрольный тест! Похоже, Манн возомнил себя большим знатоком – да, он, видимо, умеет искать преступников, хотя, несмотря на замечательную репутацию, ничем не проявил себя за эти дни.

– Получилось? – сухо спросил Антон, переждав несколько секунд, чтобы волна раздражения схлынула и впиталась вязким влажным песком подсознательного.

Манн переглянулся с Кристиной, едва заметно усмехнулся и так же сухо и коротко ответил:

– Да.

– Какое из шести остальных кафе Касыма я вспомнил сегодня, – стараясь говорить без эмоций, произнес Антон, – и почему...

Он замолчал.

– Да? – сказал Манн. – Вы хотели спросить – почему вчера, когда я привез вас в кафе впервые, у вас не возникло подобного чувства узнавания, а сегодня... Вчера в вашей памяти... в вашей памяти о другой реальности, я имею в виду... еще не было кафе Касыма. Естественно, дежа вю молчало. Но за эти сутки...

– За эти сутки, – медленно проговорил Антон, – в другой реальности я впервые вошел в это кафе... в одно из... Там у меня возникло ощущение дежа вю, я вспомнил кафе, которое уже увидел здесь. А сегодня вы отвезли меня к другому кафе, и у меня возникло ощущение, что я уже здесь был, хотя здесь-то никогда не был, и только поэтому у меня возникло ощущение...

– Сложное рассуждение, – пробормотал Манн.

– Но вы рассуждали так.

– Да, – согласился Манн. – Если бы я привез вас к вчерашнему кафе, у вас не возникло бы ощущение того, что вы его уже видели, потому что вы его действительно уже видели.

– То есть, – продолжал Антон, – у вас было подозрение, что именно с одним из кафе Касыма связано...

– Продолжайте, – подбодрил Антона Манн. – Вы на правильном пути, как говаривал лионский палач, провожая осужденного на плаху.

– Вы предполагали, что одно из кафе связано с убийством художника, – закончил фразу Антон.

– М-м... Нет, честно говоря... Нет.

– Здесь что-то произошло в последние двадцать четыре часа? – попытался уточнить Антон.

– Здесь, – сказал Манн, оглянувшись на дверь, – что-то произойдет в ближайшие минуты. Возможно. Надеюсь.

– Мы кого-то ждем? – догадался Антон.

Манн кивнул. Кристина подняла руку и помахала кому-то. Антон, сидевший спиной к двери, оглянулся и увидел вошедшую в кафе девушку. Нахлынувшее ощущение дежа вю оказалось таким сильным, что он вскочил, опрокинув стул, и застыл, будто жена Лота.

В дверях стояла Эсти. Невысокая, светлые волосы волной падали на плечи, карие глаза неуверенно оглядывали помещение и, наконец, остановились на Кристине, а бледные, без следа помады, губы что-то тихо произнесли. На Эсти было короткое, чуть ниже колен, черное платье с небольшим вырезом мысиком, без рукавов, прохладно, должно быть, но через сумку, висевшую у Эсти на плече, была переброшена серая легкая кофточка, которую девушка, видимо, сняла, подойдя к кафе, а может, так и шла по городу, и ей вовсе не было холодно.

– Эсти, – пробормотал Антон.

Улыбнувшись Кристине, девушка направилась к их столику. Манн отодвинул стул и встретил Эсти, учтиво поклонившись и показав ей на место рядом с Антоном.

– Здравствуйте, – стесненно произнесла Эсти, глядя на Кристину и продолжая только с ней общаться взглядами, мыслями, короткими словами.

– Присаживайтесь, Анна, – сказала Кристина, и девушка опустилась на краешек стула, готовая в любой момент подняться, если разговор покажется ей невежливым или неуместным.

– Тиль, – сказала Кристина, – это Анна. Анна, это мой муж Тиль. Он частный детектив, я вам говорила, человек ужасно въедливый, так что, если какой-то его вопрос покажется вам лишним, смело делайте вид, что вы его не расслышали. А это, – Кристина перевела взгляд на Антона, – наш гость из Израиля, Антон Симак. Вам наверняка будет о чем поговорить, когда...

Она замолчала и коснулась пальцами руки мужа.

– Когда мы покончим с ужином, – заявил Манн.

– Кажется... – стесненно произнес Антон фразу, которую не мог не произнести, хотя и понимал ее нелепость, особенно сейчас. – Кажется, мы с вами встречались?

Анна-Эсти впервые перевела взгляд на Антона, и в ее глазах, как ему показалось, вспыхнули и погасли зеленые искорки. Она улыбнулась – так улыбаются женщины, когда мужчины на улице пристают к ним со стандартным вопросом, не требующим, в принципе, ответа. Она покачала головой, и Антону почудилась в грациозном движении не сказанная фраза: «Нет, мы не встречались, почему вы так решили, и вообще, я была о вас лучшего мнения; судя по рассказу фрекен Манн. Вы человек умный и своеобразный, для чего эта банальная фраза?»

– Простите, – пробормотал Антон и, опустив голову, чтобы не видеть ни взгляда Анны, ни переглядывавшихся Тиля с Кристиной, принялся за еду, аккуратно разрезая на мелкие кусочки мясо (чего не делал прежде), запивая крепким темным «Туборгом» (который он терпеть не мог) и поливая еду терпкой подливкой (которая ему, в принципе, понравилась, но полил он мясо слишком густо, и оттого вкус оказался извращенно сладковатым и одновременно кислым).

Когда он положил вилку на пустую тарелку и отодвинул недопитый бокал пива, оказалось, что Манн давно покончил с едой и следил за Антоном с неподдельным любопытством, а женщины, напротив, к еде то ли только приступили, то ли у них не было аппетита – они склонили друг к другу головы и о чем-то очень тихо переговаривались, улыбаясь с взаимной симпатией.

– Я думаю, – сказал Манн, – вы уже выстроили, как вам кажется, стройную конструкцию произошедшего?

– Ван Барстен, – произнес Антон. – Вы же навели справки? С ним ничего не...

Он запнулся.

– Я вам еще вчера сказал, что он жив и здоров.

– Да, но с тех пор...

– Ничего с ним не случилось.

– Мне кажется, – тихо проговорила Анна, не поднимая взгляда, но обращаясь к Антону, – мы с вами действительно встречались, но я... извините, не могу вспомнить – когда. И где.

– В церкви святого Юлиана, – быстро вставил Антон. – Дважды. Вечером и... днем.

Он переставил события во времени и, только произнеся эту фразу, понял, что на самом деле так и было – сначала они встретились вечером, а потом...

Анна покачала головой. К столу подошел Касым, нарушив равновесие в мироздании. Манн, внимательно следивший за непонятной для Кристины игрой настроений, отражавшейся на лицах Антона и Анны, сделал рукой отрицательный жест, и Касым отошел, понимающе кивнув, хотя, конечно, понял все неправильно – решил, что гости еще не закончили есть, и подавать кофе рано.

Манн повернулся к жене и наклонился, будто собираясь что-то сказать. Антон с Анной остались наедине – так им обоим показалось, да так и было на самом деле: кафе выглядело пустым, хотя половина столиков была занята, Касым возился за стойкой, отсутствуя в этом пространстве, Манн с Кристиной перешептывались так тихо, что это был скорее обмен мыслями, давно им знакомыми и потому не нуждавшимися в том, чтобы их произносили вслух.

Антон положил ладонь на запястье Анны. Рука была тонкой, и Антон почувствовал, как под его пальцами бьется жилка. Странно бьется, будто старается убежать, и не получается: тук-тук, быстро один удар за другим, а потом пауза, сердце замирает, ждет чего-то, и опять быстрый тук-тук...

– Я вспомнила, – сказала Анна, едва заметно улыбнувшись не Антону, а чему-то своему. – Вы были на моем концерте, сидели в третьем ряду, у вас был букет, и вы... я тогда очень удивилась, никто мне таких цветов не дарил, вы, наверно, собрали их сами... полевые ромашки, они уже были немного вялые, но показались мне живее роз или ирисов...

Похоже, Анна не могла остановиться – говорила она медленно, с паузами, и Антон с удивлением обнаружил в ее словах такой же ритм, как в ударах сердца, только более медленный. Его ладонь все еще лежала на запястье девушки, и ему казалось, что, если он уберет руку, Анна замолчит и забудет все, что сказала, будто только этот контакт пробуждал в ней память о том, что в действительности не происходило ни с ним, ни с ней. О каком концерте она говорит? Он не был на ее концерте, никогда ее не слышал. Манн упоминал о консерватории, но вскользь...

– Вы не поднялись на сцену, – говорила Анна, глядя поверх головы Антона, и он не оборачивался, чтобы посмотреть, что висит на стене на его головой – постер или картина, или там ничего нет, голая крашенная стена, – вы протянули букет, я взяла, и вы сразу ушли... почему? Вы прошли к боковой двери...

Анна успокоено откинулась на спинку стула, прикрыла на секунду глаза, вздохнула и сказала обыденным тоном:

– Простите, я не хотела... Со мной бывает. Не думаю, чтобы мы с вами виделись. Вы, Криста сказала, недавно приехали из Тель-Авива?

Она налила себе апельсинового сока и начала пить мелкими глотками, поглядывая на Антона поверх бокала. Антон бросил на Манна просительный взгляд. Детектив едва заметно пожал плечами, сказал глазами: «Вот эта девушка. Я вам ее нашел. У вас есть к ней вопросы? Задавайте».

У Антона были вопросы – не к Анне, а к Эсти. Анну он не знал, он ее никогда не видел, и не был на ее концерте.

– Значит, – произнес Манн, закрепляя в собственном сознании свидетельское показание, – вы, Антон, были на концерте Анны и мне ни словом не обмолвились.

Показалось Антону или в голосе детектива действительно прозвучала легкая насмешка, – будто он-то уже понял что-то в их отношениях – Антона

с Анной, – но, поскольку сами они еще в этом не разобрались, то ему предпочтительнее молчать?

– Я никогда не... – начал Антон и замолчал. Он тоже понял. А может, понял только он, а Манн только делал вид, что ему все ясно?

Манн поднял взгляд на электронные часы, висевшие на стене над стойкой.

– Пожалуй, – сказал детектив деловым тоном, не допуская возражений, – мы с Кристой оставим вас минут на... скажем, двадцать или около того. Неподалеку у меня встреча с... В общем, по делу. Идем, Криста, ты поведешь машину, я что-то устал сегодня.

Они шли к выходу, Антон смотрел им вслед и знал, что они не вернуться. Во всяком случае, через двадцать минут. Мелькнула мысль, что ему самому придется заплатить за ужин, а денег у него не так много. Мысль была глупой, тем более, что Касым, перехватив смущенный и немного испуганный взгляд Антона, широко улыбнулся и дважды кивнул: не беспокойтесь, за все уплачено.

Они остались вдвоем. Антон и Анна. Антон и Эсти. Пространство между ними съежилось, и им не нужно было протягивать друг к другу руки, чтобы коснуться пальцами, не нужно было придвигать стулья, им вообще ничего не нужно было делать, потому что все, чего они хотели, происходило сейчас само собой.

– Простите, – улыбнулась Анна краешками губ. Так, подумал Антон, улыбался Бретт в роли Шерлока Холмса в английском сериале: быстрое движение губ, на лице никаких эмоций, но все равно понятно, и ощущение такое, что человек широко улыбнулся, приглашая к себе на чашку размышлений или в бурю общих эмоций, только не для всех, всем знать не нужно, но мы-то понимаем...

– Простите, – Анна повторила это слово или в ушах Антона возникло эхо? – Вы, наверно, подумали, что со мной что-то...

– Все в порядке, – быстро произнес Антон. Ему не нужны были объяснения, они разрушили бы возникшее очарование – невозможное для других понимание смысла. – Я не был на вашем концерте, но вы вспомнили, что я смотрел на вас, только это был не концерт...

– Нет...

– Попробуйте оглядеться... мысленно... Когда вспоминаешь что-то, и в памяти возникают только лица, больше ничего, лица в пространстве, но вы знаете, когда это происходило, и постепенно проявляется обстановка, стены... Не хочу подсказывать, я не знаю, но...

Почему Антон был уверен, что говорить нужно именно это?

Анна качала головой – нет, нет, нет...

– Это было в церкви? – решил Антон задать вопрос, ответ на который мог или разрушить стену между ними, или воздвигнуть новую, преодолеть которую не удастся. Если она скажет «да»...

– Нет.

Анна поставила бокал на стол – она не отпила даже половины, – и закрыла глаза. Может, так ей лучше вспоминалось, а может, надоело вымученное знакомство, непонятный диалог, ненужные мысли...

– Я не хожу в церковь, – сказала она отрешенно, и Антон подумал, что сейчас девушка разглядывает картинку в памяти.

– У вас, – сказал Антон с уверенностью, которой на самом деле не испытывал, – часто возникают такие воспоминания, вроде дежа вю – смотрите на человека или на предмет, или на дом, улицу... это может быть что угодно... и вспоминаете, что уже видели это или были там, или знали этого человека...

– Дежа вю, – повторила Анна и пожала плечами. – Это со всеми случается.

– Со всеми, да. Но редко. А с вами – постоянно. Вы живете с этим с детства. Раньше вам казалось, что это происходит со всеми, и вы рассказывали подругам, они не верили и начали считать вас немного чокнутой. Тогда вы дали себе слово, что эти моменты узнавания – только ваше личное... Замкнулись в себе.

Анна смотрела на Антона с выражением крайнего изумления и возмущения, будто он подсмотрел ее тайный дневник.

– Почему вы...

– Но это так?

– Я никому...

– Но это так, верно?

– Вы... – Анна запнулась. – Вы тоже...

– Да, – кивнул Антон. – Я вас узнал. Я вас видел. Дважды. Так мне казалось. Оказывается – больше? Про концерт я не помню. Наверно, вспомнил бы, оказавшись в похожем помещении. Если вы поведете меня...

– Нет, – сказала Анна.

Молчание повисло между ними, будто прозрачная глыба мрамора, которую невозможно сдвинуть, звук не проникал сквозь камень, который был, хоть и прозрачен, но безысходен, как могильный памятник, слова застревали в камне, слова только увеличивали непонимание, потому что говорили они о разном, и то, что имела в виду Анна, не имело отношения к тому, что хотел сказать Антон. Он понял, что это так, но еще не понял – почему. Не понял, хотя и знал. И знал, что знает. Нужно было вспомнить то, что он знает, и это было труднее всего, потому что по заказу он не мог вспомнить ничего. Только и оставалось – сидеть друг напротив друга, смотреть друг на друга, молчать и...

– Наши дежа вю, – сказал Антон, – из разных миров.

– Что?

Прозрачная каменная глыба рухнула на стол со странным булькающим звуком – будто мгновенно обратилась в воду, вода сразу испарилась, а пар, на мгновение замутнив воздух, рассеялся.

– Как я раньше не догадался, – пробормотал Антон.

– О чем?

– Вы вспоминаете события, произошедшие в одной ветви, а я в другой, – Антон думал, что объяснил, но Анна не поняла, для нее не существовало знаний, которые были у Антона, он это понял и сразу отчаялся – не получалось у него в двух словах рассказать о том, о чем думал всю сознательную жизнь? Он и профессию выбрал, чтобы уточнять смыслы и понимать. А Анна была натурщицей и еще... кем еще?

– Это невозможно объяснить, – сказал он, не понимая, почему произносит слова, лишавшие его даже призрачной надежды разобраться в происходившем. – Это или чувствуешь, или...

– Вспомнила, – неожиданно улыбнулась Анна – не уголками губ, как прежде, улыбка будто осветила ее лицо. Она всегда так улыбается, когда ей что-то становится понятно, – подумал Антон, будто знал это всегда.

– Я ужасно пела, – с огорчением произнесла Анна, и взгляд ее стал рассеянно-непрозрачным, так показалось Антону: будто девушка прикрыла глаза веером из вощенной бумаги, за которым можно было вроде и разглядеть что-то, но невозможно понять, что ты видишь, такое расплывчатое-неясное. – У меня был грипп, а концерт назначили, мне говорили, откажись, а как можно, кто со мной потом разговаривать захочет, если я отказываюсь от концертов, и я пела... ужасно, лучше бы, наверно, отказаться...

Анна говорила быстро, проглатывая окончания слов, будто картинка, которую она видела перед собой, вот-вот могла исчезнуть, и нужно было ее описать, иначе потом ничего не получится. Антон ловил каждое слово, как мяч, брошенный из-за высокой сетки, и ему казалось, что он успел поймать все подачи, ничего не упустил из смысла, и когда Анна неожиданно, посреди фразы, замолчала – неужели потеряла картинку, которую рассматривала? – он спросил, надеясь, что вопрос не собьет девушку с мысли:

– Вы пели арии?

Анна кивнула.

– Вообще-то, – сказала она, – у меня нет голоса. И со слухом проблемы. Но почему-то я помню зал... концерт... не обязательно тот, где вы сидели в третьем ряду с букетом цветов.

– Я... с букетом?

– Хризантемы, – улыбнулась Анна. – Я допела Тоску, ну, знаете, *Vissi d'arte* из второго акта, и вы...

Она запнулась и умоляюще посмотрела Антону в глаза.

– Вы поднялись, подошли к рампе и...

Она хотела, чтобы он сам закончил фразу. Хотела, чтобы он вспомнил. Должно быть, – подумал Антон, – она много раз рассказывала людям, которых, как ей казалось, видела и о которых помнила, как происходили их встречи, и всякий раз на нее смотрели, как на помешанную, и хорошо если только взглядом показывали свое отношение, а то и плечами пожимали, и говорили: «девушка, вы о чем?». А она почему-то – в отличие от него – не научилась держать дежа вю при себе, не выплескивать память, а сохранять в уголке сознания. Боже, – подумал Антон, – как трудно ей приходится в жизни. Наверно, будь она мужчиной, все у нее получилось бы иначе – но

женщины не способны сдерживать эмоции... может, это хорошо... для него, не для нее, а может, и для нее тоже.

– Да, – произнес он медленно, вызывая в памяти картину, которой в ней никогда не было, картинка должна была быть правильной в деталях, он обязан был вспомнить, хотя и знал, что ничего не...

Он вспомнил. Это не было дежа вю, такое, к каким он привык. Не узнавание чего-то, на что упал его взгляд. Не ложная память, придуманная, чтобы Анна осталась, чтобы разговор продолжился, чтобы он смог узнать то, к чему шел последние дни.

Он действительно вспомнил. Как вспоминается забытая история из детства – когда-то был у него дружок Саша, они жили в соседних домах и после школы много времени проводили вместе, а в школе – нет, вот странно, в школе они почему-то сторонились друг друга, никогда не сидели за одной партой, даже за класс вместе в футбол не играли, странная у них была дружба, «послешкольная». Антон любил вспоминать, как они дома у него или у Саши строили из стульев крепости и брали их штурмом, а в классах постарше в отсутствие родителей лазили по интернету, искали порносайты и с ужасом и вожделением смотрели, как мужчины и женщины делали друг с другом то, что и им до смерти хотелось. Эта история забылась и когда вдруг вспомнилась несколько лет назад – неожиданно, без видимых причин – Антон сначала даже не примерил ее на себя, это было что-то чужое, попавшее к нему в память по вселенскому недоразумению, и только вспомнив детали, он осознал себя причастным, сначала – только причастным, а потом вспомнил, что все было с ним самим, и где же это воспоминание хранилось столько лет, если он никогда, ни разу, ни клочком, ни краешком...

Сейчас произошло то же самое. Так ему показалось. Так не могло быть, но он точно знал, что так было.

Он рассматривал в интернете программу Израильской оперы – в апреле там должны были давать вердиевского «Макбета», и Антон хотел пойти, он слышал эту оперу в записи, видел на диске классическую постановку Ла Скала с замечательным Ренато Брузоном, но одно дело – экран, другое – живой спектакль. Самый дешевый билет стоил 250 шекелей, и тратить такие деньги Антон считал неприемлемой прихотью.

Он отчетливо вспомнил, как, заглянув на русский сайт, предлагавший билеты на концерты (почему-то решил, что там можно найти относительно дешевый билет в оперу), увидел объявление о концерте Эсти Семироль, которая в сопровождении фортепьяно (Эмма Сотник) будет петь арии из итальянских опер: Верди, Доницетти, Масканьи... Всего сорок шекелей, ерунда. Пальцы выбили на клавиатуре дробь заказа, и билет он взял в кассе перед самым началом – до последней минуты не был уверен, что поедет, хотя... сейчас он почему-то вспомнил забытые ощущения – знал он, конечно, что не пропустит концерт, потому что... Что-то было для него в звучании странного завораживающего имени – Эсти Семироль, будто фея из сказки.

Концерт должен был состояться в зале дома культуры в Южном Тель-Авиве – никому не известная певица, никому толком не нужная, поет в

ресторане российские песни (почему он решил, что она из «русских?»), но в душе чувствует, что способна на большее, и чтобы доказать это прежде всего самой себе, снимает на собственные деньги маленький зал в непрестижном районе, заучивает самые популярные арии, чтобы даже случайный посетитель (неслучайные на такие концерты не ходят) не заснул после первого же номера. Антракта, конечно, не будет, публика больше десятка арий не выдержит...

Клуб соответствовал Антона о нем представлению: холодный зал не в смысле температуры помещения, холодным оказалось ощущение от стен, пластиковых стульев и помоста с киноэкраном, где стоял сиротливый рояль, стеснявшийся своей родовой принадлежности, как рыцарь, вынужденный пресмыкаться перед второсортным феодалом, нанявшим его для битвы с собственными крестьянами.

Антон купил букет цветов, не очень понимая зачем... нет, понимал, конечно: представлял, каково выступать в таком зале перед такой публикой, даже если обычно поешь в ресторанах и ни на что особенное не рассчитываешь. Сел не в первый ряд, хотя и в первом было много свободных мест.

Сначала вышла пианистка, седая молодящаяся женщина. Села за рояль, протерла клавиши мягкой тряпочкой – деталь, на которую Антон никогда не обращал внимания, неужели все так делают? Потом вышла солистка, и сердце Антона ухнуло, потому что... Он узнал девушку. Это было самое сильное дежа вю в его жизни. Господи, да в какой жизни? Антон прекрасно помнил, что не был никогда на концерте Эсти Семироль, но это воспоминание не было дежа вю, он просто вспомнил – всё, до деталей, – а вот появление Эсти Семироль на сцене возбудило такое сильное дежа вю, что Антон приподнялся, и на него зашикали. Он видел Эсти раньше... Где? Когда? Нужно было, видимо, сосредоточиться и попытаться вспомнить, но пианистка взяла первые аккорды, Антон узнал вступление к арии Джильды (надо же, начинать концерт с такого сложного номера!) и замер, сердце заныло в предвкушении провала – не могла эта девочка, тоненькая, хрупкая, похожая на ангелочка, правильно вывести фиоритуры, трели и каденции в одной из самых сложных арий репертуара колоратурного сопрано...

Когда чистый голос взмыл под потолок и выше, без труда разрушив перекрытия и крышу и улетев к небесам, Антон забыл о дежа вю. Может, он и видел когда-то эту девушку, какая разница, она не пела, она просто смотрела ему в глаза (так казалось Антону, хотя он и знал, что ошибается) и говорила ему о том, что «сердце радости полно», «весь мир светлее стал», обрамляя слова чистыми, как невинная душа, трелями, будто рисовала голосом рамку для чудесной картины, тоже голосом нарисованной.

Наверно, в ее пении были недостатки. Наверно, Антон был заморожен не столько голосом, сколько внешностью или чем-то еще, чему есть множество названий, а на самом деле нет ни одного.

Когда Эсти испуганно посмотрела в молчавший зал, Антон понял, что, если сейчас не начнет громко аплодировать, певица упадет от нервного

напряжения. Он поднял руки... Зал начал хлопать раньше, сначала пара редких хлопков, потом больше, сильнее, и вот уже это можно назвать овацией – правда, в наполовину заполненном зале овация звучала как вежливое поддакивание, но все же...

Антон так и не похлопал Эсти, ни после первой арии, ни после следующих – она спела Розину из «Цирюльника», Линду, потом зачем-то Сантуццу из «Сельской чести», арию, совсем не подходившую для ее голоса, может, сама себя испытывала? И завершила выступление (действительно, без антракта, не надеясь, что кто-то останется на второе отделение) сценой сумасшествия Лючии, без непременно флейты, но Эмма Сотник неожиданно хорошо сыграла, и голос безумной ламмермурской невесты звучал так жалобно, искренно и нежно... «так искренно, так нежно» – вспомнились Антону слова стихотворения, но он не помнил, кто это написал...

Отзвучали аплодисменты, зрители поднялись с мест, Эсти Семироль медленно, как лунатик, пошла со сцены, и Антон, наконец, вспомнил о цветах. Ощущая и в себе определенные признаки лунатизма, он пошел к сцене, прижимая букет к груди. Девушка обернулась, будто услышала, как ее позвали, и несколько секунд смотрела на Антона, не понимая, а потом вернулась, он протянул букет, пальцы ее коснулись на мгновение его пальцев, и его пальцы успели сказать ее пальцам, что он поражен, потрясен, никогда не слышал такого пения, ей место в настоящей опере, может, даже, в самом Скала, и еще он успел сказать, что теперь не сможет без нее...

И все. Странно – Антон вспомнил каждую колоратуру в ее исполнении, но когда их пальцы потеряли друг друга после краткого прикосновения, не мог вспомнить, что было потом.

– Да, – сказал Антон, протянув руку через стол и коснувшись пальцами ладони Анны... Эсти... как тогда, как в тот раз. – Да, – повторил он. – Вы спели Лючию изумительно...

– Тоску, – поправила Анна, улыбаясь и позволяя Антону сжимать ее пальцы.

– Да? – пробормотал он. Он точно помнил, что завершала она концерт сценой сумасшествия Лючии, а Тоску не пела вообще, по крайней мере, в тот вечер, но спорить – он знал – не имело смысла. Дежа вю. Он помнил одно, она другое – общим было то, что вспомнили они друг друга, это главное...

– Я подумала тогда, что мы с вами где-то уже встречались, но не могла вспомнить – где. Со мной такое бывает, я вам уже говорила...

– Со мной тоже, – кивнул Антон. – Мы действительно встречались, не на концерте, в другом месте...

Анна молчала, смотрела на Антона испытующе, то есть, это ему казалось, что взгляд девушки был испытующим, будто он ждала от него слов, которые он хотел сказать, но не знал, тех ли слов она ждет, и потому молчал, собирая слова в фразы, но фразы сразу распадались на слова, и он мысленно соединял те же слова в другие фразы, более, как ему казалось, понятные. Молчание становилось невыносимым – для него. Анна, похоже, наступившим молчанием не тяготилась, она чувствовала себя более естественно в

молчании, чем в разговоре, так почему-то показалось Антону, и он расслабился, подобрал, наконец, единственно верную, как он решил, последовательность слов и произнес, нервно подумав о том, что английская его речь не отличается совершенством, и даже точно, как ему казалось, составленные выражения могут показаться Анне грамматически нелепыми... Но что-то в его мозгу щелкнуло, и слова уже не могли быть не произнесены, как не может вернуться птичка, вылетевшая из объектива фотоаппарата.

– Вы стояли под куполом, и свет падал на вас сверху, будто струи воды из душа, проливался вам на плечи, и вы запрокинули голову, чтобы лучи солнца попали в глаза...

Поэтично, но непонятно. Сейчас ее взгляд станет еще более настороженным и испытующим, или просто безразличным...

– Господи, – выдохнула Анна, и взгляд ее действительно изменился. Она смотрела на Антона с ужасом, будто он оказался известным в Амстердаме серийным убийцей.

– Господи, Господи... – повторяла Анна, откинувшись на спину стула и оглядываясь в поисках защиты. Она прижала к щекам ладони и старалась не смотреть на Антона, ловившего ее взгляд.

– Прошу прощения... – он не знал, что сказать еще, и замолчал, но теперь молчание, прерываемое рефреном «Господи» казалось ему не вдохновляющим на воспоминания, а разрывающим их на неравные обрывки, бессистемно выпадавшие из подсознания и мгновенно погружавшиеся опять в беспричинность отсутствия.

– Я думала, что...

– Что? Что вы думали? Анна... Эсти...

– Простите...

Они произнесли это слово одновременно, и оно, соединив звучания, будто и мир склеило заново, скрепило разорвавшиеся части. Анна, наконец, посмотрела на Антона без страха, а он увидел в ее глазах то, что ждал и уже не надеялся разглядеть.

– Вы не могли там быть, – твердо сказала Анна, глядя Антону в глаза.

– Да, – согласился он. – Не мог. Но помню, что был.

– Что вы еще помните? – требовательно спросила она, и он, не раздумывая, ответил:

– Убийство.

– Убийство, – повторила Анна.

Она думала, что он помнит, он думал, что помнит она, и оба – Антон ощущал это так же ясно, как видел лицо Касыма, разговаривавшего у стойки с клиентом, – понимали, что, если сейчас, перебивая друг друга, чтобы не потерять мысль, не расскажут о своих воспоминаниях, то через минуту будет поздно.

Оба заговорили одновременно, не слушая друг друга и понимая, что во второй раз не смогут воспроизвести ни слова. Говорили, держа друг друга за руки, будто боялись потерять, или наоборот, руки, как орган коммуникации, связывали их сейчас крепче, чем произносимые слова.

– Как же, – говорила Анна, – ты мне звонил после концерта, я сказала тогда тебе номер...

– Ты помнишь, – говорил Антон, – как стояла у колонны, мы договорились встретиться в церкви, потому что ты знала, что там никого в это время не будет...

– Я не брала трубку, не то чтобы не хотела с тобой видиться, но мне нужно было уезжать, я через неделю вылетала в Милан... Я сжигала мосты, я даже с лучшими подругами не то чтобы поссорилась, но специально от них отдалилась...

– ...Ты ведь днем там бывала каждый день, когда позировала этому... не хочу произносить его имя... я его ненавижу... имя и этого человека...

– ...А в Милане у меня ничего не получилось, я поздно приехала, думала, летом проще, а оказалось, все разъехались, нашла только одного, старичок, концертмейстер на пенсии, он меня послушал...

– Я его ненавидел, потому что он мог во время сеанса подойти к тебе и, взяв за плечи или за талию, посадить тебя чуть иначе, он мог дотрагиваться до тебя, а я... мне...

– ...И сказал, что, мол, неплохой голосовой базис, но совершенно необработанный, верха качаются, низы не слышны, середина как у тысяч других сопрано, в хоре еще можно, но если синьорина думает о карьере солистки...

– ...Я как-то столкнулся с ним на вернисаже, он выставил четыре работы...

– ...И я сразу поехала в аэропорт, не хотела возвращаться, я бы ни за что не вернулась, и куда теперь, тоже не знала, мне было все равно, и я сказала себе, что улечу первым рейсом, на какой можно будет купить билет, это мог быть рейс в Пекин или Лос-Анджелес, а еще я видела на табло какой-то неизвестный «Калган»...

– И я стоял перед картиной, копил в себе ненависть, видел, как он рисовал тебя обнаженную, хотя как я мог это видеть, в студию к нему я попасть не мог, хотя и пытался...

– Наверно, мне повезло – первый рейс оказался на Амстердам, недалеко, но, когда я села в самолет, меня охватило чувство, не могу объяснить... дежавю... будто я уже летела в этом самолете и точно знала, что в Амстердаме возьму такси, поеду на Амстель и подойду к берегу канала...

– ...Он подошел с группой то ли туристов, то ли каких-то своих почитателей, хотя какие у него могли быть почитатели, мне казалось, что... они глазели на тебя, а он объяснял, что это, мол, картина, имеющая скрытую силу...

– ...И я подошла к парапету, кораблик стоял там, где всегда, хотя я никогда не видела его раньше, откуда мне было его видеть, но я знала, что мама купила его, когда... после того...

– Мол, это такая новая техника, когда слой наносится на слой, и под изображением скрыто другое, под другим третье, зритель это понимает, потому что ощущает в картине недосказанность и смотрит вглубь...

– Я поставила чемодан, чтобы он не мешал прохожим, облокотилась о барьер, стояла и ждала, я была уверена, что увижу... не знаю, что я могла увидеть...

– ...И я сказал ему, что это глупости, он просто не знает законов физики или придуривается и полощет мозги зрителям, как Малевич с его пресловутым черным квадратом, в котором нет ничего, кроме примитивной геометрии...

– ...Она появилась под вечер, я так и стояла несколько часов, ноги затекли. Она поставила машину у противоположного тротуара, вышла, я не сразу ее увидела, смотрела на кораблик и повернулась, будто кто-то погладил меня взглядом...

– ...Как он расшвырялся, орал на меня, что из-за таких ничего не понимающих бездарей современное искусство становится дерьмом для примитивов, размахивал руками перед моим носом, прибежали охранники, но его, видимо, знали, и никто не пытался урезонить...

– ...Она смотрела на меня, переходя дорогу, там машина как раз из-за угла вывернула и неслась... не очень быстро, но все же... и упала в обморок посреди улицы, а я пошла к ней... медленно-медленно... хотя на самом деле, наверно, очень быстро...

– Не знаю, что на меня нашло, я никогда не бил человека, даже не подозревал, что способен... Это... Я понял, что ударил его, когда увидел кровь, он выругался... грязно и... он не меня обругал, он о тебе сказал, что ты... и я сказал ему... все слышали... что я убью его. Я обязательно его убью, потому что такие ублюдки не должны жить на свете...

– ...Я подняла ее на руки, она была ужасно тяжелая, у меня подгибались ноги, кто-то подошел, хотел забрать ее у меня, но я не дала, очнулась, когда опустила ее на диван, мы были в какой-то каюте, она открыла глаза, а я стояла перед ней на коленях... она сказала: «Господи, Эсти, это ты, я знала, что ты вернешься...» «Меня зовут Анна», – сказала я и почему-то подумала тогда: зачем я это говорю, я ведь действительно Эсти, вот только не понимала, как я могла быть Эсти, если всю жизнь меня звали Анной...

– И я убил его, – закончил Антон, вспомнив с полной отчетливостью, как и при каких обстоятельствах это произошло.

– И я вдруг вспомнила себя, – закончила Анна, – как стояла на подоконнике, вцепилась рукой в раму, а потом будто что-то толкнуло меня в спину, и... Дальше не помню, – добавила она виновато.

Они замолчали одновременно – как и начали говорить. Перед ними на столике стояли две полные чашки кофе – не по-турецки, как здесь обычно подавали, а большие чашки с черным кофе, и сахарница, будто хрустально-мраморный памятник без надписи, а еще перед Анной стояло блюдо с круасаном, а перед Антоном – такое же блюдо с заварным пирожным, какое он любил, но не помнил, чтобы заказывал, потому что не знал, готовят ли такие пирожные у Касыма. Когда?.. Наверно, пока они взахлеб рассказывали о своих... о чем? Антон знал, что таких воспоминаний у него быть не могло, он никогда прежде не был в Амстердаме, никогда не видел картин Ван

Барстена и, тем более, не мог угрожать ему, а Анна... что она говорила... странно: собственные слова он помнил плохо, воспоминания, описанные словами, быстро стирались, он и не пытался их закрепить, понимая, что они, как сон, уйдут, рассеются, он даже не сумеет восстановить свой рассказ, но каждое слово, сказанное Анной, помнил отчетливо и понимал, что будет помнить, сможет повторить слово в слово.

– Ну что? – сказал Манн, возникнув из темноты, будто Мефистофель из театральной кулисы. Он и одет был, как показалось Антону, в черный плащ с кровавым подбоем. Нет, это не Манн был так одет, а кто-то другой. Почему Антону почудилось на мгновение?..

Манн сел за столик между Антоном и Анной, а напротив опустилась на стул Кристина, волосы ее были влажными, она тряхнула головой, и на ладони Антона упало несколько холодных капель.

– Дождь? – сказал он, переводя взгляд с Манна на Кристину и стараясь не смотреть на Анну. Ему казалось, что, сцепись они опять взглядами, непременно провалятся в новые воспоминания, и мироздание запутается окончательно.

– Капает немного, – улыбнулась Кристина. – Приятная погода, я люблю летний дождик, от него не намокнешь, но он так приятно бодрит...

Манн бросил на жену взгляд, смысла которого Антон не понял, и Кристина замолчала, не закончив фразы.

– Ну что? – Манн повернулся к Антону. – Вспомнили? Можете дать показания?

И к Анне:

– А вы, Анна? Я могу спрашивать, или расскажете сами?

– Я... вспомнил? – неуверенно произнес Антон. – Я говорил что-то, да... Но...

Он все забыл. Может быть, если бы Манн молчал, то не спугнул бы... А так...

– Я ничего не помню, – прошептала Анна. – Только что была смутная картинка, и я могла... А сейчас будто закрылся занавес, и все осталось за ним. Тяжелый занавес, не сдвинуть...

Манн помрачнел.

– Ну... – сказал он. – Как же так...

– Вот что значит быть женой детектива, – улыбнулась Кристина, положив ладонь на руку мужа. – Приходится думать за двоих. Я, кажется, оставила здесь сумочку? Да, вот она.

Красная кожаная сумочка на длинном ремешке висела на спинке стула, на котором сейчас сидел Манн.

– Передай, – попросила Кристина и, получив сумочку, достала мобильный телефон, нажала две-три кнопки, посмотрела на дисплей, удовлетворенно улыбнулась и сказала мужу: – Надеюсь, ты сможешь разобраться. Не думаю, что качество записи хорошее...

Манн взял из рук Кристины телефон, положил в карман куртки и сказал весело:

– Вот что значит быть мужем женщины, которая ничего не забывает, кроме технических деталей. Дорогая, я же тебя просил оставить телефон на столе. Почему ты положила его в сумку? Думаешь, через плотную кожу что-то записалось?

– Проверь, – пожала плечами Кристина.

– Потом, – сказал Манн. – Сейчас, пока все свежо в памяти, Анна расскажет свою версию, а Антон – свою.

– Я ничего не помню, – мрачно сказал Антон, и Анна покачала головой – она тоже все забыла.

– Если бы вами занимался мой друг майор Мейден, – с улыбкой произнес Манн, – он, скорее всего, передал бы вас обоим полицейскому психологу, есть у него такой... доктор Клавель, классный специалист... и тот постарался бы вытащить воспоминания из вашего подсознания, где...

– ...Где их никогда не было в помине, – закончил фразу Антон.

– Вы думаете...

– А вы? С учетом того, что я вам рассказывал о моих дежа вю...

– Точнее, с учетом вашей интерпретации, – поправил Манн.

– О чем вы? – спросила Кристина.

– Дежа вю? – спросила Анна.

– Мы все обсудим, – предложил Манн, – только не здесь. Поедем к нам, вы не возражаете, Анна?

– К вам... хорошо.

– А здесь и сейчас, – перешел Манн на официальный тон, – я попросил бы вас ответить на один вопрос.

– Да...

– Знакомы ли вы с мамашей Кузе? Ее отель на воде «Эксцельсиор» стоит на канале Ахтербургваль напротив улицы Моленстраат.

Анна нахмурилась. По выражению ее лица Антон сразу понял, что мамашу Кузе она не знает, но ответить «нет» ей мешало нечто, чему она сейчас не находила объяснения.

– Я знаю этот домик, – медленно произнесла Анна, почему-то протянув руку Антону, и он взял ее ладонь, сжал, не сильно, чтобы Анна почувствовала его приязнь, желание помочь.

– Я никогда не видела его хозяйку, – продолжала Анна, успокоенная прикосновением Антона.

– Небольшого роста, плотная женщина с широким лицом, короткая стрижка «под мальчика», нос немного коротковат, но смотрится, тем не менее, очень даже... Взгляд из-под бровей, будто из укрытия...

– Точное описание, – Кристина внимательно смотрела на Анну, и Антон подумал, что она уже знает что-то такое, рассказанное ей по дороге Манном, о чем он пока не имел представления.

– Нет, – покачала головой Анна. – А что, должна знать?

Кристина и Манн переглянулись.

– Эсти... – начал Антон фразу, но детектив прервал его словами:

– Погодите, Антон. Анна, вы часто бываете в том районе? Проходите мимо гостиницы?

– Не часто, но...

– Почти каждый день, и вас туда тянет, хотя вы сами не понимаете почему...

– Ну... Я бы не сказала, хотя... Наверно.

– Вы бываете в том районе, потому что...

Анна молчала.

– Я слишком тороплюсь, – пробормотал Манн и поднялся. – Поедем ко мне, вы согласны?

Антон видел, как почему-то мучительно было Анне принять решение. Она продолжала сидеть, положив на стол руки, на ее лице застыло выражение боли, а взгляд... так смотрит человек, у которого неожиданно и сильно начинает болеть сердце. Антону знаком был этот взгляд страха и беспомощности, так смотрел отец, когда у него начинался сердечный приступ, а происходило это всегда вдруг, не из-за чего, он вроде не нервничал, смотрел телевизор и думал, кажется, о приятном, но в какой-то момент на лице появлялось выражение страха, покорности, и мама бежала в спальню за таблетками, которые хранились не в общей аптечке, а отдельно, на прикроватной тумбочке, чтобы можно было сразу взять и положить отцу под язык...

Так сейчас Антону и захотелось сделать – чисто инстинктивное движение, – но он понял, конечно, что боль у Анны была совсем другого рода, и только она сама могла с ней справиться. Боль узнавания, когда понимаешь, что возникшее воспоминание связано с событием, которое вроде бы никогда не происходило, но почему-то странно и страшно изменило именно твою жизнь.

Он обошел стол и положил руки на плечи девушки. Почему-то он знал, что должен поступить именно так, когда-то он так уже поступил, он узнал это чувство, перед глазами промелькнуло и исчезло то ли видение, то ли мысленная картина, то ли всплеск неустоявшейся реальности: он кладет ладони на плечи Эсти, она оборачивается к нему, глаза ее полны слез, ему хочется слизнуть их языком, и он усилием воли подавляет желание, хотя в глазах девушки видит, как ей хочется, чтобы он сделал именно это: слизнул ее слезы, ее страх...

Дежа вю исчезло, Антон даже не успел вспомнить, при каких обстоятельствах происходила эта сцена – будто и нигде вовсе, будто не было тогда в мире ничего и никого, кроме них двоих, а может, и мира самого не было, и они существовали не в пространстве-времени, а в другом, личном для них, измерении...

Плечи Анны напряглись, неловким движением она сбросила руки Антона и поднялась, отодвинув стул так, что Антону пришлось отступить на пару шагов. К выходу он шел следом за Анной, касаясь взглядом ее спины, будто подталкивая, подсказывая, куда идти.

Наступил вечер, улица была похожа на длинный коридор в очень странной гостинице: покрашенный черной краской потолок, нарисованные на стенах где закрытые, а где распахнутые настежь окна, зазывающие рекламы, прочитать которые Антон не мог, потому что тексты были слишком знакомы – странное ощущение, когда непонятым кажется обыденное, известное настолько, что не воспринимается сознанием, как новая информация, и, значит, не воспринимается совсем, выглядит еще более непонятым, чем текст на неизвестном языке, написанный никогда не существовавшим шрифтом.

Почему-то Манн не предложил сесть в машину и повел их пешком: шел впереди, не оглядываясь и, похоже, не интересуясь, идет ли кто-нибудь следом. Следом шла Анна, ее притягивала спина детектива, а Антона притягивала спина Анны, он шел, будто привязанный, не видел Кристину, но спиной чувствовал ее взгляд. Они – все четверо – были привязаны друг к другу и двигались, как корабли в кильватерном строю.

Оказалось, что до дома Манна идти-то всего пять минут (так показалось Антону, хотя на самом деле путь мог быть гораздо более долгим). Манн включил в передней свет, прошел в студию и сдвинул вместе два кожаных кресла для посетителей – в одном из них Антон сидел, когда рассказывал детективу свою историю. Анна, войдя, остановилась посреди комнаты, на ее лице промелькнуло выражение узнавания, Антон понял – у нее дежа вю, она уже была здесь, хотя наверняка пришла сейчас впервые.

– Странно, – сказала она, – я помню картину с мостом, но не помню, что была когда-нибудь в этой комнате. Картину я видела... неделю назад, в тот день было прослушивание в опере, и я пела Лючию...

Антон сделал произвольное движение – он хотел сказать, что Анна ошибается, она сама недавно говорила... движение осталось незавершенным. Он поднял взгляд и встретил участливый взгляд Манна. «Да, – сказал Манн взглядом, – вы все правильно поняли».

Анна смотрела на картину, но – Антон это чувствовал – видела не холст, изрисованный масляными красками, а берег Амстеля или, может, вид из окна шестого этажа большого дома, или рампу, за которой в темноте притаился многоголовый зверь, готовый или освистать ее, или осчастливить, и еще она должна была видеть... так ему казалось... так он хотел...

И вспомнил сам. Взгляд его случайно – случайно ли? – упал на огромного плюшевого медведя, сидевшего на полу в дальнем углу комнаты. Антон мог поклясться (но кто просил его об этом?), что, когда он сюда приходил днем, медведя не было, в углу стоял старый кожаный портфель... вот он, лежит на нижней полке, будто там всегда было его законное место... а медведя Антон уже видел... и не однажды... где... когда...

Услужливая память подсказала мгновенно – медведь был в руках у девушки... Эсти... Она целовала медведя в черный пластмассовый нос и говорила что-то, чего Антон не мог расслышать, потому что память не помогала ему, а заставлять себя вспомнить он не мог. Он знал, что сейчас... Почему сейчас... Он и это знал тоже: потому что сейчас они с Анной вдвоем,

они сидят друг против друга, смотрят другу в глаза, и память у них сейчас общая. Это невозможно, памяти не могут объединяться, но это происходило, и Антон знал, что в свое время найдет этому физическое объяснение.

Девушка держала медведя обеими руками, а художник стоял за ее спиной и улыбался. Улыбался и через голову Эсти наблюдал за Антоном. Антон понял сразу, будто знал всегда: вместе им не жить на этом свете. Эсти стояла между ними, но – спиной к художнику, лицом к Антону, держала подаренного им медведя и, улыбаясь, говорила «да». Видел ли он в ее глазах то, что хотел, а не то, что говорила Эсти? А чего он хотел?

Что-то твердое уперлось Антону в спину, и он перестал отступать, хотя и не понимал – разве он сделал несколько шагов назад, к стене, где висели полки?

Манн подхватил Антона под руку, подвел к креслу и бережно усадил, будто с ним только что случился сердечный приступ, и нужна была ему сейчас полная неподвижность... вот так, руки на подлокотники, и голову откинуть, расслабиться....

– Ты вспомнил? – Чей это был голос? Женский? Мужской? Если мужской, то почему Манн говорил с ним на ты? Анна протягивала через столик большую чашку с чем-то черным... Кофе? Похоже. Аромат... Господи, что ж, ему теперь любое нормальное воспоминание принимать за укол дежа вю и пытаться увидеть то, что на самом деле он видеть не мог? Обычный кофе, бразильский или колумбийский, растворимый, скорее всего «Классик», привычный вкус. Он отпил глоток, да, как он любил, черный, ложечка сахара, откуда Анне знать...

– Ты... – пробормотал Антон, глядя на Анну поверх чашки и пытаясь в ее глазах прочесть все тот же ответ. – Ты... так и не позвонила в полицию.

Он не задавал ей вопроса. Он знал, что она не сможет ответить. Он просто сообщал ей то, о чем она на самом деле могла и не помнить. Или: не могла помнить.

Вместо Анны на незаданный вопрос ответил Манн. Он сидел на подлокотнике кресла, в котором устроилась Кристина, держал руку жены в своей и выглядел умиротворенным, будто решил сложнейшую задачу криминалистики.

– Нет, – сказал Манн.

– Почему?

Антон вздрогнул – кто спросил? Чей это был голос? С удивлением он понял, что голос принадлежал ему, и вопрос задал он, хотя уверен был, что не раскрывал рта.

– Почему? – теперь он спросил, да. Если вопрос уже задан, имеет ли смысл молчать?

Манн собирался ответить, Антон видел это по его лицу, но ответила Анна.

– Я не могла.

Какая чушь! Он никогда никого не убивал, он даже представить себе не мог, что способен... убить? Он не мог ударить человека, даже если сильно его не любил... сказать прямо – так просто ненавидел. Когда умер отец, мама

решила устроить свою жизнь: найти мужчину, который будет заботиться о ней и о ее сыне, нужна мужская рука, чтобы... Будто мужчина воспитывает ребенка рукой. Да, рука тоже нужна, чтобы за нее держаться, когда приходится идти туда, где страшно. Прежде всего, Антону нужно было, чтобы с ним говорили о вещах, которые были ему важны куда больше, чем школьные уроки, секции борьбы, совместные посещения бассейна, а в самое важное для общения время – спать, тебе пора спать, иди к себе в комнату, я приду, проверю, отвернись к стене...

Он отворачивался к стене и в темноте, разрываемой надвое линией света из приоткрытой двери, мечтал о том, чтобы Арнольда (так звали мамино... кого? кем он ей приходился? Антон не мог подумать «муж», а других слов не знал) переехал завтра автомобиль, может, даже его собственный, неожиданно тронулся с места, когда Арнольд подошел близко... случается ведь такое, Антон читал...

И еще много разных смертей он придумал для Арнольда, но, конечно, все закончилось иначе – что-то произошло между мамой и ее... как же его назвать... да, любовником. Что-то произошло, и мама, Антон слышал, сказала громко, хотя и не предполагала, скорее всего, что ее слышно в детской: «Уходи! Чтобы духу твоего здесь не было!»

Так и закончилась ненависть. Может, его личная неприязнь передалась маме, она поняла его, она всегда его понимала...

А может... Тогда тоже было сильное дежа вю. Когда Арнольд, бормоча что-то себе под нос, выходил из квартиры с тяжелым рюкзаком за спиной (будто не в другую жизнь собрался, а в поход на каяках, куда они как-то давно ходили втроем... без Арнольда, конечно), Антон, выглядывая из своей комнаты, ощутил вдруг ставшее привычным движение сознания, воспоминание о том, что это уже было... спина с рюкзаком, мрачный затылок, человек оборачивается на пороге и резко говорит маме: «Сука, ты еще пожалеешь!».

Дверь за Арнольдом закрылась, мама ушла в кухню, так и не заметив сына, а он стоял на пороге, ноги тряслись, думал, что... нет, ни о чем он не думал в тот момент. Как он бросился на этого... лупил по рюкзаку кулаками, что-то орал не своим голосом, знал, что человек, назвавший маму сукой, не должен не только выйти из квартиры живым, но даже к двери подойти, дотронуться до дверной ручки, которую мама по сто раз на дню трогала своими пальцами.

Он точно помнил... держал в памяти, а сейчас всплыло... нож в своей руке... откуда? Это был их кухонный нож, мама чистила им яблоки, очень острый, с мелкими зазубринами. Наверно, прежде, чем броситься на мамино обидчика, он успел забежать на кухню и схватить со стола...

Господи, как кричала мама, когда он воткнул нож этому человеку в шею как раз над рюкзаком, руку пришлось высоко поднять, он не доставал, но не убивать же рюкзак, рюкзак вообще ни при чем...

– Антон, – мягко произнес Манн, – послушайте. Ваша проблема в том, что вы не слышите. Вы живете не тем, что происходит в реальном мире, а тем, что возникает в ваших воспоминаниях.

– Нет, – сказал Антон.

– Да, – Манн сейчас работал, опрашивал свидетелей, может, даже подозреваемого... или подозреваемых.

– Я обратил на это внимание еще тогда, когда вы пришли ко мне в первый раз, – продолжал Манн, пересев с подлокотника кресла Кристины на пуфик, стоявший у журнального столика; он хотел видеть одновременно Антона и Анну, не переводить взгляд, но смотреть, не отрываясь, фиксировать каждый жест обоих. – Скорее всего, ваши близкие тоже это замечали, но или не считали важным, или не хотели вам говорить. Когда с вами приключается дежа вю, вы не просто вспоминаете... У вас загораются глаза. У вас появляется на щеках румянец. У вас напрягаются мышцы на руках, это трудно заметить, и, возможно, ваши знакомые не обращали внимания, а у меня другой взгляд, понимаете? Мелочи для меня – главное. Я вижу, что вы отсутствуете в это время. То есть, конечно, реагируете на мои слова, произносите речи, двигаетесь, и, если не присматриваться, можно и не понять, что ваши движения лишены естественности... вы понимаете, что я хочу сказать?

– Да... – протянул Антон. Он знал, конечно, не мог не знать, но знание это было всегда отделено от него, как отделены друг от друга две емкости в классическом мысленном эксперименте: в одной горячий газ, в другой холодный, а между емкостями дверь, у которой сидит демон Максвелла и по прихоти своей пропускает молекулы из холодной емкости в горячую, нарушая закон природы и радуясь тому, как это здорово получается. Память у него – Антон был уверен, – работала, как у всех нормальных людей, в одну сторону, от горячей емкости к холодной: вспомнил – значит, это было. А в глубине его бессознательного сидел, похоже, демон Максвелла, демон Памяти, по прихоти своей или в результате игры природных сил, пропускавший события в обратном направлении: из реальности в память, не его, Антона... то есть, нет, не так: конечно, в его память, в чью же еще, но и не в его тоже... в память Антона, живущего в другой ветви многомирия. Если у него возникают приступы дежа вю, то у того Антона в это время... В это ли? Времена реальностей, скорее всего, смещены друг относительно друга...

– О чем вы думаете? – Манн провел ладонью перед глазами Антона. Анна сидела, прижав ладони к щекам, и раскачивалась взад-вперед, будто кукла.

– Что? – Антон пришел, наконец, в себя. – Простите, я не слышал, что вы сказали...

– Мне сразу показалось подозрительным ваше поведение, – вздохнул Манн. – Помните, я вам тогда еще сказал: как вы поступите, если окажется, что истина не будет соответствовать вашим ожиданиям.

– Помню. Я подумал, что вы это всем говорите. В детективных романах...

– Ах, – взмахнул руками Манн, – в детективных историях это общее место, согласен. В жизни практически не случается, чтобы преступник... я тогда не считал вас преступником... да, так я хочу сказать, что в реальной жизни преступник никогда не приходит к детективу, требуя раскрыть дело, в

котором сам же является главным действующим лицом. Нет таких идиотов, жизнь – не роман.

– Почему же...

– Почему я подумал, что вы можете оказаться не свидетелем, а... подозреваемым, скажем так? Ваш рассказ. Вы рассказывали, что видели, дежа вю, и в какой-то момент до меня дошло, что у вас меняется точка зрения, понимаете? Будто рассказ ведет сначала один человек, а потом другой, и смотрит на окружающее с другой позиции. Одно-два слова, вы и внимания не обратили, вы оставались сами собой, но на мгновения будто раздваивались, не замечая этого... «Что-то не так в его рассказе», – подумал я, но оставил эту мысль, потому что вы начали объяснять про свою специальность, про множество миров, в которых живет каждый из нас, это было для меня не столь неожиданно, как вам могло бы показаться, я уже имел дело с... вы не знали, конечно, но знала Линда, посоветовавшая вам обратиться ко мне. Значит, и ей показалось... Когда вы ушли, я первым делом позвонил Линде. Она вас вспомнила. «Очень странный молодой человек, – вот ее слова, – у него, скорее всего, проблемы с памятью, будьте с ним поаккуратнее». «Что значит: проблемы с памятью?» – спросил я. «Ложная память, – объяснила Линда ситуацию, как она ее поняла. – Этот парень помнит то, чего в его жизни не было. Не так уж редко это происходит, кстати, как многим кажется. Я ему посоветовала вас на всякий случай, если с ним что-нибудь произойдет в Амстердаме. В полиции его выслушают и пошлют подальше. Любой другой частный детектив отсечет его ложную память и будет стараться выделить истинные воспоминания или, что, скорее всего, тоже пошлет его к черту, кому охота возиться с делом, имеющим нулевые перспективы? А вы...» Линда только подкрепила мое мнение о вас и о произошедшем с вами в церкви святого Юлиуса.

– Вы хотите сказать... – медленно произнес Антон. Ему показалось, что он говорит эти слова не в первый раз, он уже говорил... обычные слова, наверняка он сотни раз произносил их при самых разнообразных обстоятельствах. И все равно что-то царапнуло его память, – будто память была не спрятана в глубинах бессознательного, а высечена в граните и поставлена в пустынной местности, подобно дорожному камню, к которому можно подойти, всмотреться и разглядеть не только прошлое, но и путь... Пути, которые...

«Вы хотите сказать...» – он отступил на шаг от человека, которому не верил с первого момента, знал, что этот человек вероломен, но ему в голову не могло прийти, что кто бы то ни было мог не сделать даже, а просто подумать что-то худое об Эсти...

«Вы хотите сказать...» – повторил он и заложил руки за спину. Что он мог сделать? Он ни разу в жизни не ударил человека.

«Вы хотите сказать...»

«Черт возьми, – раздраженно произнес тот, на кого он смотрел и не мог опустить взгляд, – что вы повторяете одно и то же, как попугай? Я сказал то, что сказал. Эта девица спит со всяким, кто поведет ее в кафе. И наркотики

для нее привычны, как для вас кофе. Не надо на меня так смотреть, уважаемый. Здесь вам не...»

И тогда он...

Воспоминание растаяло, как мороженое на тарелочке в жаркий день, – расплылось лужицей, и человек, которого он видел, но не успел узнать, обратился в плоскую, теперь уже и вовсе неузнаваемую фигурку, слился с фоном.

– Эсти, – пробормотал Антон. – Анна...

Девушка плакала. Вряд ли это мог видеть Манн. Может, Кристина – женским интуитивным чутьем. Анна сидела прямо, ее маленькая грудь рельефно обозначилась под натянувшимся платьем, она положила ладони на стол, будто собиралась медитировать или провести спиритический сеанс, смотрела перед собой – вроде бы на Антона, а на самом деле вглубь себя, – и плакала, хотя лицо ее было спокойно, а губы даже сложились в улыбку. Улыбку, как и слезы, мог видеть только Антон.

– Ну что ты... – пробормотал он. – Пожалуйста... Я не хотел... Так получилось.

Он действительно не хотел. Он не мог хотеть, это было для него невозможно – хотеть, чтобы кто-то умер. Однако...

Манн вздохнул, и Кристина крепко ухватила мужа за локоть.

– Нет, – сказала она.

Манн покачал головой.

– Да, – сказал он. – Иначе все это будет продолжаться.

– Ты хочешь, чтобы он с этим жил? – шепот Кристины отражался от стен и терял устойчивость, звуки расплывались, повторяли себя, и Антон не понял ни слова. Подумал, что и не должен был понимать, понимаешь только те слова, что говорят тебе, а сказанное для другого тебе понимать не надо.

– Наоборот, – сказал Манн и поднялся. – Я надеялся, что удастся обойтись без этого.

– Обойдись. – Кристина тоже поднялась и встала перед мужем, крепко сжимая его локти.

Манн покачал головой.

– Когда-то, – сказал он, – старший инспектор Мейден обвинил меня в убийстве твоего... прости... я все время думаю о Веерке как о твоём любовнике.

– У тебя злая память, – сказала Кристина.

– Какая есть. Человек – это память. Мейден выколотил из моей памяти все, что я прятал от себя. Он не понимал, что делал.

– А ты понимаешь?

– Думаю – да, – сказал Манн без уверенности в голосе. – Он может вспомнить. Он никогда там не был.

– Я с вами, – твердо сказала Кристина.

Манн кивнул.

Антон и Анна стояли друг перед другом, и странное происходило с ними. Отчужденность поднималась невидимым, но непреодолимым барьером,

мешавшим им смотреть друг на друга. И в то же время – или в какое-то иное, не совпадавшее с обычным, – они были близки, как никогда раньше, и как, возможно, никогда не будут близки в будущем. Антон взял Анну за руку. Он не смел приблизиться к ней ближе, чем на три шага. Он крепко сжал ее пальцы. Он старался к ней даже не прикоснуться. Он обнял Анну за плечи. Он пошел в переднюю следом за Манном, не оборачиваясь и не зная, идет ли за ними Анна, которую звали Эсти.

* * *

Дальше всё происходило очень быстро, как в ускоренной съемке: подхватив под руки женщин, детектив стал спускаться по лестнице, не дожидаясь лифта и не обращая на Антона внимания. Антон побежал за ними, и на улице ему казалось, что машины несутся с недозволенной скоростью, какой-то велосипедист едва не налетел на него и громко сказал что-то по-голландски. Манн открыл заднюю дверцу машины, втолкнул женщин, показал Антону на переднее сиденье, сел за руль и сорвался с места, не убедившись в том, что Антон успел вскочить в машину. Наверно, видел боковым зрением.

Антон не видел, куда и по каким улицам они мчались. Дежа вю началось, когда свернули на короткую плохо освещенную улицу и проскочили по узкому мосту через неширокий канал. Момент узнавания вызвал в мозгу быстрый отклик, он уже бывал здесь, но никаких ассоциаций место не вызвало, и укол памяти на этот раз пропал втуне.

А потом началось странное. Они резко затормозили перед высоким зданием, похожим в темноте на огромный, до неба, куб, с темными точечками неосвещенных окон. Антон краем сознания понимал, что это окна, и они большие, то есть обычные, как везде, а некоторые даже открыты, рамы подняты, и из темноты на улицу выглядывают... нет, не люди, но стоящие в комнатах предметы: из одного окна выглядывал диван, удивленно наморщив черную потертую кожу, как человек, не понимающий, что с ним происходит. Странное это ощущение прекрасно совмещалось с другим: Антону казалось, что дом очерился не окнами, а пунктирными линиями. Вся стена исписана была пунктиром – при желании, зная азбуку Морзе (или иную?), можно было бы прочитать незамысловатый текст, рассказывавший, вероятно, об истории дома или о случившейся здесь трагедии.

Или о том, что трагедия может произойти здесь скоро... сегодня... сейчас.

Кто-то вскрикнул. Антону показалось, что кричала Анна, он поискал ее взглядом, выбравшись из машины следом за Манном. Анна и Кристина стояли, держась за руки, и смотрели вверх. Странное было ощущение, он будто присутствовал здесь и одновременно отсутствовал, потому что дежа вю крепко держало его, впихивая себя в его заторможенное сознание. Он был здесь, и он здесь не был, он бежал к закрытой двери подъезда и стоял, прислонившись к капоту машины, смотрел вверх и пытался унять бешеный ритм сердца.

Парадная дверь оказалась закрыта, и Манн принялся нажимать на кнопку звонка, утопленную в камень слева. В глубине раздался звук, которые

лишь при большой игре фантазии можно было принять за переливчатую трель. Это был стон, вопль подстреленной птицы, долгий скрип пружин продавленного дивана, и все вместе, и если никто не ответит в динамике домофона, значит, дом пуст, в нем нет ни одной живой души и только одна мертвая. Антон знал уже – кто, но не мог догадаться.

Он обернулся: Анна и Кристина стояли за его спиной, Анна смотрела на Антона понимающе или сочувствующе, будто хотела поддержать его, напутствовать, но не могла подобрать слов, а взглядом выразить всю полноту чувств у нее не получалось.

– Анна, – сказал Антон, осознав вдруг, что история эта сейчас закончится, и что окажется в конце... точка... многоточие... жизнь... смерть... Он готов был сейчас ко всему и хотел лишь, чтобы все кончилось быстро.

– Кто там? – послышался из динамика хриплый голос, который мог принадлежать мужчине, женщине, роботу, компьютеру, черту-дьяволу или вообще никому, просто возникли слова в воздухе и ударили Антона в грудь, будто брошенный наотмашь камень.

Антон согнулся.

– Частный детектив Тиль Манн. Мою карточку вы сможете посмотреть, когда откроете дверь.

Манн говорил по-английски, но тот, за дверью, хотя и понимал язык, предпочитал отвечать по-голландски, и слова его звучали абракадаброй, смысл которой Антон угадывал, следя за реакцией Манна.

– Бу-буу-бубу-ба-буу...

«Ночь уже, куда вас черт несет. Дождитесь утра и звоните, будь вы хоть королева».

– Нам нужно в сто тридцать седьмую квартиру.

– Буу-бу-бу. Ба.

«Ну и звоните туда».

На двери не было ни списка квартир, ни обычного в таких случаях табло с кнопками у соответствующего номера. Только один звонок, на который Манн давил в безуспешной, видимо, попытке добренчаться до подкорки консьержа или кто там за дверью стоял на страже спокойствия отсутствовавших жильцов.

– Бу-буббу.

«Прекратите, или я вызову полицию».

– Вызывайте! – крикнул Манн. – Майор Мейден будет счастлив.

Имя майора произвело, видимо, надлежащее действие. Имел ли консьерж дело с полицией или голос Манна звучал чересчур уверенно для случайного ночного посетителя, но в двери что-то щелкнуло, что-то внутри сдвинулось с места, что-то коротко прогудело, и Антон понял, что дверь открыта – она по-прежнему возвышалась неприступным оплотом, но теперь можно было ее толкнуть или потянуть ручку на себя.

Манн потянул за ручку, похожую на вбитый в плаху топор палача. Дверь раззявилась, будто акуля пасть, и Манн придержал ее ногой, показав

взглядом Антону и стоявшим за его спиной Анне с Кристиной: «Входите. Быстро».

По спине Антона пробежали мурашки. Сердце застучало часто и беспокойно – он узнал. Что? Он был здесь? Да. Где был? В холле (если это был холл, а не танцевальная площадка или зал ресторана) было так же темно, как в детской, когда мама укладывала Антона спать, целовала в щеку, говорила «Спокойной ночи, сынок» и уходила, погасив свет.

Чем отличается одна темнота от другой? Только собственным эмоциональным состоянием, и, значит, он сейчас...

Антон шагнул вперед, протянул руку вправо, там должна была быть... но там ничего не оказалось... «Искать черную кошку в черной комнате», – подумал он. Черная кошка здесь была, он знал точно, и так же точно знал, что ее здесь не было и быть не могло. Нормальное состояние для квантового наблюдателя, когда воспринимаешь одновременно оба возможных состояния объекта, и лишь после того, как зажжется свет и процесс наблюдения станет необратимым, ты увидишь что-то одно, окажешься в одной из двух реальностей, а пока не сделал выбор, не включил свет...

Еще шаг. Черная кошка шевельнулась и замерла, дожидаясь его решения.

– Эсти, – произнес он тихо, понимая, что все равно будет услышан. Мог и вовсе промолчать, только подумать, мысли темноте распространялись так же легко, как звуки. – Эсти, ты не должна этого делать.

Что-то шевельнулось сзади? Он не смел обернуться, чтобы не нарушить чистоту мрака движением – мрак обязан быть неподвижным, иначе в нем появляется что-то светлое. Всякое движение создает свет – сейчас это казалось Антону очевидным.

– Эсти, – повторил он и услышал:

– Да... Но я должна.

– Ничего ты никому не должна, – сердито сказал он. – Это другая ты, как ты не можешь понять? Это Анна.

Он сделал шаг, еще раз позвал Эсти и не услышал в ответ ни слова.

Он шел в пустоту, будто точно знал, где скрывается черная кошка, которой никогда здесь не было.

Сделав восемь шагов (он не считал, но знал, что шагов было восемь), остановился и протянул вперед руку. Стена. Чуть ниже и левее... Ручка двери. Если нажать...

Из возникшей щели проступил мрак, еще более тяжелый и плотный. Он ждал там, запертый, и теперь, освободившись, выползал, стелясь по полу, поднимался, учерняя черноту.

– Эсти, – сказал он, обращаясь к мраку, своим давлением открывавшему дверь все шире – несмазанные петли заскрипели. – Эсти, не делай этого.

Дежа вю, подумал он. Я уже говорил эти слова. Я был в этом мраке. Я звал Эсти. Я хотел ей внушить, чтобы она не делала... чего?

Остановив рукой движение открывавшейся двери, Антон сделал шаг, вспомнив, что уже поступил так однажды. Вспомнил: он пришел, потому что Эсти сказала: «Жди меня в подсобке в одиннадцать». Он пришел на четверть

часа раньше, открыл дверь ключом, который еще днем взял со столика в прихожей. Почему Эсти не оставила включенной хотя бы одну лампочку? Неправильный вопрос. Почему консьерж... Ах да, здесь уже больше года не было консьержа, последний уволился, а нового не наняли, жильцы (особенно упирался тип со второго этажа, ему, мол, это вообще не надо, к нему никто не ходил, не ходит и ходить не будет) так и не смогли договориться о том, как оплачивать услуги привратника.

В кладовке никого и ничего нет, это Антон тоже знал точно, потому что днем они с Эсти спускались сюда и, прикрыв дверь, чтобы их не было видно из холла, безумно и невыразимо сладко целовались – он никогда в жизни не целовался так самозабвенно и... ни тогда, ни сейчас не мог подобрать определения охватившему его чувству.

Где находится в кладовой выключатель, Антон не помнил – днем забыл об этом, и сейчас, войдя, бессмысленно шарил руками по стене сначала справа, потом слева от двери. И услышал...

Тихие крадущиеся шаги. Сзади. Это не могла быть Эсти, она ходила иначе... весело, если к походке можно применить такое определение, а тот, кто шел сейчас... не шел, а подкрадывался, заставил Антона прижаться спиной к стене кладовки, замереть, надеясь, что...

Напрасно. Тот, кто крался, не стал таиться просто потому, что в темноте не смог бы прицелиться. И тот, кто крался, знал, в отличие от Антона, где находится выключатель.

Щелкнуло, и под потолком ослепительно вспыхнула (на самом деле тускло засветилась) лампочка, не обычная, а энергосберегающая, сейчас их везде понатыкали, желтая, как лимон, и человек, направлявший Антону в лицо пистолет, тоже выглядел желтым, как китаец...

– Ван Барстен! – вырвалось у Антона.

Художник хмыкнул и что-то пробормотал, палец его двигался так медленно, что Антону показалось: он десять раз мог ударить Ван Барстена по пальцам, и оружие выпало бы или выстрел пришелся бы в потолок, но сделать хоть какое-то движение Антон не мог и тупо следил, как палец надавливал на черный крючок, и крючок уходил в паз, и палец все больше напрягался, а когда терпеть это стало невозможно, вспыхнуло ослепительное, грохот ударил по барабанным перепонкам, и Антон не сразу понял, что, если слышит звук, то, по крайней мере, остался живым.

Конечно. Если бы он умер, то сейчас не мог бы вспомнить, мертвые не помнят...

Откуда в нем еще и эта память? Дежа вю, воспоминание о том, как именно здесь, в этой кладовке, куда его заманили...

Заманили? Эсти целовалась с ним днем... Эсти? Здесь?

Он узнал это место. Он был здесь. Всего один раз, но – был точно. Он был здесь один, просто заглянул, было темно, как в туманности «Угольный мешок», хотел найти выключатель и не смог... И он был здесь с Эсти, она его сюда привела, и они целовались, как... И еще он был здесь, потому что... он вспомнил: Эсти сказала, чтобы он пришел ночью, вот ключ, прямо напротив

входа, через холл, дверца в чуланчик, иди туда, я приду... зачем? Он не спросил, он никогда не спрашивал у Эсти, почему должен что-то для нее сделать, он просто шел и делал и не мог иначе... Он пришел, и здесь...

Ван Барстен. Пистолет. Выстрел.

Он умер?

Но если умер, то как мог помнить...

Он помнил, как медленно оседал по стеночке, глядя на художника, смотревшего презрительно и с меланхолической насмешкой, мол, видишь, что ты собой представляешь, козьявка, даже не можешь толком постоять за себя, а туда же, может, тебе службу спасения вызвать, они тебя спасут, точно... И думая так, выплевывая эту мысль глазами, Ван Барстен сделал шаг назад, рукой нащупал что-то в стене, и Антон увидел, как щелкнул замок, и услышал, как откинулась из стены крышка скрытого сейфа. Странно, почему звуки вызывали у него зрительную реакцию, а изображение выглядело звуком?

Художник положил пистолет в темный зев и захлопнул крышку. Стена опять стала стеной, покрытой до середины от пола желтой пластиковой плиткой.

Ван Барстен подошел к нему, сидевшему на корточках, присел, посмотрел в глаза и сказал:

– Вот так. Если ты. Еще раз. Подойдешь. К Эсти. Ты видел. Куда я положил. Пистолет. Я его достану.

Антон хотел сказать, что может привести сюда полицию, найти сейф, показать и...

И что?

Он повернул голову и посмотрел на стену позади себя. Ничего. Никаких следов попавшей в стену пули. Художник стрелял холостыми. Поиздеваться. Посмотреть. Как Антон медленно опустится по стеночке...

Что он скажет в полиции?

– Я еще найду тебя, – пробормотал он, и Ван Барстен засмеялся ему в лицо.

Повернулся и вышел.

Что-то происходило с памятью. Антон не помнил, куда вышел художник. Он не помнил, была ли в комнате дверь. Окон здесь тоже не было. Куда же... Этот вопрос почему-то казался Антону самым важным в жизни, и он медленно обвел взглядом стены, облицованные пластиковой плиткой с изображениями христианских святых и средневековых инкунабул, странный орнамент для комнаты, используемой всего лишь под кладовую. Может, здесь совершались тайные обряды, собирались сектанты, которые...

Почему он об этом подумал? Почему он в полной темноте видел совершенно ясно, будто при ярком электрическом освещении?

Ах да, это всего лишь память... Дежа вю.

И если сейчас кто-нибудь догадается, наконец, отыскать выключатель и включить свет...

Вспыхнул свет.

Антон оглянулся – Кристина стояла, пригнувшись, в правом углу комнаты и держала палец на выключателе, который, вопреки логике, располагался чуть ли не на уровне плинтуса.

Манн стоял в дверях и с интересом разглядывал помещение – бывшую черную комнату со спрятанной в ней черной кошкой, которой здесь никогда не...

Была, конечно.

Из-за плеча детектива выглянула Анна, и Антон, ни на кого больше не обращая внимания, направился к ней, сдвинул с Манна дороги, будто оловянного солдата, протянул руки и взял ее ладони в свои, привлек девушку к себе, он чувствовал, что так надо, и надо еще посмотреть ей в глаза, поцеловать в губы, ощутить, как Анна напряжена, позволить ей еще немного побыть в этом напряжении ожидания, а потом сказать:

– Все кончилось. Все кончилось, понимаешь?

На каком языке он произнес эти слова? На голландском? Нет, конечно. По-английски? Кажется, нет. Иврит? При чем здесь иврит?

– Где? – требовательно произнес Манн, и чей-то незнакомый голос добавил:

– Пропустите-ка меня вперед.

В комнату вошел мужчина лет сорока в форме полицейского чина, Антон не различал голландских званий, но видно было, что это не обычный полицейский, шишка какая-то...

– Майор Мейден, – представил полицейского Манн.

– Покажите – где, – требовательно произнес Мейден, и Антон почему-то его понял, хотя майор говорил по-голландски. Обращался Мейден к Антону, пристально его разглядывая с ног до головы, будто фотографировал взглядом или, точнее, записывал в памяти, как на видеопленке, чтобы потом, при необходимости, представить суду свое профессиональное заключение: задержанный держался спокойно и...

Задержанный?

– Покажите, – повторил Мейден, на этот раз по-английски, чтобы у Антона не возникло сомнений.

Антон показал. Это оказалось нетрудно – в памяти точно запечатлелась противоположная стена маленького помещения, открытый зев сейфа, откуда художник достал пистолет и куда спрятал, напугав соперника до полусмерти.

– Так, – бормотал Мейден, – шестая снизу, восьмая слева. Манн, вы будете свидетелем.

Детектив кивнул.

Мейден подошел к плитке, на которую указал Антон (неужели пистолет еще там?), что-то довольно долго изучал, чуть ли не носом уткнувшись в желтоватую пластиковую поверхность, и сказал по-английски, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Не вижу ничего такого... Без эксперта не обойтись.

Он повернулся и вопросительно посмотрел на Антона. Вопрос был понятен, и Антон попытался вспомнить. Художник... что сделал Ван Барстен, когда...

Надавил на плитку? Повернул? Поцарапал?

Ван Барстен пробормотал что-то, чего Антон не расслышал... тогда. А сейчас, будто повторенные при максимальном усилении звука, слова, сказанные художником, прозвучали в ушах Антона отчетливо, как текст диктора, читающего по радио последние новости:

– Если ты еще раз...

Антон отодвинул в сторону майора, тот посторонился неохотно, но уступил место.

– Если ты еще раз... – произнес Антон на неизвестно каком языке, и ничего не случилось.

Мейден за его спиной тихо хмыкнул. То ли не понял слов, то ли не понял, к чему они были сказаны.

– Подойдешь. К Эсти...

Плитка на высоте его глаз с тихим щелчком сдвинулась, открыв темноту маленького сейфа. Что-то там лежало, на что-то падал теперь свет, и это что-то не выглядело пистолетом. Если бы там лежал пистолет, Антон узнал бы сразу, дежа вю... Память молчала.

– Позвольте, – сказал Мейден и решительно отодвинул Антона, так, что тот не сумел удержать равновесия и, чтобы не упасть, ухватился рукой за...

Это была рука Анны. Девушка поддержала его, они стояли посреди комнаты, то ли помогая друг другу, то ли обнимаясь, то ли, наоборот, стараясь друг от друга отлепиться.

Майор что-то достал из сейфа, положил в приготовленный пластиковый мешочек. Мейден комментировал свои действия и, возможно, слова его фиксировал микрофон, Антона это не интересовало, он смотрел в глаза Эсти, а Эсти смотрела в его глаза. Эсти была жива, с Эсти ничего не случилось, она не падала с шестого этажа этого серого днем и черного по ночам огромного дома, где жила с рождения и который сейчас видела впервые в жизни.

– Эсти, – пробормотал Антон.

– Я Анна, – мягко произнесла девушка.

Антон кивнул.

– Эсти, – сказала Анна, – это тоже я, только другая... где-то... я не знаю.

– Ты часто вспоминала себя... другую?

– Да. Всякий раз, когда видела что-то...

– Дежа вю.

– Да.

– Сейчас?

– Нет. Здесь я не была никогда.

– Ты жила в этом доме.

– Дом я узнала. Мы жили здесь на шестом этаже. С мамой.

– Мамаша Кузе.

– Кузе? – примерила Анна на звук это слово. – Ее звали Сандра.

– Молодые люди, – прервал разговор майор, – подойдите сюда, будете свидетелями. Вы видите, что я достал из тайника?

В пластиковом пакете, который Мейден держал на вытянутой руке, лежали семь (Антон подсчитал) небольших, размером с теннисный мяч, белых мешочка.

– Это героин, – пояснил майор. – Собственно, вам не обязательно знать, что это. Просто скажите для записи: назовите свои имена, номера удостоверений и опишите, что видите в пакете. Когда протокол отпечатают, поставите свои подписи. Завтра. Итак. Вы, девушка.

Джентльмен. Женщин вперед.

– Анна Риттер, – сказала Эсти, так и не отлепившись от Антона, лишь крепче сжала ладонью его локоть. – Гражданка Израиля, номер иностранного паспорта восемь-один-два-пять-восемь-один-девять. Вижу семь белых мешочков, плотно набитых...

– Антон Симак, гражданин Израиля, номер иностранного паспорта...

Антон не помнил номера, с чего бы ему этот номер помнить? Паспорт лежал у него в боковом кармане куртки, Антон вопросительно посмотрел на Манна, тот кивнул.

Антон все же отлепился от Анны (как не хотелось!), достал паспорт и зачитал вслух номер.

– Прекрасно, – сказал майор. – На этом я с вами прощаюсь, мне нужно оформить изъятие, сейчас здесь будет группа экспертов, они займутся описью.

– А Ван Барстен? – сказали Антон и Манн одновременно.

– Ах, – усмехнулся Мейден, – я задержал его еще вечером.

– Да? – удивился Манн. – Вы говорили, что нет оснований...

– За попытку устроить драку в ресторане, – объяснил майор. – На самом деле он только замахнулся, но для повода этого было достаточно. Если бы вы, Манн, меня обманули, я оказался бы в идиотском положении, и тогда от вашей лицензии...

– Скажите, пожалуйста, – усмехнулся Манн. – Вы, оказывается, доверяли моей интуиции больше, чем я сам.

– Идите, идите, – проворчал Мейден. – Жду всех утром в девять.

* * *

– Как-то все это... – сказал Антон. – Я ничего не понял. Я все помню, Тиль, но не понимаю.

Он не хотел, чтобы в голосе прорывались жалобные интонации, но чувствовал, что все-таки жалуется.

Они сидели в квартире Манна – женщины на диване у журнального столика, мужчины – за столом, где лежали блюда с бутербродами, стояли чашки с кофе и початая бутылка коньяка. Рюмок не было – Кристина сказала, что не позволит никому выпить, пока в историю не будет внесена предельная ясность.

– Вы мне сами все рассказали и объяснили в самом начале, – усмехнулся Манн. – И – спасибо, вы хороший свидетель, сказывается, наверно, привычка научного работника, – вы очень точно описывали свои дежа вю в эти дни. Мне оставалось только следовать за вашими рассказами и... да, я все разложил по полочкам, но боялся, что раскладываю неправильно. В результате или вообще никуда не приду, или приду не к той цели, к которой мы оба шли.

– Не понимаю, – упрямо повторил Антон. Он хотел пересесть на диван к Анне, взять ее за руку, почувствовать, как она сжимает его ладонь тонкими пальчиками...

– Все вы прекрасно понимаете, Антон! Просто у вас нет опыта криминальных расследований, и вы не умеете сортировать разрозненные факты. Вы все свалили в одну кучу, извините.

– В какой-то момент, – сказал Антон, – я вдруг понял, что это я... убил художника в церкви.

– Хм... – промычал Манн. – Где-то вы так и собирались сделать. Не думаю, что вы убили Ван Барстена хоть в какой-то реальности. Антон, вы в принципе способны убить человека? Не защищаясь, не жизнь свою спасая, а подкрасться сзади и всадить нож в спину?

– Никогда не... – пробормотал Антон, покосившись на Анну. Она улыбнулась ему улыбкой Эсти и покачала головой, подсказывая ответ, который и так был ясен.

– Нет, – твердо сказал Антон. – Не представляю, чтобы я мог...

– Вот и я не представляю, – улыбнулся Манн. – Ваши дежа вю определенно показывали, вроде бы, на вашу виновность, даже тогда, когда вы этого не понимали, но я, видите ли, имел дела с убийцами... Не хочу сказать, что на челе потенциального убийцы стоит клеймо. Конечно, это не так, но кое-какой опыт дает возможность определять не то, может ли человек совершить убийство, но, напротив, случаи, когда он психологически не в состоянии это сделать. Вы не могли. Но улики... Вы много времени, Антон, занимались многомирием, а я в этом дилетант, хотя одно дело и было связано с возможными проявлениями Альтерверса². Но, согласитесь, сами по себе зрительные, слуховые, да, собственно, любые как бы впечатления, как бы показания наших органов чувств на самом деле ничего не означают без интерпретации. Внешний мир мы воспринимаем не глазами, не ушами, не кожей, но всегда и только мозгом. Согласны?

Антон поднял взгляд на Анну, она улыбнулась ему и сказала:

– Да.

Они были согласны.

– Замечательно, – просиял Манн. – Одну и ту же реальную картинку мозг может воспринять по-разному, в зависимости от множества причин, которые к внешнему миру не имеют никакого отношения и являются проекцией внутренней работы сознания или нашего подсознательного, для которого, похоже, вообще не существует физических законов.

² Дело это описано в повести «Шесть картин».

– Вы видели, – продолжал Манн, – как некто в церкви святого Юлиана подошел сзади к художнику и вонзил ему в спину нож. Вы это вспомнили совершенно отчетливо, настолько, что пришли ко мне с требованием...

– Я не требовал...

– Хорошо, с настоящей, скажем так, просьбой расследовать не совершенное убийство. Вы все мне подробнейшим образом рассказали, и я задал вам пару наводящих вопросов, которые показались вам бессмысленными, а мне ваши ответы определенно сказали, что вы не могли видеть в точности того, что описали. По вашему описанию, убийца скрывался за одной из центральных колонн, больше просто негде, и мне это сразу показалось странным, я в тот же день пошел в церковь... Понимаете, Антон, человек не мог там прятаться так, чтобы остаться незамеченным.

– В другой ветви... – вяло возразил Антон. – Это дежа вю...

– Конечно! В другой ветви вы могли совершать иные поступки, но храм Божий и там должен иметь ту же архитектуру, то же расположение колонн. Будь иначе, склейки миров были бы невозможны – я не специалист, я лишь цитирую ваши объяснения. Так?

Антон кивнул.

– Убийца не мог скрываться, стоя рядом с колонной, – продолжал Манн. – Значит, ваш мозг так интерпретировал визуальную, как говорите вы, физики, информацию. Почему? И я подумал, что вы не видели собственно удара. Не могли видеть. Вам показалось. Что вы видели на самом деле? Не здесь, повторяю, а в другой реальности, которую вспомнили в церкви? Вы видели не удар ножом, а реакцию Анны на нечто, чего не поняли вы, а поняла она... Верно?

Манн всем корпусом повернулся к Анне. Она вздрогнула, услышав вопрос.

– Не знаю, – сказала она. – Не помню.

– Помните, – вздохнул Манн. – Только в вашей памяти этот эпизод отпечатался совсем иначе, и, если сравнить, может, не удастся найти ничего общего.

Он повернулся к Антону.

– Видели вы, скорее всего, не убийство... а что? Много раз прокручивая в памяти ваш рассказ и сопоставляя с тем, что я уже тогда знал о Ван Барстене, и с тем, что в тот же день узнал от Мейдена, который сначала не собирался делиться со мной информацией, но я его уболтал... не стану рассказывать, секрет профессии, скажем так. Прокрутив и сопоставив, я решил, что напали на художника вы сами... да-да... конечно, не с ножом, этого вы не могли психологически, но что-то вам от него было нужно, что-то вы от него хотели, что-то, о чем знала Анна и чего боялась.

– Невелика информация, верно? – продолжал Манн. – Идем дальше. Получается, будто вы погнались за Анной. Полный абсурд? Ничуть. Если понять, что это было лишь воспоминание, реконструкция реальных событий вашим мозгом, да еще вашим мозгом ЗДЕСЬ, в то время, как события происходили ТАМ, где-то... Вы могли мысленно пойти за девушкой...

Антон покачал головой.

– Очень неубедительно, – сказал он. – Так все что угодно можно интерпретировать как угодно, сославшись, что таково наше восприятие реальности. Черное назвать белым...

– Послушайте, – растягивая гласные, произнес детектив и наклонился к Антону, – вы уверены, что черное в ваших глазах не может оказаться белым в глазах другого человека, тем более, человека в другой ветви многомирия?

Антон нахмурился. Кристина поднялась, забрала со стола пустые чашки, сказала «давай, давай, фантазируй» и удалилась на кухню, оставив после себя ощущение, будто только что разбилась посуда, осколки разбросаны по полу, их нужно собрать, но не получается, потому что Манн не позволяет наклониться...

– Вы же физик, Антон, – укоризненно произнес Манн, – не мне, дилетанту, объяснять вам, что без переработки сигналов в мозгу мы ничего не способны ни увидеть, ни услышать. Помните, с чем вы пришли ко мне? Вы вспомнили, что были в церкви святого Юлиана в тот момент, когда произошло убийство. Вы сказали, что это дежа вю, и на самом деле убийство произошло в другой ветви многомирия, а на мой вопрос о том, могло ли оно произойти в нашей все-таки ветви, но в другое время, ответили, не задумываясь, что это невозможно.... почему?

– Потому, – медленно произнес Антон, – что тогда это было бы ясновидением, а ясновидения не существует. Невозможно увидеть то, что еще не произошло.

– Да? – картинно удивился Манн. – А как же предсказатели? Кейси, помните? Он множество событий предсказал правильно.

– И еще большее множество – неверно. Ясновидец способен вспомнить себя в другой ветви, а время там может течь быстрее, чем в нашей, или медленнее. Вспомнить можно как события прошлого, так и будущего – будущего, которое там стало прошлым. Ясновидец это описывает и по большей части попадает пальцем в небо, поскольку в иной ветви события могут развиваться чуть-чуть не так, как здесь, или даже совсем не так. Вспомнив то, что происходило там, вы на самом деле ничем не помогаете пониманию событий здесь.

– Вот именно! Почему же вы так настойчиво говорили о возможном убийстве, которое, по вашим словам, здесь и сейчас произойти не могло?

– Могло, – вяло отозвался Антон. Он не понимал, чего хочет от него детектив, он не мог связать события последних дней в одно целое, он был уверен, что и Манну это не удастся. Но героин он действительно нашел... При чем здесь героин? В его дежа вю ни разу не всплывало воспоминание о героине, тем более в связи с художником. И с Анной.

– Могло?

– Почему нет? Это всего лишь вероятности, а им все равно, что мы о них думаем. Есть ветви, практически не отличающиеся от нашей. Одни и те же события, одни и те же причины и следствия. Развилка могла произойти в результате почти совпадающих событий, а скорость течения времени в разных мирах – не разработанная физически теория, я пробовал

подступиться, но я не Эйнштейн, не Бор, не Эверетт... я даже комплексно-логический анализ провести не смог. И если два мира практически одинаковы, но один оказался во времени впереди другого, то, увидев событие, произошедшее там, вы с большой вероятностью можете сказать, что нечто подобное произойдет здесь.

– И вероятность наблюдать именно такую, близкую ветвь, наверно, гораздо больше, чем вероятность увидеть ветвь далекую?

– Нет, в том и проблема. Эти вероятности – так у меня получилось – никак друг с другом не связаны, это независимые события. Но, увидев, как убийца преследует Эс... Анну, я испугался.

– Почему вы называете Анну именем Эсти?

– Не знаю, – удрученно сказал Антон. – Мне так вспоминалось.

– Анна, – повернулся Манн к девушке, слушавшей Антона вроде бы рассеянно; казалось, происходившее нисколько ее не интересовало, думала она о другом, может, вспоминала что-то.

– Анна, – повторил Манн, возвращая девушку в реальный мир, – когда вы вспомнили свое имя? Настоящее имя?

– В той церкви, – Анна подняла взгляд на Антона и слабо ему улыбнулась. – Ночью.

– В церкви святого Юлиана? – уточнил Манн.

– Нет, в церкви святого Патрика.

– Ага, – кивнул Манн и многозначительно посмотрел на Антона. – Ощущение дежа вю, да?

Анна кивнула.

– Я вспомнила, что была там... с Марти... Ван Барстеном... он почему-то звал меня Эсти, мне было плохо, я не хотела жить, а он привел меня туда, чтобы я помолилась мадонне и пообещала ничего с собой не делать, я была в таком состоянии...

– И вы обещали...

– Да.

– А потом?

– Ничего.

– Я привел вас в дом на набережной. Мы поднялись в лифте на шестой этаж, и вы...

Анна покачала головой.

– Эсти, о которой вы вспоминали... то есть, вы из другой ветви... – Манн говорил монотонно, будто таким образом заставлял Анну не волноваться, не принимать близко к сердцу то, что она сейчас услышит. – Она покончила с собой, выбросившись из квартиры с шестого этажа.

Анна смотрела на Манна сосредоточенно, но без ожидаемого испуга, для нее это были всего лишь слова, не отягощенные личными воспоминаниями. Эсти покончила с собой, и что...

– Тиль, – вмешался Антон, – вы путаете разные вещи. Я сказал, что вспомнить можно только себя в другой ветви, в этом смысл явления дежа вю. А вы...

– Но, черт возьми! – воскликнул Манн. – Сделайте же еще один шаг, Антон! У вас начинается дежа вю, верно? Вы вспоминаете, что в этом месте, когда вы здесь были, произошло нечто, чего на самом деле здесь не происходило. Так? То есть, в момент дежа вю вы вспоминаете себя в другой ветви, я правильно излагаю?

– Да.

– А тот, другой, чьи воспоминания на какое-то время становятся вашими? Что вспоминает он?

– При чем здесь он, когда...

– Вы связаны в этот момент, ваши два мира соприкасаются, вы вспоминаете его, а он? У него в это мгновение тоже происходит дежа вю, он тоже понимает, что бывал в этом месте, он тоже попадает в чье-то... то есть, в одно из собственных сознаний... в какое? В третьей ветви? И так до бесконечности? У вас было ощущение бесконечной череды воспоминаний об одном и том же?

– Нет, конечно, – сказал Антон и прикусил язык. Черт. Он должен был подумать об этом сам. Он физик, а Манн всего лишь детектив. Он физик и должен был обдумать все следствия собственных умозаключений. Он не смог. А Манн по простой житейской логике...

– Послушайте, – мягко произнес Манн. – Не нужно бранить себя за то, что вы не смогли... Какая разница... После вашего первого рассказа я подумал, что, если ваше дежа вю выбрасывает вас в ветвь номер два, то ваше же дежа вю в той, другой ветви, скорее всего выбросит вас обратно, но из-за разницы в ходе времени вы вспомните себя самого не в настоящий момент, а в прошлом или будущем. Разве не более вероятно памяти вернуться по уже существующему каналу воспоминаний, чем вспоминать новый?

– Примитивное рассуждение дилетанта... – пробормотал Антон, не желая мириться с очевидным промахом в собственных рассуждениях.

– Но верное?

Антон не хотел соглашаться сразу.

– Да, – вынужден был признать он минуту спустя.

– Вот, – удовлетворенно произнес детектив. – Именно потому среди бессмысленных и глупых предсказаний у ясновидцев есть абсолютно точные. Их память совершает движение по кругу...

– По петле, – механически поправил Антон.

– По петле, – повторил Манн. – И всякий раз то, что вы вспоминаете, ваш мозг интерпретирует по-своему. Эпизоды представляются случайными, логически не соединимыми, потому что... ну, для вас основным переживанием стала баржа мамы Кузе и история ее...

Манн перевел взгляд на Анну и не смог закончить фразу. Девушка смотрела на него во все глаза, она была бледна, пальцы ее беспокойно рисовали на поверхности стола невидимые узоры.

– Эсти покончила с собой, – сказала Анна.

– Эсти покончила с собой, – повторил Манн. – Поймите, Анна, вы не можете быть ею, это физически невозможно. Она жила в Амстердаме, пусть

не одновременно с вами, вы жили в Израиле, да, но ведь обе в этой нашей реальности. Невозможно, чтобы вы были с ней одним человеком. Когда вы приехали в Амстердам?

– Пять лет назад. Да. Но я вспомнила, как...

– Дежа вю. У вас оно возникает не так часто, как у Антона. В первый вечер я привел Антона в церковь святого Юлиана – у меня еще не было толкового плана, я просто хотел представить, как действует его дежа вю, и действует ли вообще, может, он просто...

Антон беспокойно заерзал, но Манн положил ладонь на его колено и призвал к спокойствию.

– Он вспомнил, – продолжал Манн. – Он вспомнил вас, Анна. То есть, не вас, а Эсти, с которой был знаком в другой ветви многомирия. Он назвал вас по имени, он вас хорошо знал и... он вас любил.

Анна бросила исподтишка быстрый взгляд на Антона и опустила голову.

– Тогда я еще не мог сопоставить ваше имя с именем дочери мамы Кузе. Но я знал, что встречал его, имя довольно редкое, даже по нашим многонациональным амстердамским понятиям. Но где и когда... Луна, молитва, страх... Три слова, которые Антону показались кодом. Я не мог найти Эсти, не зная, кто это, но девушку из церкви святого Юлиана я отыскать мог. На следующий день мы с Кристиной отправились... я по галереям, где мог выставляться Ван Барстен, а Криста – по редакциям амстердамских газет и журналов, где у нее множество знакомых. Конечно, мы предварительно поискали в интернете, но получили только общие и давно знакомые нам сведения о художнике... я вам рассказывал, Антон.

Луна, молитва, страх... Я ходил по галереям, говорил, смотрел на картины, а слова эти не выходили у меня из головы. Потом позвонили вы, Антон, и рассказали о судне мамы Кузе, о выстреле, и тогда...

Нет, все равно не сразу. Сначала я подумал, что кораблик не может быть связан с убийством, а выстрел... мало ли в какой еще реальности мог раздаться злополучный выстрел, да и был ли это выстрел вообще – может, у кого-то прокололась шина? И не проверишь, верно? В реальном домике реальной мамы Кузе не происходило ничего существенно важного для расследования.

Я так думал, и тогда только в голове щелкнуло. Эсти. Так звали погибшую дочь матушки Кузе. Она... Простите, Анна...

– Ничего, – пробормотала Анна, – я уже прошла через это.

– Да... Позвонила Криста, ей рассказали эту историю с гораздо большими подробностями, чем знал я. Я спросил: почему тебе рассказали именно это, какая связь... Тогда и оказалось, что Ван Барстен... Эсти была у него натурщицей, а это профессия хотя и престижная в нашем художественном Амстердаме, но и довольно рискованная. Художники – народ очень своеобразный.

– Наркотики? – спросил Антон. Мог и не спрашивать – цепочка причин и следствий, раньше недоступных его пониманию, начала выстраиваться в сознании.

– В том числе, – кивнул Манн. – А еще...

Он запнулся.

– А еще проституция, – неожиданно высоким и звонким голосом произнесла Анна и прямо посмотрела Антону в глаза. Он не отвел взгляда, хотя и почувствовал, как что-то сжалось в груди. Может, сердце, а может, сама душа сжалась в комок, чтобы не понимать того, что было сказано.

Манн и Кристина переглянулись.

– Я еще раз хочу сказать, – осторожно заметил Манн, – что вы – Анна. Анна Риттер. Вы приехали из Милана пять лет назад, а в Милан – из Израиля. Вы не Эсти Семироль, которую вспоминал Антон, вы очень с ней схожи, да, но Эсти – из другой ветви. А Эсти Кузе – из нашего мира, и ее вспоминала Эсти Семироль, потому что в многомирии все вы действительно – одна личность, посмотрите, Антон кивает, подтверждая, он уже понял, как эти сплетения памяти случаются...

Протянув руки через стол, Антон сжимал ладони Анны, разговор между ними происходил тяжелый и неизбежный, но не слышный для всех, может, даже для них самих. Каждый разбирался в себе, отделял одного себя от другого, одну свою реальность от другой, не нужной здесь.

– Я не могу все связать, – проговорил Антон. – Не получается...

– Да? – сказал Манн после того, как пауза затянулась, и, судя по взглядам, Антон с Анной ушли далеко в иную реальность, никогда не существовавшую и только сейчас создававшуюся ими вместе. Для них двоих.

– Кто стрелял в отеле матушки Кузе? – не поворачивая к Манну головы, спросил Антон.

– Думаю, – раздумчиво произнес Манн, – это произошло в третьей из ветвей, которые вы вспомнили. Мне пришлось раскладывать ветви, как пасьянс – сначала: что могло и чего не могло произойти здесь, у нас. Потом – что могло быть связано со второй ветвью ваших дежа вю, где вы познакомились с Эсти Кузе, а не с Анной, и где пытались вытащить ее из того безнадежного положения, в котором она оказалась. И была еще третья ветвь, где вы познакомились с Эсти Семироль в Израиле. Она певица, какой пока только хочет быть Анна, и вы были на ее концерте. Не знаю, что между вами произошло потом – может, вы еще об этом вспомните, если представится случай и вы окажетесь в ситуации, когда дежа вю приведет вас в нужную реальность в нужное время.

– А этот парень... Эшер. Он... Он видел Анну... то есть, Эсти... вовсе не в другой ветви. Здесь. Недавно.

– Что за человек этот Эшер? – мягко произнес Манн.

– Вы хотите сказать...

– Я видел его медицинскую карту, говорил с его психиатром.

– Он болен?

Манн пожал плечами.

– Все зависит от точки зрения. Это болезнь – жить в нескольких мирах и путать их в своей памяти? Для нынешней медицины – болезнь, потому что

никто не разбирается в причинах и следствиях, а многомирие для психиатров свидетельство не реальности мироздания, а затемненного состояния психики.

– Как и для многих физиков, – пробормотал Антон.

– Физики, – заявил Манн, – меня сейчас не интересуют. Эшер совершенно нормален. Так же нормален, как вы, Антон. В дежа вю вы видите себя-другого и можете отделить, хотя так и не смогли понять, что вспоминаете себя не в двух ветвях, а, по крайней мере, в пяти-шести. С Анной проще. Вы, Анна, вспоминаете только одну себя. Ту, что звалась Эсти Кузе. А Эшер вообще не понимает, что с ним происходит нечто странное. У него, я бы сказал, синкретический взгляд на реальность – для него реально и однозначно происходит здесь, а не где-то, любое событие, о котором он вспоминает. Я разговаривал потом и с отцом-настоятелем. Он приютил Эшера из сострадания, иначе того давно упекли бы в психиатрическую клинику, или он бродил бы по улицам, как городской сумасшедший. Преподобный рассказал, что памяти Эшера нельзя доверять, и чтобы мы были осторожны с тем, что он рассказывает, – потому, видите ли, что об одном и том же отрезке времени он может говорить разное. То утверждает, что во вторник весь день сидел в своей келье, то – что ездил в Амстердам с кюре, который ничего об этом не знает, то – что убирал площадь около церкви, там якобы сильно намусорили туристы... И все это, что бы ни говорил по этому поводу преподобный, с ним, конечно, происходило... как с вами, Антон... как с вами, Анна.

– Эсти, – напомнила Анна, крепче сжимая в своих ладонях пальцы Антона, – она жила в этой реальности. Она в этой реальности... упала. Наркотики вы нашли в этой реальности. Ван Барстена арестовали здесь – никто его не убивал, да...

– Его убил я, – заявил Антон, и Манн быстро добавил:

– Не здесь, не здесь, Анна, не смотрите на него таким взглядом.

– Господи, – сказала Анна, – как все перепуталось. Миры, события, память...

– Давайте разберем только то, что происходило в нашей реальности и чего я не смог бы понять, если бы дежа вю Антона не позволяли представить, что происходило там, где я не мог вести расследование. Здесь, в Амстердаме, у мамы Кузе была дочь Эсти. А в Израиле жила, ничего об этом не зная, Анна Риттер. Эсти – милая девушка, я навел о ней справки, точнее, справки наводила Криста, ей сподручнее говорить с женщинами... Собственно, ты можешь сама...

Кристина сделала отстраняющий жест.

– Ты начал, ты и заканчивай, – сказала она. – Я не умею излагать так связно.

– Твои статьи в «Таг», – заметил Манн, – образец логики и стиля.

– Одно дело писать, – пожалала плечами Кристина, – и совсем другое... Лучше я приготовлю всем кофе. Тебе черный без сахара... Вам, Анна?

– С молоком. И сахара три ложечки.

– Антон?

– Черный, без молока, одна ложечка сахара.

– Когда-нибудь, – сказала Кристина, поднимаясь, – я напишу руководство, что-то вроде: «Характер человека, определяемый по тому, какой кофе он предпочитает».

– Ну-ну, – пробормотал Манн, – и что бы ты сказала об Антоне? Человек с такими пристрастиями способен совершить убийство?

– Только в состоянии умопомрачения, – твердо заявила Кристина и, не желая слушать возражений, вышла в кухню.

– Если знать, какой кофе вы предпочитаете в других ветвях, – усмехнулся Манн, – можно было бы составить полную картину вашего темперамента.

– В той реальности, где я убил Ван Барстена, – мрачно сказал Антон, – я вообще не люблю кофе.

– Вы это сейчас вспомнили? – быстро спросил Манн. – Вроде бы сейчас не было повода...

– Не сейчас, – покачал головой Антон. – Когда стоял в коридоре плавучего отеля и пытался понять, откуда раздался выстрел. Я узнал буфетную, почувствовал запах кофе... и мне стало неприятно, это ощущение выбросило меня из дежа вю. Я не понял, что случилось, а сейчас... В той реальности я терпеть не мог кофе, а в этой люблю...

– Понятно, – протянул Манн.

– Вы говорили об Эсти, – осторожно напомнила Анна, возвращая разговор в покинутое русло.

– Да. Все на самом деле просто: Ван Барстен заприметил девушку, и уговорить ее стать натурщицей вряд ли было ему сложно, не в первый раз и не в последний. Более того, Эсти Вак Кузе оказалась благодатным материалом, он и любовницей ее сделал, и к наркотикам приучил. Он торговал героином, и ему пришла в голову мысль, где прятать товар – он часто бывал у Эсти дома, заприметил тихую кладовую под лифтом, устроил тайник. Очень удобно и практически безопасно. Он не учел двух вещей: того, что у Эсти... у Эсти, заметьте, а не у вас, Анна... То есть, у вас, конечно, тоже... В общем, неважно. У Эсти были приступы дежа вю, она вспоминала нечто, и это нечто... Я не могу знать наверняка, но, видимо, другая ветвь казалось Эсти волшебным миром, она там вела нормальную жизнь, ее там звали Анной, жила в Израиле, училась петь, собиралась поехать в Милан, чтобы учиться...

– Как? – удивленно сказала Анна. – Она вспоминала... меня?

– Конечно! Эсти и вы – одна личность в многомирии, потому-то все так странно получилось. Вы физик, Антон, вам легче разобраться, где и когда произошла развилка, и как она вообще могла произойти, но, если следовать логике расследования, Эсти здесь и в других ветвях, здешняя Анна... вы, да... и вы, живущая в других ветвях непостижимого многомирия... У вас всех дежа вю. Вы, Анна, вдруг узнаете как бы незнакомые места здесь, а другая вы, Эсти из второй ветви, вспоминает место и события, которые с ней там не приключались, а происходили здесь, с вами, Анна.

– Как сложно, – пробормотала Анна, и неожиданно глаза ее расширились. Она что-то поняла, наконец, в себе и в своей жизни. Антон, понявший то же самое секундой раньше, с уважением посмотрел на Манна.

– Ничего сложного на самом деле, – отозвался Манн, спокойно встретив взгляд Антона. – Анна и Эсти, по сути, один характер, одна личность... Так получилось. Странная цепочка дежа вю, я только сегодня под вечер разобрался, как это действует.

– Тиль! – воскликнул Антон. – У вас потрясающая интуиция. Я столько времени занимаюсь проблемой квантовых ветвлений! Почему сам не подумал о том, что мои дежа вю могут оказаться зеркалом других, тоже моих, конечно, но...

– Антон, вы мыслите уравнениями, а я решал задачу об убийстве, приходилось соображать в ином темпе.

Вошла Кристина с подносом, и каждый, не глядя, взял ту чашку, что ему предназначалась. Странное ощущение владело всеми – будто именно сейчас именно здесь каждый впервые в жизни понял себя-настоящего.

Кристина поставила пустой поднос на свободный стул и села не к столу, а на пол у ног мужа, держала блюдце с чашкой в руке, а локоть положила на колено Манна, и тот, тихо улыбнувшись, свободной рукой погладил жену по голове. Почему-то от этой идиллической картины Антону стало грустно, и он подумал... точнее, отогнал от себя мелькнувшую мысль... фу, – сказал он ей, даже не пытаясь разглядеть, – это было бы слишком замечательно, а потому невозможно.

Он допил кофе и только тогда поразился тишине. Манн сидел, откинувшись на стуле и закрыв глаза, Кристина поставила свою чашку на пол и положила голову мужу на колено. Они существовали сейчас отдельно от мира, и самым правильным было тихо подняться и уйти... один?

Антон поднял, наконец, взгляд и встретил взгляд Анны. Девушка глядела на него пристально, будто увидела в толпе, где можно смотреть, не отводя взгляда и не опасаясь, что тебя сочтут назойливой. Ее взгляд говорил...

Что-то...

Антон увидел. Дежа вю, какого с ним никогда не было. Не обстановка, не место, не ситуация. Взгляд.

Он уже видел этот взгляд. Где-то когда-то Анна... Эсти... подняла на него глаза, в которых плескалось это... не такое же, а именно это выражение, которое он не мог описать, да и не пытался. Они смотрели друг на друга, и постепенно Антон начал различать происходившее вокруг, будто светлая аура расширялась от головы девушки, освещая пространство... не комнаты, но тихого вечернего сада, аллеи, засаженной высокими деревьями. Он узнал их, это были древние и наполовину засохшие эвкалипты, они стояли печально, предвидя близкий конец, и в то же время гордо, потому что прожили такую долгую жизнь, какая достается очень немногим деревьям.

Эвкалиптовая дорога в Бейт-Шеане, Антон был там однажды. Можно сказать, и не был, проезжал мимо, когда их на школьном автобусе возили к

раскопкам греческого Скитополиса. Он видел аллею мельком и, конечно, не мог запомнить так, как увидел сейчас в глазах Анны.

Он медленно шел по дороге, деревья передавали его друг другу, и чья-то рука опиралась на его локоть, он скосил глаза и встретил взгляд Анны, и тогда возникло новое узнавание, еще одно дежа вю, уже в том его состоянии, в том его облике, в том, другом мире, о котором он пока ничего не знал. И глядя в глаза той Анны, он вспомнил...

...Так смотрела на него Эсти, его любимая Эсти, когда он осмелился сказать ей, что любит. Он долго репетировал, повторял про себя, как мантру, эти слова, боялся произнести их вслух, хотя точно знал, что Эсти поднимет на него глаза и в них он увидит...

...Другой взгляд, и снова будет дежа вю, он вспомнит, как так же смотрел в глаза Эсти в каком-то мире, где они... разве такое возможно... они женаты, и это их девочка... он держал ее на руках, она такая тяжеленькая, а взгляд, как у мамы, такой же светлый, и он сразу вспомнил, что уже видел этот взгляд, когда...

В тот вечер он не мог быть здесь, не мог видеть того, что происходило, но сейчас память, возникшая у Эсти в этом мире, перешедшая в сознание Эсти в мире другом, от нее к Анне в третьем мире и четвертом, и каком-то еще, и странным, причудливым образом вернувшаяся к Анне... опять сюда... он то ли видел ее глазами, вспоминал ее памятью, то ли...

«Никуда тебе от меня не деться, – расхохотался Ван Барстен, – ты моя, поняла? Моя!»

Он шел за ней по всем комнатам, на разные лады повторяя «Ты моя», и Антон, глядя на художника глазами Анны... Эсти... понимал, что это так, и что так это быть не может, но покончить с этим невозможно, свыше ее сил, она вспомнила о тайнике к кладовке, о том, что если кто-то узнает, то ей будет еще хуже, потому что... дальше она не думала, дальше начинался ужас, тот же, который сковал ее в первое мгновение знакомства с этим человеком и продолжался, продолжался... Покончить с этим можно было только....

«Никуда не денешься, – сказал Ван Барстен и пошел к двери. – Ладно, у меня дела, веселитесь тут, вернусь позже».

Она знала, какие у него дела, не знала – с кем. Он вернется. Он вернется и не застанет ее здесь. Он нигде ее не застанет. Ее здесь не будет. Ее не будет нигде.

Окно. Голоса в большой комнате. Друзья, подруги. Странные люди, что они о ней знают? Что хотят знать?

Окно. Высоко. Шестой этаж...

– Как ты можешь это помнить? – пробормотал Антон, глядя в глаза Анны и возвращаясь – медленно, переходя из взгляда во взгляд, из мира в мир.

– Где-то, – тихо сказала Анна, – я осталась... то есть, Эсти удалось спасти... наверно. Да?

– Да, – подумал, ответил Антон.

– О чем вы? – поднял голову Манн.

– Ван Барстен довел Эсти до самоубийства, – объяснил Антон.

– Да, – кивнул Манн, – я знаю. Но доказать это вряд ли удастся. Тайник – улика, но прямого отношения к смерти девушки не имеет. Сядет он за торговлю наркотиками.

– А я, – передернул плечами Антон, – за его убийство.

– Верно, – легко согласился Манн. – Слава Богу, не в этой реальности. И слава Богу, майор Мейден так и не понял, каким образом мне стало известно о тайнике.

– Он же видел, как я...

– Конечно. Вы – турист из Израиля, у вас богатое воображение, вы умеете находить спрятанные наркотики лучше, чем собаки-ищейки в аэропорту.

– Вы повесили ему на уши эту лапшу?

– У меня был другой выход?

– Он поверил?

– Нет, конечно. Но в некоторых вопросах мы с майором договорились доверять друг другу. Боюсь, вам еще придется иметь с ним дело. Я выторговал для вас спокойную ночь, если нынешнюю ночь можно назвать спокойной, и обещал в девять доставить вас в управление полиции для допроса.

– Что я ему скажу? – напрягся Антон. – Он не поверит ни одному моему слову.

– Что мы ему скажем? – сказала Анна, повторяя интонации Антона.

– Вас, Анна, майор решил не беспокоить... пока.

– Я пойду с Антоном, – решительно сказала девушка.

Манн решил, что лучше не спорить. Похоже, им будет так же трудно расстаться друг с другом, как немецким физикам – расцепить слипшиеся магдебургские полушария.

– Вы понимаете хотя бы, – сказал он осторожно, – что в любой момент у любого из вас может возникнуть дежа вю, и вы не сможете отличить нашу реальность от той, что вспоминается?

– Не беспокойтесь за нас, – быстро произнес Антон, неожиданно для себя поднялся, обошел стол и, опустившись перед Анной на колени, начал целовать ее ладони... одну, вторую... Анна, в первый момент зардевшись от странного, никогда прежде не испытанного ощущения, помедлив, поцеловала Антона в макушку, и ему показалось, что тысячи серебряных колокольчиков рассыпали в его сознании затихающую трель, и где-то заиграл рояль, и он вспомнил, что где-то однажды... нет, не однажды... много раз уже было с ним такое... он стоял на коленях перед женщиной, она поцеловала его в затылок, и точно так же, как сейчас, он уже много раз где-то поднимался с колен, и Анна поднималась, будто притянутая силой, название которой Антон знал, но забыл... сила всемирного тяготения? Нет, иначе... Неважно. И эта сила заставила их... принудила... иного слова не подберешь... губы их оказались так близко... глаза в глаза... и не было больше ни дежа вю, ни сотен сцепленных миров, где кто-то из них, возможно, и не слышал о другом, а кто-то с другим уже успел расстаться и страдал, оставшись в одиночестве... ничего не стало, и так должно было быть.

– Пойдем отсюда, – сказала Кристина, тронув мужа за плечо.

– Куда? – удивился Манн. – Я ужасно устал. Это задержание, майор Мейден... Я хочу спать, а эти двое сидят на нашем диване, сдвинуть их невозможно.

– И не пытайся, – решительно сказала Кристина. – Наконец-то ты выспишься в собственной постели, а не на диване в гостиной. Сколько раз я тебе говорила...

– Ты приходила ко мне...

– Больше не приду, – сказала Кристина и потянула мужа в спальню, куда он вошел с ощущением дежа вю: знакомая обстановка, он бывал в этой комнате сотни раз, но видел будто впервые. Или у этого дежа вю есть иное название?

Ему было все равно. Он повалился лицом на подушку и уснул мгновенно. Кристина терпеливо стянула с мужа туфли, пристроилась рядом и старалась не слышать взволнованных голосов из гостиной. Голоса перебивали друг друга, что-то говорили в унисон, о чем-то вдруг молчали, а потом Кристина слышала смех, похожий на радостные переливы крайслеровской скрипки в бессмертной пьесе «Восторг любви».

Ей показалось, что она уже слышала такой смех, такое молчание... Они стояли с Тилем... не здесь, а в Копенгагене, куда приехали на день, чтобы отдохнуть от суеты. Русалочка смотрела на них добрым взглядом, и Тиль именно тогда сказал...

Дежа вю.

Послесловие публикатора.

Новая повесть П.Амнуэля, как всегда, оказалась «многослойной». Как детектив она хороша тем, что относится к редкому классу юмористических трагедий: в ней реализована уникальная схема расследования реального в эвереттическом смысле убийства, в результате которого убитый получает место не на кладбище, а в тюремной камере. Присутствует и редкое сюжетное решение – типичные качества главного героя выявлены двумя лицами. Это интеллектуальный детектив, в котором сыщик оказывается умнее главного лирического героя-космолога в вопросах интерпретации квантовой механики!

И, наконец, это повесть о новых моральных проблемах, которые возникают при осознании физичности многомирия.

Я не говорю об очевидном – хорошем литературном языке, гармонично выстроенном сюжете и удачной лирической концовке.

С точки зрения эвереттики повесть «Дежа вю», как и все произведения эвереттического цикла П.Амнуэля, является художественно оформленной постановкой новых научных задач. На этот раз их спектр включил самые разнообразные науки: в физике поставлена проблема связи скорости течения времени в различных ветвях альтерверса и топологии структуры графа

склеек, а также проблема физичности ментальных склеек, в социологии – проблема описания многоуровневой рефлексии субъектов мультивидаума, в психиатрии – проблема классификации вариантов «синдрома дежавю» (Антон, Эсти, Эшер), и, наконец, в криминалистике – букет проблем будущей практики криминалистических расследований.

Мне кажется, что для столь короткой повести концентрация новизны здесь превышает литературную норму в разы. И при этом не возникает ощущения «зауми» – читатель, знакомый с эвереттикой, поймет почти все, а «случайный читатель», думается, должен осознать парадоксальность сюжета (юмористическая трагедия!) и получить удовольствие от его литературного воплощения.

Это, конечно, с литературной точки зрения, «жесткая НФ» (но только для тех, кто относит эвереттику к науке), а с научной – попытка выявления актуальных эвереттических задач в конкретных областях познания.

Ю.А.Лебедев

Поступила 19 августа 2010 г.